

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2022 Том 19 № 4

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4

<https://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Бахтикирева Улданий Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов, Российская Федерация
E-mail: bakhtikiireeva-um@rudn.ru

Заместитель главного редактора, ответственный секретарь

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов, Российская Федерация
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Почетный редактор

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Редакционная коллегия

Аминова Венера Рудалевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

Валуцьева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Российская Федерация

Вахидова Марьям Адыевна — доктор филологических наук, почетный профессор Оксфордского университета, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Республика Узбекистан

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, Соединенные Штаты Америки

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Республика Казахстан

Каназараджа Суреш — доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Российская Федерация

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Российская Федерация

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Российская Федерация

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, профессор, доцент, кафедра английского языка, Университет Макао, Китайская Народная Республика

Муранска Наталья — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словацкая Республика

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация

Сулейменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, Центр евразийских исследований, Университет Индианы, Блумингтон, Соединенные Штаты Америки

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, Российская Федерация

Хугаев Иран Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом культурной антропологии южных осетин, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Полные тексты: Cyberleninka, East View, Mendeley

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социалингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

---

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 07.12.2022. Выход в свет 15.12.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 13,22. Тираж 500 экз. Заказ № 1229. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 19 No. 4 (2022)

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4

<https://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Bakhtikireeva Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation
E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Valikova Olga Aleksandrovna, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, Peoples' Friendship University of Russia, Russian Federation
E-mail: valikova-o@rudn.ru

Honorary Editor

Steven G. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San-Antonio, San-Antonio, USA

EDITORIAL BOARD

- Prof. Venera R. Amineva*, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Prof. Mar'yam A. Vakhidova, University of Oxford, Grozny, Russian Federation
Prof. Suresh Canagarajah, Pennsylvania State University, Philadelphia, United States
Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan
Prof. Svetlana Evdokimova, Brown University, Providence, United States
Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation
Prof. William Fierman, Indiana University, Bloomington, United States
Prof. Sergey A. Kibal'nik, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Natal'ya V. Kulibina, The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation
Dr. Viktoriya B. Kurilenko, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation
Prof. Zuhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation
Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
Prof. Valentina A. Maslova, Vitebsk State University, Vitebsk, Belarus
Prof. Andrew Moody, University of Macau, Macau, China
Prof. Natal'ya Muranska, Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovakia
Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Helsinki, Finland
Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Prof. Al'fiya I. Smirnova, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstani Association of Teachers of Russian Language and Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
Dr. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation
Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation
Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation
Dr. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University, Moscow, Russian Federation
Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, Dimensions.

Cyberleninka, East View, Mendeley.

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: [/journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions](https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions)

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА / LANGUAGE IN SYSTEM

- Balandina E.S., Peredrienko T.Yu.** Image Analysis as the Means of Cultural Representation Study in a Worldview / **Баландина Е.С., Передриенко Т.Ю.** Анализ образа мира как средство изучения репрезентации культурных особенностей 576
- Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б.** Формирование языковой картины мира у билингов / **Afanasieva N.D., Zacharchenko S.S., Mogileva I.B.** Formation of the Linguistic Picture of the World of Bilinguals 587

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ / LANGUAGE IN PROCESS

- Поплавская Т.В., Шилей А.В.** Транслингвальность как экспликация апеллятивности городских наименований / **Poplavskaiia T.V., Shylei A.V.** Translinguality as an Explication of Appellative Character of Urban Names 596

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ / LITERARY DIMENSION

- Хугаев И.С.** «Песни кавказских горцев. Герои-нарты» Александра Кубалова: первый опыт русскоязычной стихотворной обработки осетинского народного эпоса / **Khugaev I.S.** “Caucasian Highlander’s Songs. The Nart heros’ by Alexander Kubalov: The first experience of the Russian language poetic processing of the Ossetian folk epic 603
- Арзамазов А.А.** Реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия: художественный феномен Александра Арапова / **Arzamazov A.A.** The Reality of Erzya-Russian Poetic Bilingualism: the Artistic Phenomenon of Alexander Arapov 622
- Галактионов С.С., Прошина З.Г.** «Потики» Патриции Грейс: коренное маорийское повествование через призму теории транскulturации / **Galaktionov S.S., Proshina Z.G.** Patricia Grace’s “Potiki”: Indigenous Māori Narrative Through the Lens of the Transculturalism Theory 637
- Хабибуллина А.З.** Время в элегической поэзии И. Бродского и Р. Хариса: к проблеме различий / **Khabibullina A.Z.** Time in the Elegiac Poetry of I. Brodsky and R. Kharis: to the Problem of Differences 650
- Доган М.Г.** Образ Советской России в стихотворениях и поэмах турецкого поэта Назыма Хикмета Рана / **Dogan M.G.** The Image of Soviet Russia in the Short Poems and Poems of the Turkish Poet Nazim Hikmet Ran 662
- Ананьева С.В.** Билингвизм и транслингвизм в новейшей литературе / **Ananyeva S.V.** Bilingualism and Translinguism in Contemporary Literature 675
- Lebedeva E.S.** From Intercultural Communication to Transcultural Creativity: A Study of Russian-American Fiction / **Лебедева Е.С.** От межкультурной коммуникации к транскulturальному литературному творчеству (на примере русско-американской художественной литературы) 685

АРСЕНАЛ / ARSENAL

- Эясу С.Т., Лаптева М.Д.** Сравнительный анализ социокультурного контекста в учебниках по миноритарным языкам как неродным (на материале электронных учебников по удмуртскому и шведскому языкам) / **Eiassu S.T., Lapteva M.D.** A Comparative Analysis of the Socio-Cultural Context in Textbooks of Minority Languages for Non-native Speakers (Based on Electronic Textbooks of Udmurt and Swedish languages) 694
- Васильева А.А.** Академическая презентация в формате Pechakucha — профессиональная составляющая студентов-билингвов в условиях сетевой коммуникации / **Vasileva A.A.** Academic Presentation in Pechakucha Format is a Professional Component of Bilingual Students in an Online Communication Environment 708
- Аникина М.Н.** Устойчивость знаний и навыков в процессе обучения второму языку: создание системы развёрнутого интегративного контроля для начального этапа обучения / **Anikina M.N.** The Second Language Learning: Creating a System ff Extended Integrative Control for Linguistic Knowledges and Communication Skills Sustainability 715
- Дианова Л.П.** Работа с медиатекстом в аудитории: кейс-методика / **Dianova L.P.** Working with Media Text in the Audience: Case Method 724

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-576-586

Research Article

Image Analysis as the Means of Cultural Representation Study in a Worldview

Ekaterina S. Balandina , Tatiana Yu. Peredrienko

South Ural State University (National Research University),
76, пр. Ленина, г. Челябинск, 454080, Russian Federation
 ebalandinaes@susu.ru

Abstract. The purpose of the article is to present the methodology of image analysis as the means of cultural representation study in a worldview on the example of the image “work”. The research is based on the idea that any phenomena of reality perceived by a person in the process of activity and communication are revealed in his mind through images. These images record not only causal and spatial relationships of phenomena and emotions in the process of perception, but also can be characterized by a certain social and ethno-cultural peculiarities, dynamism and variability. The images connected with real-world objects are studied through the mixed methods research including the associative experiment and gradual scaling. Associative fields constructed in the course of the experiment allow analyzing images from linguistic and psycholinguistic points of view according to the formal-grammatical features of the received responses, contiguity — similarity classification, and semantic field grouping. The experiment was organised between the equal number of Russian, Chinese and Arabic students of 20–25 years old. The interest to study this age group is explained by the fact that it is young people who form the future of any country and society in general. To study the perception of the image “work” the respondents were asked to fulfill the questionnaires in their native languages where they were to write the first association that came to their mind when they saw the word-stimulus. All responses presented in the article were translated into the English language. In conclusion, the authors summarise the received results, describe the complex structure of various associative pairs, and identify differences and similarities in the perception of the studied image in worldviews of various culture representatives.

Key words: worldview, associative experiment, associative fields, reactions

Article history: received 24.04.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Balandina, E.S., and T.Yu. Peredrienko. 2022. “Image Analysis as the Means of Cultural Representation Study in a Worldview”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 576–586. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-576-586

© Баландина Е.С., Передриенко Т.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Анализ образа мира как средство изучения репрезентации культурных особенностей

Е.С. Баландина✉, Т.Ю. Передриенко

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76
✉ ebalandinaes@susu.ru

Аннотация. Описана методология исследования образов, сложившихся в языковом сознании, на примере анализа образа «работа». Основой данного исследования послужило положение о том, что все воспринимаемые человеком образы обладают определенной этнокультурной обусловленностью и вариативностью. Материал для проведения исследования был получен в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Детальное изучение ассоциативных полей, сформированных на основе полученных результатов, позволило провести сравнительно-сопоставительный анализ образа «работа» в языковом сознании носителей русской, китайской и арабской культур. Реакции, выделенные респондентами, были классифицированы по смежности и сходству, а также в соответствии с формально-грамматическими признаками и семантическими особенностями. Сделан вывод об эффективности предложенной методологии анализа ассоциативных полей, раскрыта специфика образа «работа», сложившегося в языковом сознании носителей трех разных культур, а также выделены ключевые сходства и различия восприятия анализируемого образа.

Ключевые слова: образ мира, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, реакции

История статьи: поступила в редакцию 24.04.2022; принята к печати 04.10.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Баландина Е.С., Передриенко Т.Ю. Анализ образа мира как средство изучения репрезентации культурных особенностей // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 576—586. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-576-586

Introduction

Any person is a representative of a certain culture that reflects in his mind [1]. It means that his consciousness is seen as the subjective awareness of any momentary experience placed in a personal memory [2]. Various images and representations are formed in the worldview under the influence of a given culture thus constructing the cultural worldview that is understood as a belief system about one's culture [3]. Differences in national consciousness are the main causes of misunderstanding in intercultural communication as any dialogue takes place only in the consciousness of a particular culture representative and reflects the particular images existing in it [4]. Moreover, different lingua cultures have different realizations of the world [5].

A person perceives the world through different images that are constructed under the influence of subjective tendencies, ideals and interests [6]. All images existing in the

worldview are combined through different associative connections in human consciousness. The set of images develops a unified worldview reflected in the consciousness in the form of a complete multilevel system of person's ideas about the world [7]. A worldview verbalizes the practical involvement of a person in the world and is connected with the real conditions of his social and individual life [8].

A relevant trend in the psycholinguistic application is the creation of the Associative dictionaries [9], Russian Associative Dictionary [10] which can be treated as the unique research tools helping to describe the ordinary consciousness of native speakers.

Nowadays it is becoming clear that humanity is developing along the path of expanding interconnections between different countries, people and cultures. The expansion of such interaction makes the issue of national identity, cultural differences and similarities especially urgent [11]. In this regard, scientists start to relate their studies to the research of ethnic worldview and in particular individual images, based on which one can trace the dynamics of life values.

The youth is a group, distinguished by its age between childhood and adulthood and special social status. The interest to study this group of society is explained by the fact that it is young people who form the future of any country and society in general. Therefore, while analyzing life values among the youth it is possible to highlight the real hierarchy of value orientations and identify, the degree of their adaptation to social conditions and innovative potential [12]. Moreover, the problems of reality reflection and ways of its representation in linguistic consciousness seem to be important in the sphere of linguistic fundamental research.

Material and Methods

The material for our research was gathered by means of the questionnaires that were organised simultaneously among the equal number of Arabic, Chinese and Russian male and female students. The equal number of male and female participants is considered to be the most important aspect of the experiment organization to exclude gender influence. These nationalities were chosen according to the educational environment of the region where the experiments were organised. At the moment Russia, China and Iraq have strong and close collaboration in many spheres including the educational one. Today many students from China and Iraq get higher education in Russian universities. Thus, the analysis of differences and similarities of the worldviews is important to build strong relations not only in the field of education but also in business, technology, etc.

In the first stage of our research, the main task was to get the general picture of value orientations among students of three chosen cultures. Twenty students from each group (10 male and 10 female students) were asked to choose from the given list of words five most important values and place them according to the order where '1' is the most important and '5' is the least important value from their point of view. Therefore, we applied the method of gradual scaling by asking the participants to identify alternative semantic spaces by assigning words of one semantic group to numbers [13]. The application of this method helped us to assess the position of the chosen image among important life values.

On the next stage, we used the associative experiment, which is considered to be one of the most effective means of collecting information about the language and consciousness [14—18]. From the point of view of I.G. Beskorovainaya, it allows to analyze the worldview and cultural specificity of images existing in it and to reveal the mental lexicon, verbal memory, cultural stereotypes of any person [19]. Moreover, the associative experiment is considered to be the most developed technique of psycholinguistic analysis of speech semantics [20].

The experiment was organised between the equal number of Russian, Chinese and Iraqi students of 20—25 years old. The respondents were given approximately 15 minutes to fulfill the list of 100 words written in their native languages. The time limit allows getting the unconscious reactions as the time interval between stimulus and reaction was minimized. So the interviewees could not think of what to say and how the concept of association excludes the idea of answer-selection. We also asked students to point their age, sex and nationality to exclude the respondents that don't meet the criteria of the chosen youth group. As a result, we managed to construct three associative fields of 100 reactions.

Results

The participants of the gradual scaling experiment mentioned “work” in their Social Value Lists. Table 1 Social Value List presents the received data (the percentage is ≥ 80).

Table 1

Social value list

Arabic students	Chinese students	Russian students
Motherland	Motherland	Family
Respect	Family	Independence
Family	Nature	Money
Money	Work	Work
Work	Career	Health

It is seen that work is included in a group of important life values. Therefore, the methodology of image analysis can allow studying the perception of work and its role in the life of young people. As a result, we constructed three associative fields consisting of approximately 100 reactions. The figure in round brackets shows the number of respondents who gave the same association. Among the received answers we can distinguish frequent (nuclear) reactions that comprise nearly 46—49% of all responses, and less frequent ones which can help to generalize the perception of the studied image.

The analysis of the image “work” in the worldview of arabic students

Work job (18), *money* (14), *life* (10), *hard* (7), *future* (6), *do* (5), *responsibility* (4), *much* (4), *duty* (4), *independence* (2), *many* (2), *success* (2), *important*, *weekday*, *everything*, *tired*, *die*, *trying hard*, *computer*, *good*, *innovation*, *effort*, *necessary*, *doctor*, *position*, *earning*, *continue life*, *boundaries*, *getting money*, *pain*, *saving your life*, *tiredness*, *respect*, *work* (1).

The presented associative field consists of 100 answers, with 34 different responses, where the diversity coefficient (K_p) equals to 0,34 (K_p was calculated according to the formula: $K_p = B \div A$, where A is the number of reactions, B is the number of different reactions).

The characteristic of reactions implies the analysis of their formal-grammatical features. In the given associative field, four main types of reactions can be selected. The first one is the verbal reaction *do* (5). The second type is the reactions in the form of word-combinations *continue hard, trying hard, getting money, saving your life* (1). The third type combines word-forms that are adjectives *much* (4), *many* (2), *important, necessary, good* (1). Finally comes the most numerous group of answers — nominative reactions *job* (18), *money* (14), *life* (10), *future* (6), *responsibility* (4), *duty* (4), *independence* (2), *success* (2).

On the next step, all the reactions can be classified according to contiguity and similarity. Contiguity reactions are the associative pairs that do not have common essential features in content. A variety of these associations comprises the so-called thematic associations: reaction of result *money* (14), working day reaction *weekday*, the importance of working process *everything*, metaphorical hardship *die*, elements of work *computer, innovation*, positions *doctor, position*, borders *boundaries* (1).

The similarity associations imply common lexical meanings. These answers are subdivided into determination and classification groups. The determination group includes reactions of difficulty *hard* (7), amount *much* (4), *many* (2); necessity *important, necessary* (1), personal attitude *good* (1) and a verbal reaction *do* (5). Classification reactions are the pairs that have at least one common essential feature in their contents (a process of working): *job* (18), *duty* (4), *earning, trying hard, work, getting money* (1).

In addition to the mentioned types of reactions, the mediated answers are distinguished in which the response has no direct connection with the analysed image. The relationship with the stimulus can be viewed only through a third, usually not formally expressed, member. Schematically, it can be represented as S [X] — R: work (through the third member — human being) *life* (10), *future* (6), *responsibility* (4), *independence* (2), *success* (2), *pain, tiredness, respect, effort, continue life, saving your life, tired* (1).

The most frequent reactions from the Arabic students that comprise the base for the image “work” are the relative synonym *job* (18), the result of the work *money* (14), the reflection of necessity *life* (10) and reflection of difficulty *hard* (7). The received data let us select several semantic groups to enlarge our knowledge concerning the perception of the analysed image. The calculations were carried out according to the formula $x = (A \times B) / 100$, where A is the total number of reactions, and B is the number of received reactions in any semantic group.

– Semantic group of reactions based on relative and contextual synonyms (21%): *job* (18), *getting money, earning, work* (1);

– Semantic group of difficulty (20%): *hard* (7), *much* (4), *many* (2), *tired, die, trying hard, effort, pain, boundaries, tiredness* (1);

– Semantic group of necessity (20%): *life* (10), *future* (6), *necessary, continue life, everything, saving your life* (1);

– Semantic group of work results (19%): *money* (14), *independence* (2), *success* (2), *respect* (1);

- Semantic group of responsibility (8%): *responsibility* (4), *duty* (4);
- Semantic group of every-day associations (8%): *do* (5), *weekday*, *innovation*, *computer* (1);
- Semantic group of position reactions (2%): *doctor*, *position* (1);
- Semantic group of attributive reactions (2%): *good*, *important* (1).

The results presented above show that the most significant semantic groups include the group of reactions based on relative and contextual synonyms, the group of work results and the groups of difficulty and necessity. The given semantic groups illustrate that for Arabic students the image “work” is associated with money that they have to earn to provide their future and save a life. “Work” takes much effort and can be rather tiring and difficult. The general connotation of the studied image is neutral and sometimes negative. It is explained by the fact that at the moment of organising the experiment all the respondents were students who had no opportunity for their full realization in work and have strong confidence that doing it is not an easy thing. Nevertheless, they understand that work can bring not only money but also independence, success and respect. However, it should be noticed that the financial side of this process prevails over the emotionally valuable one that is proved by the number of positive attributive reactions.

The analysis of the image “work” in the worldview of Chinese students

Work *hard* (23), *job* (9), *tired* (7), *worker* (7), *homework* (4), *boring* (4), *busy* (3), *money* (3), *work hard* (3), *working* (2), *weekend* (2), *study* (2), *go*, *paper*, *salary*, *hardworking*, *together*, *rest*, *harder*, *weekday*, *get money*, *remarkable*, *devoted*, *exhausted*, *careful*, *write*, *not very happy*, *do*, *difficult*, *relax*, *workers*, *wage*, *colleague*, *doctor*, *time*, *learn*, *no panic*, *vocation*, *I don't like*, *more money without work*, *studying*, *much*, *cautious*, *earnest*, *tiring* (1).

The associative field of the image “work” consists of 102 answers, with 47 different responses, where the diversity coefficient (Kp) equals to 0,46.

The formal-grammatical division is illustrated by the verbs *do learn*, *write*, *go* (1), the adjectives *boring* (4), *busy* (3), *hardworking*, *remarkable*, *careful*, *cautious*, *much*, *earnest*, *tiring*, *tired*, *exhausted*, *devoted* (1), the adverb *together* (1), the nominative group *job* (9), *worker* (7), *homework* (7), *money* (3), *weekend* (2), *paper*, *salary*, *rest*, as well as the word combinations *work hard* (3), *get money*, *not very happy*, *more money without work* (1) and the reaction in the form of the sentence *I don't like* (1).

Determination group of similarity reactions can be presented by the adverb *together*, the adjectives of difficulty *hard* (23), *boring* (4), *difficult*, *careful*, *tiring*, *much* (1) and the adjectives of importance *remarkable* (1), the verbal reactions *do*, *go*, *learn*, *write* and the word combination *to work hard* (3). Classification reactions include relative and contextual synonyms *job* (9), *get money* (1) and a thematic group of reactions joined together by common contextual associations within the sphere of education *homework* (4), *study* (2). Contiguity reactions are illustrated by the work participants *worker* (7), *workers*, *colleague*, reactions of result *money* (3), *salary*, *wage*, time reactions *weekend* (2), *weekday*, *time*, reactions of activity *rest*, *vocation*, *relax* (1). Mediated answers include characteristics of a working person *tired* (7), *busy* (3) *hardworking*, *devoted*, *exhausted*, *cautious*, *earnest*, *not very happy*; reaction related to money *paper* and personal answers *no panic*, *I don't like*, *more money without work*.

The nuclear base of the associative field consists of the attributive reactions *hard* (23), *tired* (7) and the nominative reactions *job* (9), *worker* (7) that indicate the general perception of the studied image. Semantic distribution of the answers can be illustrated by the following groups:

- Semantic group of attributive reactions characterising the analysed image (31%): *hard* (23), *boring* (4), *difficult*, *careful*, *tiring*, *harder*, *much* (1);
- Semantic group of attributive reactions characterising a person related to the image (16%): *tired* (7), *busy* (3), *hardworking*, *devoted*, *exhausted*, *cautious*, *earnest*, *not very happy* (1);
- Semantic group of the participants (10%): *worker* (7), *workers*, *colleague*, *doctor* (1);
- Semantic group of reactions based on relative and contextual synonyms (9%): *job* (9);
- Semantic group of thematic reactions joined together by common contextual associations within the sphere of education (9%): *homework* (4), *study* (2), *studying*, *learn*, *write* (1);
- Semantic group of action reactions (8%): *work hard* (3), *working* (2), *do*, *to go*, *get money* (1);
- Semantic group of work results (5%): *money* (3), *salary*, *wage* (1);
- Semantic group of time reactions (4%): *weekend* (2), *weekday*, *time* (1);
- Semantic group of personal reactions (4%): *no panic*, *not very happy*, *I don't like*, *more money without work* (1);
- Semantic group of activity reactions (3%): *rest*, *vocation*, *relax* (1);
- Semantic group of cooperation (1%): *together* (1).

The most numerous groups of attributive reactions of both types demonstrate not only the principal of general perception but also the attitude and the connotation of the studied image. Chinese students perceive “work” as something hard, tiring and difficult. Therefore, they gave a lot of personal answers that show the emotional spectrum of a worker *tired*, *busy*, *hardworking*, *exhausted*, *not very happy*, *I don't like*. These reactions can be characterised as negative in contrast to the minority groups of positive-neutral answers *devoted*, *cautious*, *earnest* and *no panic*. At the same time we can indicate that “work” is associated not only with a job and professional activities e.g. *doctor*, but is also related to the process of education *homework*, *study*, *studying*, *learn*, *write*.

The analysis of the image “work” in the worldview of Russian students

Work *money* (13), *job* (12), *favourite* (7), *salary* (7), *hard* (4), *interesting* (4), *house* (4), *not a wolf* (4), *boring* (2), *goal* (2), *routine* (2), *study* (2), *fatigue* (2), *duties* (2), *difficulties* (2), *no* (2), *life*, *interest*, *education*, *income*, *schedule*, *difficult*, *plant*, *hobby*, *joy*, *black*, *self-development*, *well-paid*, *perspective*, *task*, *fear*, *importance*, *constant*, *difficult*, *but necessary*; *happiness*, *activity*, *necessity*, *sadness*, *search*, *pleasure*, *responsibility*, *despondency*, *rest*, *earning*, *dreams* (1).

The associative field of the image “work” consists of 100 answers, with 45 different responses, where the diversity coefficient (K_p) equals to 0,45.

According to formal-grammatical classification, the distribution of answers can be presented in the following way. The first group is the reactions in the form of word-combinations *not a wolf* (4), *difficult*, *but necessary* (1). The second is the interjection *no* (2). Then come adjectives that characterise the word stimulus *favourite* (7), *hard* (4),

interesting (4), *boring* (2), *constant*, *difficult*, *black*, *well-paid*, *perspective* (1) and finally the nominative reactions *money* (13), *job* (12), *salary* (7), *house* (4), *goal* (2), *fatigue* (2), *routine* (2), *study* (2), *duties* (2), *difficulties* (2), *life*, *interest*, *education*, *income*, *schedule*, *difficult*, *plant*, *hobby*, *joy*, etc.

Classification reactions are presented by the most frequent reactions *job* (12), *earning* and answers *study* (2), *education* (1). Determination reactions are subdivided into attributive answers possessing the direct description of the analysed image from the position of interest *favourite* (7), *interesting* (4), *well-paid*, *perspective*, *constant* (1) and difficulty *hard* (4), *boring* (2), *difficult*, *black* (1). Contiguity answers are reactions of result *money* (13), *salary* (7), *income*; daily routine *routine* (2), *goal* (2), *duties* (2), *activity*, *schedule*, *search*, *task* (1); responsibilities and necessity *responsibility*, *importance*, *but necessary*; *necessity* (1); place *house* (4), *plant* (1); difficulty *difficulties* (2), *fatigue* (2), *fear*, *despondency* (1); activity *rest* and the element of a phraseological unit *not a wolf* (4). Mediated nominative answers related to the studied image by means of the third element (human being) can be illustrated by the following list: *no* (2), *life*, *hobby*, *joy*, *self-development*, *happiness*, *sadness*, *pleasure*, *dreams* (1).

The most popular reactions include the responses of result *money* (13), *salary* (7), the relative synonym *job* (12), and the positive attributive answer *favourite* (7). All the frequent reactions recorded in the associative field present the general perception of the image “work” that is verified by the selected semantic groups:

- Semantic group of work results (21%): *money* (13), *salary* (7), *income* (1);
- Semantic group of attributive reactions characterising the analysed image (22%):
positive (14%): *favourite* (7), *interesting* (4), *well-paid*, *perspective*, *constant* (1);
negative (8%): *hard* (4), *boring* (2), *difficult*, *black* (1);
- Semantic group of reactions based on the relative and contextual synonyms (13%):
job (12), *earning* (1);
- Semantic group of daily routine (10%): *routine* (2), *goal* (2), *duties* (2), *activity*, *schedule*, *search*, *task* (1);
- Semantic group of difficulty (6%): *difficulties* (2), *fatigue* (2), *fear*, *despondency* (1);
- Semantic group of personal reactions (5%): *no* (2), *hobby*, *self-development*, *dreams* (1);
- Semantic group of feelings (5%): *joy*, *happiness*, *sadness*, *pleasure*, *interest* (1);
- Semantic group of place (5%): *house* (4), *plant* (1);
- Semantic group of necessity (4%): *importance*, *life*, *difficult*, *but necessary*; *necessity* (1);
- Semantic group of phraseological units (4%): *not a wolf* (4);
- Semantic group of reactions based on the thematic reactions joined together by common contextual associations within the sphere of education (3%): *study* (2), *education* (1);
- Semantic group of activity (1%): *rest* (1);
- Semantic group of responsibility (1%): *responsibility* (1).

The most important aspect of “work” for Russian students is its result *money*, *salary*. This allows to conclude that they are more concentrated on what they get then on the responsibilities and duties that they have to fulfill. Therefore, the respondents treat ‘work’ as an *interesting*, *well-paid*, *perspective* job or as a difficult necessity for *self-development*. Anyway, the general description of “work” is positive that can be proved by the distribution

of emotionally positive and negative answers. At the same time, the percentage of students, comparing work and study is relatively small. Thus, we can state, that Russian respondents associate “work” with their dream job, which can bring *joy, happiness, pleasure*, and of course *money*.

Conclusions

The given analysis shows the differences and similarities in the perception of the studied image. The general types of reactions from the formal-grammatical classification can be presented in Table 2 General types of reactions.

Table 2

General types of reactions (%)

Types of reaction	Work (Arabic students)	Work (Chinese students)	Work (Russian students)
Sentence reactions	–	0,9	–
Word combinations	4	4,8	5
Verbal reactions	5	5,6	–
Adjectives	9	44,5	22
Adverbs	–	0,9	–
Nouns	82	43,3	71
Interjections	–	–	2

The majority of responses refer to the inanimate models of speech synthesised in the experimental conditions where nomination and determination are considered to be the most typical types of answers. At the same time, the reaction strategies of Chinese students are characterised by more variability and diversity than other students’ replies.

Placement of responses according to the level of relations among the elements can be illustrated by Table 3 Placement of responses according to the level of relations. The formula $x = (A \times B) / 100$, where A is the total number of reactions, and B is the number of received reactions in any group helped to reveal the percentage distribution of the reactions.

Placement of reactions is largely determined by the lexical and grammatical properties of the word-stimulus. Chinese students tend to use more associations based on the determination, which together with the classification reactions comprise the largest type of similarity responses. Russian interviewees describe the image mainly through the contiguity reactions, while Arabic students gave approximately equal number of answers that are included in various groups.

Table 3

Placement of responses according to the level of relations (%)

Level of relations	Work (Arabic students)	Work (Chinese students)	Work (Russian students)
Contiguity reactions	22	21	51
Similarity reactions (determination)	21	40	16
Similarity reactions (classification)	26	19	23
Mediated answers	31	20	10

In the last stage of the experiment, the main trends in the perception of the studied image were compared. Chinese and Arabic students associate “work” with a hard and difficult process that demands efforts. It should be mentioned that Chinese respondents describe the image not only in a direct way typical for Arabic interviewees but they also do it through the group of attributive reactions characterising the person who is related to the image. At the same time, they relate “work” not only to the process of earning money but also to the process of education. Arabic students treat “work” as a necessity without which they won’t be able to live. They are more concentrated on responsibilities because the result of their work is not only money but also independence, success, respect. Russian students are more interested in the financial side and the benefits that they can get from work, rather than the opportunities for self-development and independence. Thus, the constructed associative field based on their answers is more positive in comparison to the Arabic and Chinese ones.

Summarizing, we can say that psycholinguistic analysis of image comparative study can allow scientists to open the hidden parts of consciousness of various culture representatives.

References

1. Zittoun, T., & Gillespie, A. 2015. Internalization: How culture becomes mind. *Culture & Psychology*, 21(4), P. 477—491. doi.org/10.1177/1354067X15615809
2. Johnson, K. 2008. *Quantitative methods in linguistics*. Wiley-Blackwell Publishing.
3. Matsumoto, D. 2006. Culture and Cultural Worldviews: Do Verbal Descriptions about Culture Reflect Anything Other Than Verbal Descriptions of Culture? *Culture & Psychology*, 12 (1), P. 33—62. doi.org/10.1177/1354067X06061592
4. Ufimtseva, N.V. Etnopsikholingvistika: vchera i segodnya [Ethnopsycholinguistics: yesterday and today]. *Voprosy psikholingvistiki [Questions of psycholinguistics]*. 2006. 4. S. 92—100. (In Russian).
5. Dicks, I. D. 2018. Language capacity is not enough: Be intentional about growing culture and worldview understanding. *Missiology. An International Review*, 46 (3), P. 268—282. doi.org/10.1177/0091829618769903
6. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of a person]*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. 896 s. (In Russian).
7. Smirnov S.D. *Obraz mira [Worldview]*. Moscow: PER SE, 2005, 153 s. (In Russian).
8. Tarasov E.F., & Ufimtseva N.V. Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya [Problems of studying linguistic consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki [Questions of psycholinguistics]*. 2009. 10. S. 18—25. (In Russian).
9. Kiss, G., Armsthong, C., Milroy, R. 1972. *The Associative Thesaurus of English*. Edinburgh. doi.org/10.1371/journal.pone.0032809
10. Russian Associative Dictionary Russ From the stimulus to the reaction. Open Company “Publishing house Astrel”, Moscow, 2002, 984 s. (In Russian).
11. Alekberova I.E. Mezhhkul'turnoe vzaimodeystvie kak tsentral'naya dominanta turistskogo biznesa [Intercultural interaction as the central dominant of the tourist business]. *Yazyk i mezhhkul'turnaya kommunikatsiya [Proceedings of the Language and Intercultural Communication]*. 2011. S. 122—125. (In Russian).
12. Featherstone, M. 2011. Societal value formation and the value of life. *Current Sociology*, 59 (2), P. 119—134. doi.org/10.1177/0011392110391129
13. Dun-Runkin, P., Gerald, A. 2012. *Scaling methods*. New York: Psychology press.
14. Ushakova, T.N. Lingvisticheskoe soznanie i printsipy ego issledovaniya [Linguistic consciousness and the principles of its research]. *Yazykovoie soznanie i obraz mira [Proceedings of Linguistic consciousness and the worldview]*. 2000. S. 13—23. (In Russian).

15. Frumkina R.M. *Psikholingvistika [Psycholinguistics]*. Moscow: Academy, 2001. 320 s. (In Russian).
16. Zalevskaya, A.A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst [Psycholinguistic research. Word. Text]*. Gnosis, Moscow, 2005, 543 s. (In Russian).
17. Sorokin Yu.A. *Etnicheskaya konfliktologiya (teoreticheskie i eksperimental'nye fragmenty) [Ethnic conflictology (theoretical and experimental fragments)]*. Institute for Problems of Risk, Moscow, 2007, 120 s. (In Russian).
18. Roberts, L. 2012. Psycholinguistic techniques and resources in second language acquisition research. *Second Language Research*, 28 (1), P. 113—127. doi.org/10.1177/0267658311418416
19. Beskorovainaya I.G. Assotsiativnyy eksperiment kak sposob rekonstruktsii fragmentov yazykovogo soznaniya [Associative experiment as a way of reconstructing fragments of linguistic consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki [Questions of psycholinguistics]*. 2004. 2. 73—77. (In Russian).
20. Arsenyeva, I.A., Antonova, N.A., Ivanova, A.S., Yakushev, V.V., Timashova, L.V. 2018. Visualization of the emotional vocabulary of the Chinese language as exemplified in the associative experiment. *XLinguae*, 11 (1), P. 251—268. doi: 10.18355/XL.2018.11.01.21

Bio Notes:

Ekaterina Sergeevna Balandina is a Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Institute of Linguistics and International Communications of the South Ural State University (National Research University). E-mail: balandinaes@susu.ru

Tatyana Yurievna Peredrienko is a Associate Professor, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Institute of Linguistics and International Communications of the South Ural State University (National Research University). E-mail: peredrienkoti@susu.ru

Сведения об авторах:

Баландина Екатерина Сергеевна — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет). E-mail: balandinaes@susu.ru

Передриенко Татьяна Юрьевна — доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет). E-mail: peredrienkoti@susu.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595

Научная статья

Формирование языковой картины мира у билингвов

Н.Д. Афанасьева[✉], С.С. Захарченко^{ORCID}, И.Б. Могилёва^{ORCID}

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ,
Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76
✉ afan-nina@yandex.ru

Аннотация. Авторы статьи анализируют специфику формирования языковой картины у билингвов, в сознании которых соединяются два культурных кода. Высказывается предположение, что языковая картина мира билингвов отличается от картины мира носителя языка. При формировании языковой личности билингва в его сознании сливаются две культуры; многие исторические, общественные факты, испытывая влияние индивидуально-личностных взглядов, суждений, оценок, получают более яркую окраску, описываются по-другому, что дает возможность понять мировосприятие другого человека. У естественных билингвов, в отличие от искусственных, происходит соединение двух картин мира, двух культурных кодов. Однако обе картины в сознании билингва, не оторванного от одной языковой среды, соединяясь, видоизменяются и в итоге формируют еще одну, со своими специфическими особенностями. Писатели-билингвы, в сознании которых соединяются два разных языка, используя при создании своего произведения, например, русский язык, тем не менее находятся в системе образов родного языка, родной культуры. В результате появляются нетипичные для носителей выражения, стилистические приемы и другие средства художественной выразительности. Так появляется новый культурный код, который требует особых языковых средств. Писатель-билингв дает оценку любому явлению с точки зрения родной культурной среды. Рассмотрены особенности творчества некоторых писателей-билингвов (Теодора Каллифатидеса, В.В. Набокова, Чингиза Айтматова, Андрея Макина). Показано, что билингвальный автор, в сознании которого соединяются два разных мира, находится ближе к системе образов родного языка, родной культуры.

Ключевые слова: языковая картина мира, естественные и искусственные билингвы, материнский язык, культурный код

История статьи: поступила в редакцию 08.09.2022; принята к печати 04.10.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Формирование языковой картины мира у билингвов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 587–595. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595

© Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Formation of the Linguistic Picture of the World of Bilinguals

Nina D. Afanasieva ✉, Svetlana S. Zakharchenko , Irina B. Mogileva

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76, *Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation*
✉ afan-nina@yandex.ru

Abstract. The authors of the article analyze the specifics of the formation of the linguistic picture of bilinguals, in whose minds two cultural codes are combined. The authors suggest that the linguistic picture of the world of bilinguals differs from the picture of a native speaker. When forming a bilingual linguistic personality, two cultures merge in his mind; many historical, social facts, influenced by individual and personal views, judgments, assessments, get a brighter color, are described differently, which makes it possible to understand the worldview of another person. Natural bilinguals, unlike artificial ones, have a combination of two pictures of the world, two cultural codes. However, both pictures in the mind of a bilingual, who is not divorced from one of the language environments, combine, change and eventually form another one with its own specific features. Bilingual writers, in whose minds two different languages are combined, using, for example, the Russian language when creating their work, nevertheless find themselves in the system of images of their native language, native culture. As a result, expressions, stylistic techniques and other means of artistic expression that are atypical for native speakers appear. This is how a new cultural code appears, which requires special linguistic means. A bilingual writer evaluates any phenomenon from the point of view of the native cultural. The article provides examples: some characteristic features of the work of the Swedish bilingual writer of Greek origin Theodor Kallifatides, Russian-American writer V.V. Russian Russian and Kyrgyz literature by Chingiz Aitmatov, Russian French writer Andrei Makin. A bilingual author, in whose mind two different worlds are connected, nevertheless is closer to the system of images of his native language, native culture.

Key words: linguistic picture of the world, natural and artificial bilinguals, mother language, cultural code

Article history: received 08.09.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Afanasieva, N.D., Zacharchenko S.S., Mogileva I.B. 2022. “Formation of the Linguistic Picture of the World of Bilinguals”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 587—595. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595

Введение

Проблемы билингвизма (и полилингвизма), вопросы, связанные с изучением зависимости сознания от тех языков, которыми пользуются их носители, становятся особенно актуальными в современном мире. Наш интерес к этим проблемам обусловлен увеличением количества билингвов вследствие расширения экономических, культурных, языковых контактов граждан мира, их мобильности.

Объективный мир, окружающий человека, не зависит от языка, на котором он говорит. Но на картину мира, формирующуюся в его сознании, влияют многие

внешние факторы (культура, обычаи, традиции, воспитание, образование, окружающая среда и др.). Выражение своеобразного видения мира с помощью слов, языковых моделей называется языковой картиной мира, что для каждого индивида является отражением его национально-культурных особенностей. «В формировании картины мира язык выступает лишь формой выражения понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания, добытого человеком в процессе своей деятельности (теории и практики), — пишет лингвист, профессор Н.Г. Валеева [1. С. 200].

Обсуждение

По определению немецкого филолога В. фон Гумбольдта, существует дух народов, проявляющийся в языке, на котором этот народ говорит. Он тесно связан с тем, как эти народы выражают его с помощью языка. Для ученого естественно, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и познают мир, по-разному относятся к нему [2. С. 68].

Последователи В. фон Гумбольдта неогумбольдтианцы, в частности Йохан Лео Вайсгербер, также считали, что восприятие человеком мира напрямую зависит от того языка, на котором он говорит и думает [3. С. 135].

Дальнейшее развитие эти мысли получили в работах американских социолингвистов Эдварда Сепира и Бенджамина Ли Уорфа, в которых они исследовали отношения языка и действительности, окружающей человека, истории, культуры, мышления. Ученые предполагали, что носители разных языков неодинаково воспринимают мир и именно родной язык влияет на это восприятие [4. С. 157].

Идеи В. фон Гумбольдта повлияли и на формирование научной концепции А.А. Потебни, русского и украинского языковеда, философа, который утверждал, что язык напрямую связан с историей народа и изучать его, проводить исследования нужно, обращаясь к прошлому, к его культуре.

Русский лингвист Ф.И. Буслаев был полностью согласен с этим: «Язык есть выражение не только мыслительности народа, но и всего быта, нравов и поверий страны и истории народа» [5. С. 49].

Р.А. Будагов писал о том, что язык — отражение действительности, с помощью языка человек может выразить все свои мыслительные процессы, язык — это важнейшая часть жизни человека, без него невозможно существование мыслящих людей [6. С. 27].

Рассмотрим такое явление, как билингвизм с этих положений. В XX веке многие исследователи, продолжая анализировать взаимосвязь языка и мышления (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, Е.С. Кубрякова и др.), описали специфику языкового сознания билингвов (А.А. Залевская, И.Н. Горелов и др.), привлекли теоретические положения психологии, соединяя язык, мышление и сознание, призывая при объяснении того, как дети усваивают язык и как люди используют его, в обязательном порядке изучать психику и сознание человека (Н. Хомский, Р. Якобсон и др.).

При формировании языковой личности билингва в его сознании сливаются две культуры; многие исторические, общественные факты, испытывая влияние

индивидуально-личностных взглядов, суждений, оценок, получают более яркую окраску и иногда раскрываются с неожиданной стороны, что дает возможность понять мировосприятие другого человека. У естественных билингвов, в отличие от искусственных, происходит соединение двух картин мира, двух культурных кодов. Известный психоллингвист, профессор А.А. Залевская утверждает, что естественные билингвы, владеющие двумя языками с ранних детских лет, в сознании имеют две картины мира [7. С. 33—47].

Однако обе картины в сознании билингва, не оторванного от одной из языковых сред, соединяясь, видоизменяются и в итоге формируют еще одну, со своими специфическими особенностями.

Об искусственном, приобретенном билингвизме пишет филолог, психолог, автор новой концепции преподавания иностранного языка на основе психоллингвистики Т.К. Цветкова. Она предполагает, что, обучая иностранному языку, необходимо формировать в сознании учащихся новую языковую картину мира, которая не будет доминирующей, так как существует родная, сформированная в детстве. Без такого процесса невозможно достигнуть успеха в освоении иностранного языка. «Поэтому речь может идти только о формировании билингвального сознания, в котором сосуществуют, находясь в некоторых взаимоотношениях, две языковые картины мира» [8. С. 79]. Данное положение можно отнести к тем билингвам, родители которых являются носителями разных языков, а сами они оторваны от одного из языковых обществ.

Большой интерес для исследователей языковой картины мира билингвов представляет также суждение тех ученых, которые предполагают, что инофоны, успешно освоив грамматику второго языка, закрепив в своем сознании его лексический запас, усвоив ключевые концепты, имеют возможность общаться и на родном, и на приобретенном языке во всех сферах жизни. Но языковая картина мира такого билингва будет отличаться от картины носителя языка, так как достаточно сложно понимать метафоры, улавливать иронию, проводить ассоциации на неродном языке. Лингвист Д.Б. Гудков пишет о том, что хотя в процессе обучения изучаются и страноведение, и литература, даются широкие фоновые знания, «... инофон никогда не станет русской языковой личностью» [9. С. 37].

Нам кажется разумным согласиться с этой концепцией и в качестве примера привести описание солнца шведским писателем-билингвом греческого происхождения Теодором Каллифатидесом:

Мое шведское солнце — со светлыми волосами и голубыми глазами, мое греческое солнце — с мускулами и кудрявыми волосами. Мы не живем в одинаковых языковых мирах. Именно поэтому человеку невозможно акклиматизироваться в стране без знания языка этой страны.

В автобиографическом романе с символичным названием «Прошлое — это не сон» [10] Т. Каллифатидес вспоминает страну своего детства. Для писателя даже современная Греция населена древнегреческими мифологическими персонажами, о которых он упоминает, описывая разные города и селения. М.А. Моркина, исследователь шведской постколониальной литературы, в статье «Мифологизация родины в романе Теодора Каллифатидеса „Прошлое — это не сон“» пишет о

том, что писатель в произведении использует древнегреческие мифы, известные всем, а не только грекам. Именно поэтому воспоминания о своей родине — это рассказ о людях, действующих в каком-то волшебном мире. Герой автобиографического романа «объединяет себя в одну нацию с миллионами других греков, связанных одним мифологическим прошлым. Несмотря на то, что всю жизнь протагонист желал избавиться от грека внутри себя и старался максимально слиться со шведским обществом, обращение к вечным мифам во взрослом возрасте возвращает его к корням и пониманию, что „Греция внутри никогда его не покинет“» [11. С. 2042].

В.В. Набоков писал о себе:

Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию... Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце — по-русски, и мое ухо — по-французски.

Я не думаю ни на одном языке. Я думаю образами. Я не верю, что люди думают на языках. Нет, я думаю образами...¹.

На наш взгляд, в творчестве Набокова преобладает образность, присущая русскому человеку.

Обращаясь к творчеству писателя-билингва Чингиза Айтматова, классика русской и киргизской литератур, специалисты отмечают, что глубокие философские произведения этого автора стали значительными и в мировой литературе, и в киргизской. О повести «Прощай, Гюльсары!» Ч. Айтматов писал:

Лично мне повесть эта дорога тем, что в ней, как я думаю, мне удалось нарисовать картину современной национальной жизни, киргизский национальный характер. Я стремился воспроизвести не национальный «орнамент», а поставить существенные проблемы национального бытия, проникнуть в социальные конфликты и противоречия².

Ш.А. Мазанаев, филолог, исследователь литературы народов России, отмечает, что, создавая произведения на русском языке, Ч. Айтматов передает отношение к жизни, дает оценку происходящему как представитель киргизского народа. И далее Ш.А. Мазанаев пишет: «Писатель не повторяет путь, пройденный его предшественниками, не переносит механически в свои произведения мотивы фольклора, не копирует сюжеты бессмертного „Манаса“... Герои Айтматова смотрят на жизнь и явления природы своими глазами» [12].

Профессор, ученый-лингвист, исследователь художественного билингвизма У.М. Бахтикиреева так объясняет процесс творчества писателей: «Анализ текстов билингвального автора репрезентативно демонстрирует его способность к эффективной герменевтической деятельности — овладевать иным языком как способом осмысления и описания действительности» [13]. По мнению У.М. Бахтикиреевой, автор, создавая образы национальной киргизской культуры, несколь-

---

¹ *Набоков В.В.* Другие берега. М.: Corpus, 2022. С. 189.

² *Айтматов Ч.* От сердца к сердцу. Литературная газета. 29 апреля 1970. С. 4.

ко переосмысливает их, выделяя и отражая именно национальные черты, которые неразрывно связаны с национальным языком.

Билингвальный автор, в сознании которого соединяются два разных языка, используя при создании своего произведения, например, русский язык, находится в системе образов родного языка, родной культуры. В результате появляются нетипичные для носителей выражения, стилистические приемы и другие средства художественной выразительности. Таким образом, появляется новый культурный код, который требует особых языковых средств. Писатель-билингв дает оценку любому явлению с точки зрения родной культурной среды. «Следовательно, каждый субъект, в т.ч. билингв, как потребитель двух языков, в процессе речевой деятельности производит новое, собственное, но в соответствии с нормами и диалектикой развития коммуникативной и познавательной функций конкретного языка», — отмечает У.М. Бахтикирева [13].

Несомненный интерес представляет феномен русского французского писателя Андрея Макина, который родился, вырос, получил образование в России и только в зрелом возрасте оказался во Франции. Прекрасно владея французским языком, он начал литературную деятельность, позиционируя себя как французского писателя. На русский язык переведен только один роман А. Макина — «Французское завещание»¹, в котором он повествует о воспоминаниях жизни в России, о влиянии на его судьбу бабушки-француженки и т.д. За этот роман писатель получил Гонкуровскую премию (1995 г.). А. Макин пишет на французском языке, но на каком-то «особом», «своем». По мнению некоторых критиков, «языковая личность автора влияет на текст романа, на стиль, на композицию и все прочие элементы его структуры». Как мы видим, это языковая личность русского человека. В дальнейшем о чем бы ни писал А. Макин, действие его романов будет происходить в СССР. И это своеобразный импринтинг — запечатление, то, что оставило неизгладимый след в сознании автора в детстве и в подростковом возрасте, и то, что продолжает питать его творчество в настоящем. Нейропсихолог Т. Лири выделил несколько главных типов запечатлений у человека, среди которых важнейшими можно назвать территориально-эмоциональный и семантический или вербальный [14. С. 31], что подтверждается на примере творчества и литературной судьбы А. Макина.

Мы наблюдаем за нашими студентами-билингвами уже более десяти лет, пытаюсь помочь им углубить знания русского языка быстро, без затруднений, разноаспектно. В последнее время часто это искусственные полилингвы с тремя и даже четырьмя языками свободного владения. Нам интересно, как происходит переключение с языка на другой, что чувствует человек при таком переключении, на каком языке он думает. Студентка А. (армянский, русский, иврит, английский язык) сообщает:

Мне кажется, что я думаю не словами какого-либо одного языка, они все у меня в сознании перемешаны. А сны о России сняты с диалогами и комментариями на русском языке, об Армении — на армянском. Об университетской учебе я предпочитаю говорить по-английски, так как получаю образование на английском языке. Когда во

---

¹ *Макин А. Французское завещание* // Иностранная литература. 1996. № 12.

сне ко мне приходит мама, которая живет в Израиле, мы говорим с ней на иврите. Но когда я слышу слово, например, «вода» на любом языке, в моем сознании возникает армянское «джур», где звуки слова похожи на журчание горного ручья. Когда я произношу приветствия на разных языках, про себя я говорю «Барэв» по-армянски, потому что это связано с «арэв» (солнце), это радостно, как солнечный день, как улыбка. Когда при мне произносятся русские слова «глухой», «глухо», «глухота» или пословицу «Сытое брюхо к наукам глухо», то это вызывает у меня невольную улыбку, потому что по-армянски «глух» — это «голова», и я представляю себе «глупую» голову. Так, первый язык, впитанный с молоком матери, приобретенный на родине, в Армении, всегда будет первоосновой моего мировосприятия.

Заключение

Таким образом, наши наблюдения приводят нас к выводу, что существует язык главный, материнский, преобладающий над другими, и приобретенный. Мы настаиваем на такой точке зрения, но сами склоняемся к тому, что в сознании билингвов все-таки материнский язык приобретает более выраженное звучание и через полифонию других языков прорывается тот единственный, по-настоящему родной язык.

Открытость мира ведет к тому, что число билингвов и полилингвов, как естественных, так и искусственных, увеличивается. Они могут объясняться на нескольких языках, выражать свои мысли и чувства, но восприятие мира у них будет связано с родным языком. Вся полнота эмоций и жизненных ощущений связана с образами родной культуры. Картина мира, сформированная в раннем детстве в сознании человека, всегда будет приоритетной. Даже свободно владея другими языками, человек мыслит образами, запечатленными в сознании с детства.

Список литературы

1. *Валеева Н.Г.* К вопросу о переводе как средстве межкультурной коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevode-kak-sredstvu-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 20.08.2022).
2. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию М.: Прогресс. 2000.
3. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. М.: Эксмо-Пресс, 1993.
4. *Сепир Э.* Языки как образ мира. М.; СПб.: АСТ. 2003.
5. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка (1858). Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф.П. Филина; сост. Ф.М. Березин. М.: Высшая школа, 1973.
6. *Будагов Р.А.* Человек и его язык. М.: Изд-во МГУ, 1974.
7. *Залевская А.А.* Некоторые спорные вопросы теории двуязычия. Путь в язык: одноязычие и многоязычие: сб. статей / отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянских культур. 2011. С. 33—47.
8. *Цветкова Т.К.* Проблемы сознания в контексте обучения иностранному языку // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 79.
9. *Гудков Д.Б.* Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. М.: Изд-во МГУ. 2000.
10. *Kallifatides Th.* Det gångna är inte en dröm. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2010.
11. *Моркина М.А.* Мифологизация родины в романе Теодора Каллифатидеса «Прошлое — это не сон» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14. Вып. 7. 2021. С. 2042.

12. *Мазанаев Ш.А.* Национальный мир через национальные образы в двуязычной прозе Ч. Айтматова. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-mir-cherez-natsionalnye-obrazy-v-dvuyazychnoy-proze-ch-ajtmatova/viewer> (дата обращения: 19.09.2022).
13. *Бахтикиреева У.М.* Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дисс... д-ра филол. наук. М., 2005.
14. Leary, Timothy. *Exo-Psychology: A Manual on the Use of the Human Nervous System According to the Instructions of the Manufacturers*. Los Angeles: Star Seed Peace Press, 1977.

References

1. Valeeva, N.G. K voprosu o perevode kak sredstvu mezhkul'turnoj kommunikacii. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-perevode-kak-sredstvu-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (Date: 20.09.2022) (In Russ.)
2. Gumbol'dt, V. 2000. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
3. Vajšgerber, J.L. 1993. *Rodnoj yazyk i formirovanie duha*. Moscow: Eksmo-Press publ. Print. (In Russ.)
4. Sepir, E. 2003. *Yazyki kak obraz mira*. Moscow: Izdatel'stvo AST publ. Print. (In Russ.)
5. Buslaev, F.I. 1973. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka (1858). Hrestomatiya po istorii russkogo yazykoznaniiya*. Moscow: Vysshaya shkola, 1973. Print. (In Russ.)
6. Budagov, R.A. 1974. *Chelovek i ego yazyk*. Moscow: Izd-vo MGU publ. Print. (In Russ.)
7. Zalevskaya, A.A. 2011. *Nekotorye spornye voprosy teorii dvuyazychiya. Put' v yazyk: Odnoyazychie i mnogoyazychie*. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur. Pp. 33—47. Print. (In Russ.)
8. Cvetkova, T.K. 2001. "Problemy soznaniya v kontekste obucheniya inostrannomu yazyku". *Voprosy psihologii* 4: 68—81. Print. (In Russ.)
9. Gudkov, D.B. 2000. *Mezhkul'turnaya kommunikaciya: problemy obucheniya*. Moscow: Izd-vo MGU publ. P. 37. Print. (In Russ.)
10. Kallifatides, Th. 2010. *Det gängna är inte en dröm*. Stockholm: Albert Bonniers Förlag. Print. (In Swedish)
11. Morkina, M.A. 2021. "Mifologizaciya rodiny v romane Teodora Kallifatidesa 'Proshloe — eto ne son'". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Izd. Gramota 14 (7): 2042. Print. (In Russ.)
12. Mazanaev, Sh.A. *Nacional'nyj mir cherez nacional'nye obrazy v dvuyazychnoj proze Ch. Ajtmatova*. Web. <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-mir-cherez-natsionalnye-obrazy-v-dvuyazychnoy-proze-ch-ajtmatova/viewer> (Date: 19.06.2022) (In Russ.)
13. Bakhtikireeva, U.M. 2005. *Hudozhestvennyj bilingvizm i osobennosti russkogo hudozhestvennogo teksta pisatelya-bilingva*. Candidate Thesis. Moscow. Print. (In Russ.)
14. Leary, Timothy. *Exo-Psychology: A Manual on the Use of the Human Nervous System According to the Instructions of the Manufacturers*. Los Angeles: Star Seed Peace Press, 1977. (In Eng.)

Сведения об авторах

Афанасьева Нина Дмитриевна — канд. пед. наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ. E-mail: afan-nina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9462-7706

SPIN-код: 7446-9609

Захарченко Светлана Сергеевна — канд. пед. наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ. E-mail: sveta.zakharchenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6815-2153

SPIN-код: 2770-3555

Могилёва Ирина Болеславовна — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ. E-mail: mogilevairina@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2169-370X

SPIN-код: 7187-0014

Bio Notes

Nina Dmitrievna Afanaseva is a Head of the Department of the Russian Language, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: afan-nina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9462-7706

SPIN code: 7446-9609

Svetlana Sergeevna Zakharchenko is a Associate Professor of the Russian Language Department, Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: sveta.zakharchenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6815-2153

SPIN code: 2770-3555

Irina Boleslavovna Mogileva is an Associate Professor of the Russian Language Department, PhD, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: mogilevairina@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2169-370X

SPIN code: 7187-0014

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-596-602

Научная статья

Транслингвильность как экспликация апеллятивности городских наименований

Т.В. Поплавская✉, Е.В. Шилей

Минский государственный лингвистический университет
Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21
✉ taniapoplavskaia@gmail.com

Аннотация. Современные городские наименования характеризуются свойствами, позволяющими одновременно относить их к особому типу массовой коммуникации, к эпизодам внешней коммуникации организации и актам самопрезентации. Необходимым условием продвижения организации является формирование доверия у целевой аудитории, а стратегии формирования доверия в значительной степени вербализуются через наименование. В рамках единого когнитивного пространства название организации служит своеобразным триггером, включающим интерес к организации в качестве своего рода проявления обратной связи: интеллектуальной/ ментальной (мне это нужно), эмоциональной (приятное место), поведенческой (обращение в организацию), вербальной (обсуждение). Одним из способов формирования привлекательности наименований, апеллирующих к целевой аудитории, и создания положительного образа организации является воплощение принципов транслингвизма в городских наименованиях. Сутью их использования выступает обращение ко всему коммуникативному репертуару говорящего, в результате чего языки и культуры плавно перетекают друг в друга. При создании наименований городских объектов транслингвильность проявляется в использовании различных языковых кодов. В ряде случаев выбор номинирующего субъекта в пользу того или иного языка в наименовании компании определен спецификой деятельности организации. Одной из целей использования слов иноязычного происхождения в наименованиях организаций может выступать и мимикрия под импортный бренд, поскольку уровень доверия целевой аудитории к товарам отечественных производителей часто ниже, чем к иностранным. Современные наименования демонстрируют все более разнообразные типы транслингвильных сочетаний. Распространенным проявлением транслингвильности в эргонимии является контаминация кодов, то есть совмещение в названии организации единиц различных языков. Поскольку в ряде случаев запланированное восприятие смысла наименований такого рода зиждется не только на адекватном понимании его иноязычной составляющей, но и на знакомстве с реалиями иной культуры, лежащими в основе такого рода дискурсивных элементов, возможно постулировать транскультурный характер значительной части современных городских наименований.

Ключевые слова: транслингвильность, апеллятивность, наименования организаций, городские объекты, самопрезентация

© Поплавская Т.В., Шилей А.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: поступила в редакцию: 24.04.2022; принята к печати 04.10.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Поплавская Т.В., Шилей А.В. Транслингвальность как экспликация апеллятивности городских наименований // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 596—602. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-596-602

Research Article

Translinguality as an Explication of Appellative Character of Urban Names

Tatiana V. Poplavskaja✉, Alena V. Shylei

Minsk State Linguistic University
21, st. Zakharova, Minsk, 220034, Belarus
✉ taniapoplavskaja@gmail.com

Abstract. Modern urban names are characterized by properties that allow them to be simultaneously attributed to a special type of mass communication, to episodes of external communication of an organization and acts of self-presentation. A necessary condition for promoting an organization is the formation of trust among the target audience, and strategies for building trust are verbalized through the name to great extend. Within the framework of a single cognitive space, the name of the organization serves as a kind of trigger that includes interest in the organization as a kind of manifestation of feedback: intellectual / mental (I need it), emotional (pleasant place), behavioral (contacting the organization), verbal (discussion). One of the ways to form the attractiveness of names that appeal to the target audience and create a positive image of the organization is to embody the principles of translanguism in urban names. The essence of using the principles of translanguism is the appeal to the entire communicative repertoire of the speaker, as a result of which languages and cultures smoothly flow into each other. When creating the names of urban objects, translanguality is manifested in the successful use of various language codes. In some cases, the choice of the nominating subject in favor of a particular language in the name of the company is determined by the specifics of the organization's activities. One of the purposes of using words of foreign origin in the names of organizations is to mimic an imported brand as the level of trust of the target audience in the goods of domestic producers is often lower than in foreign ones. Modern names show more and more varied types of translangual combinations. A common manifestation of translanguism in ergonymy is the contamination of codes, that is, the combination in the name of the organization of units of different languages. Since in a number of cases the intended perception of the meaning of names of this kind is based not only on an adequate understanding of its foreign language component, but also on acquaintance with the realities of another culture that underlie such discursive elements, it is possible to postulate the transcultural nature of a significant part of modern urban names.

Key words: translanguality, appellative, companies' names, urban units, self-presentation

Article history: received 24.04.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Poplavskaja, T.V., Shylei A.V. 2022. “Translinguality as an Explication of Appellative Character of Urban Names”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 596–602. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-596-602

Введение

Представление о массовой коммуникации в настоящее время нуждается в существенном дополнении. Массовой аудиторией, особым каналом, технологичностью и социальной значимостью характеризуются не только традиционно относящиеся к СМИ объекты, но и наименования организаций/компаний представленные на городских вывесках. Они перестали быть просто обозначением хозяйствующего субъекта, но приобрели ярко выраженную апеллятивность и выглядят как непосредственное прямое обращение к целевой аудитории. Такого рода названия выступают не только обозначением объекта, но и являются важным элементом внешней коммуникации организации.

Учет факторов и характеристик внешней целевой аудитории оказывает влияние на деятельность компании и ее коммуникативное поведение. Следовательно, наименование организации целесообразно рассматривать в качестве коммуникативного эпизода, транслирующего определенное сообщение потенциальному потребителю.

Обсуждение

Современные исследователи относят организации к системам открытого типа. Это означает, что успешное существование организации напрямую зависит от взаимодействия с внешней средой. Более того, взаимосвязь с внешней средой является наиболее значимой характеристикой организации. По словам М. Мескона, «такая система не является самообеспечивающейся, она зависит от энергии, информации и материалов, поступающих извне» [1. С. 54]. Как отмечает А.Б. Зверинцев, «каждая организация пронизана сетью каналов, которые предназначены для сбора, анализа и систематизации информации о внешней среде, а также для передачи переработанных сообщений обратно во внешнюю среду» [2. С. 9].

Борьба за внимание клиента осуществляется различными способами. Используется оригинальность наименований («Шуры-Муры», «Курица Помада»), положительные ассоциации («Афродита»), комплименты целевой аудитории («Красивые люди», «Элита»), неожиданность («ЧёпеЧём») и т.д.

Одним из наиболее плодотворных подходов к изучению наименований организаций являются исследования, проводимые в рамках антропоцентризма, одной из ведущих научных парадигм современности. По словам Е.С. Кубряковой, суть данного подхода заключается в том, что «научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования... человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели. Он знаменует тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках

научного исследования и обуславливает его специфический ракурс» [3; 4]. В рамках антропоцентризма коммуникант рассматривается не как пассивный индивид, а как активный участник коммуникативного процесса, который контролирует и корректирует коммуникативную ситуацию. Как замечает Р.И. Павленис, «речь идет о человеке — не просто пассивном референте языковых выражений, а активном их интерпретаторе, не просто носителе языка, а прежде и важнее всего — носителе определенных концептуальных систем, на основе которых он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка» [5. С. 259—260]. Именно поэтому языковая личность и изучение способов ее проявления в языке вызывают интерес ученых.

Одной из главных целей внешней коммуникации является формирование положительного образа организации. Весьма эффективным способом передачи информации о компании и создания положительного имиджа является реализация стратегии самопрезентации посредством наименования.

Термин «самопрезентация» традиционно используется применительно к личности, имеющей намерение управлять впечатлением о своей персоне при помощи определенных коммуникативных технологий, и неразрывно связан с понятием имиджа как профессионально конструируемого образа. В последнее время представление об имидже и, соответственно, использование данного термина распространилось на коллективные субъекты — организации, населенные пункты, страны, артефакты, мероприятия.

В основе деятельности по продвижению субъекта или объекта, т.е. в основе имиджевой деятельности всегда лежат стратегии самопрезентации. Из этого следует, что термин «самопрезентация» применим к организациям в аспекте их «представления себя» целевой аудитории, т.е. предполагаемой клиентской базе.

Кроме анализа наименования организаций в рамках ономастической парадигмы (что является традиционным в лингвистике) и предлагаемого их рассмотрения в свете организационной коммуникации заслуживает внимания возможность трактовки нейминга в качестве акта самопрезентации. Действительно, в названии организации (особенно это касается новых субъектов хозяйствования, активно развивающихся в последнее время) воплощается мотивация номинирующих. Как известно, один из подходов к самопрезентации базируется на ее трактовке в качестве поведенческой реализации мотивации [6; 7]. С другой стороны, необходимым моментом продвижения организации является формирование доверия у целевой аудитории, а стратегии формирования доверия также в значительной степени вербализуются через наименование. И феномен мотивации, и феномен запроса доверия возможно эффективно реализовать только в рамках культурных и субкультурных доминант общества на конкретном этапе его развития. Успешная самопрезентация ориентирована на поддержание когнитивного единства субъектов коммуникативного сценария, т.е. номинатора и целевой аудитории. Иначе говоря, управление впечатлением возможно лишь в том случае, когда адресант и адресат руководствуются одной теорией событий: что правильно/неправильно, прекрасно/безобразно; реально/нереально; этично/неэтично, истинно/ложно и т.д. Самопрезентацию можно рассматривать и как управление вниманием. В рамках единого когнитивного пространства название организации

служит своеобразным триггером, включающим интерес к организации в качестве своего рода проявления обратной связи: интеллектуальной/ментальной (мне это нужно), эмоциональной (приятное место), поведенческой (обращение в организацию), вербальной (обсуждение). Таким образом, название организации можно рассматривать как речевой акт самопрезентанта, «механизм передачи информации о себе посредством имеющихся в наличии средств общения и с учетом пространственной специфики взаимодействия» [8].

Одним из способов формирования привлекательности наименований, апеллирующих к целевой аудитории, и создания образа организации является воплощение принципов транслингвизма в городских наименованиях. Согласно определению З.Г. Прошиной, под транслингвильностью следует понимать «проницаемость языков, их взаимовлияние, вследствие чего возникает новое качество обогащенной лингвокультуры» [9. С. 7]. Сутью использования принципов транслингвильности выступает обращение ко всему коммуникативному репертуару говорящего, в результате чего языки и культуры плавно перетекают друг в друга. В процессе создания наименований городских объектов транслингвильность проявляется в приспособлении языковых кодов к специфичным целям и контекстам.

Выбор номинирующего субъекта в пользу того или иного иностранного языка в наименовании компании тесно связан со спецификой деятельности организации. В каждом сегменте производства товаров и услуг существует так называемый идеальный образ товара, который помимо прочих характеристик включает и страну происхождения. Данные стереотипы достаточно прочно закреплены в сознании потребителей. Перечислим лишь некоторые из них. Если речь идет о косметической продукции, то она должна быть французского происхождения, обувь — итальянского, электроника, бытовая техника — японского или немецкого. В сфере питания также легко обнаружить подобные аналогии. Апелляция к ассоциациям, существующим в сознании целевой аудитории, проявляется в имени объекта. Для сферы красоты и ухода за кожей распространены наименования на французском и итальянском языках: «Бон Шанс» (фр. Удачи!), «Бонжур» (фр. добрый день), «Ботэ» (фр. красота), «Инканто» (итал. очарование), Те Амо (итал. люблю тебя, сохранена орфография номинатора), Tesori (итал. сокровище). Среди мультибрендовых магазинов одежды и обуви встречаются такие наименования на итальянском языке: магазины одежды «Дольче вита», «Инвидиамо», магазин обуви «Аллегро», «Верони», «Супер Фоллие». Сфера общественного питания занимает ведущие позиции по использованию иноязычной лексики в наименованиях компаний. Этот способ образования имени объекта позволяет номинатору передать целевой аудитории сообщение о специфике оказываемых услуг. Ресторан паназиатской кухни называется «Шикари», что в переводе с хинди означает 'охотник, проводник'; наименование ресторана грузинской кухни «Натвирс Хе» переводится с грузинского как 'дерево желаний' и отсылает к известному фильму; примерами названий ресторанов, специализирующихся на итальянской кухне, являются L'angolo Italiano (пер. с итал. 'итальянский уголок'), Milano Cafe, Bergamo. Рестораны BierKeller (пер. с нем. 'пивной погребок'), Гаштет (пер. с нем. 'небольшой ресторан, трактир') предлагают блюда и напитки немецкой кухни.

Несомненным лидером и наиболее продуктивным в данной сфере иностранным языком независимо от области деятельности компании является английский язык. В наиболее подробном рубрикаторе компаний Минска www.kontakt.by, содержащем 61 категорию компаний по направлениям деятельности, в каждой из категорий представлены наименования на английском языке. Количественное соотношение наименований на русском и английском языках варьируется в зависимости от сферы деятельности. Эргонимы англоязычного происхождения преобладают в сфере развлечений, питания, красоты и здоровья, в сфере бытовых услуг.

Достаточно распространенным проявлением транслингвальности в эргонимии является контаминация кодов, т.е. наличие в названии организации единиц различных языков, как правило, не более двух. Контаминация может принимать различные формы. При написании русско- или белорусскоязычных названий организаций используется латиница: Grabli, Kavka, Cavabar, либо наименования на иностранных языках реализованы посредством кириллицы: «Кофе саунд», «Лост кей», «Белсмайл». К проявлению транслингвальности можно отнести и языковую игру, которая проявляется в соединении основ лексических единиц, взятых из одного и того же либо из разных языков, для получения нового слова, схожего по звучанию с уже имеющимися в языке словами с положительной семантикой: TeaKava (цікава — пер. с бел. ‘интересно, увлекательно’). Соединение слов английского языка tea (чай) и funny (забавный) послужило основой для наименования кофейни Teafunny (Тифани — название ювелирной транснациональной компании).

По мнению Н. Попова, основателя и творческого директора ведущего московского дизайн-агентства Omnibus, одной из главных целей использования слов иноязычного происхождения в наименованиях организаций является мимикрия под импортный бренд. Часто уровень доверия целевой аудитории к товарам отечественных производителей значительно ниже, чем к иностранным. «Товар, который назван иностранным именем, вселяет некую надежду, что он спроектирован где-то за границей и проверен иностранным специалистом» (по данным сайта агентства «Omnibus» от 03.12.20, <http://www.omnibusdesign.ru>). На активизацию именно этого психологического механизма и рассчитывает номинирующий субъект. Встречая наименование на иностранном языке, потенциальные потребители ожидают обслуживания на высоком уровне и соответствующего качества товаров.

Заключение

При создании наименований номинаторы используют русский (42%), английский (34,5%), итальянский (9,5%) и белорусский (3,6%) языки. Выбор языка может быть объяснен рядом причин. Русский язык преобладает в повседневном общении, особенно в городской среде. Использование белорусского языка в названии компании носит коннотативный характер, транслирует связь с национальной культурой, белорусской этничностью. Использование английского языка продиктовано его ролью на международной арене. Посредством итальянского

языка номинирующий субъект сообщает целевой аудитории, что компания предлагает качество продукта и услуги, соответствующее уровню одного из лидеров мирового рынка в соответствующих сегментах.

Поскольку в ряде случаев запланированное восприятие адресатом смысла наименований такого рода зиждется не только на адекватном восприятии его иноязычной составляющей, но и на знакомстве с реалиями иной культуры, лежащими в основе такого рода дискурсивных элементов, возможно постулировать транскультурный характер значительной части городских наименований в качестве апеллятивной функции компонентов внешней коммуникации организации.

Список литературы

1. *Мескон М.Х.* Основы менеджмента. М.: Дело, 2004.
2. *Зверинцев А.Б.* Коммуникационный менеджмент: рабочая кн. менеджера PR. СПб.: Союз, 1997.
3. *Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34—47.
4. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6—17.
5. *Павиленис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.
6. *Arkin R.M., Kolditz T.A.* An impression management interpretation of the self-handicapping strategy // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. № 43(3), 492—502. doi: org/10/1037/0022-3514.43.3.492.
7. *Schutz A.* Problems of a Sociology of Language. 2010. Schutzian Research. Vol. 2. Pp. 65—105. doi: schutz 201025.
8. *Амая Н.В.* Самораскрытие и самопредъявление личности в общении // Личность. Общение. Групповые процессы. Современные направления теоретических и прикладных исследований в зарубежной психологии: сб. обзоров. М.: Наука, 1991. С. 10—18.
9. *Прошина З.Г.* Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов (введение к тематическому выпуску) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. Т. 50, № 2. С. 6—9.

Сведения об авторах:

Поплавская Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета. E-mail: taniapoplavskaia@gmail.com

Шилей Елена Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета. E-mail: helen_kobzik@mail.ru

Notes:

Tatyana Viktorovna Poplavskaya is a Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Speech Science and Communication Theory, Minsk State Linguistic University. E-mail: taniapoplavskaia@gmail.com

Elena Valerievna Shilei is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Speech Studies and Theory of Communication, Minsk State Linguistic University. E-mail: helen_kobzik@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-603-621

Научная статья

«Песни кавказских горцев. Герои-нарты» Александра Кубалова: первый опыт русскоязычной стихотворной обработки осетинского народного эпоса

И.С. Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 363110, РСО-Алания, Пригородный район,
с. Михайловское, ул. Вильямса, д. 1

 shmiksel@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается первый опыт русскоязычной стихотворной обработки осетинских нартовских сказаний, предпринятый Александром Захаровичем Кубаловым и опубликованный в 1906 г. Отмечается особое значение рода и жанра произведений, принадлежащих именно осетинам, как продукта осетинского литературного сознания. Дается характеристика теоретических взглядов автора на генезис и поэтику нартовского эпоса; фиксируются — с учетом уровня современного Кубалову нартоведения — их недостатки и перспективные элементы. Специальному анализу подвергаются архитектоника произведения, состоящего из тринадцати не актуализируемых автором частей; система образов, включающая известных нартовских героев первого и второго плана, а также представителей пантеона и нижнего мира. Анализ композиции и сюжетно-мотивного состава показывает, что в нем нет глубокой обработки и концептуально обоснованного отбора сюжетов, который позволил бы избежать нежелательных тавтологий; событийные линии прорисованы с ориентацией на читателя, уже знакомого с основными героями и сюжетами осетинской нартиады. А.З. Кубалов значительно отступает от метрических характеристик оригинала, используя для своего переложения четырехстопный хорей «Калевалы» Элиаса Ленирота и «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло. Над стилистикой автора довлеют формальные параметры стиха, принуждающие его к маловыразительным построениям, его тексту свойствен определенный лексико-стилистический эклектизм. Сравнительная (по отношению к оригиналу) качественная новизна кубаловского эпоса заключается только в его стихотворной форме. Однако, несмотря на то, что А.З. Кубалову не удалось передать самобытности осетинского устного предания, он создал важный прецедент, значение которого особенно зримо в контексте эпохи рубежа XIX и XX вв.

Ключевые слова: осетинская русскоязычная литература, нартовский эпос, Александр Кубалов, перевод, обработка, сказание, цикл, композиция, стилистика, стихотворная форма

История статьи: поступила в редакцию 08.09.2022; принята к печати 04.10.2022

© Хугаев И.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Хугаев И.С. «Песни кавказских горцев. Герои-нарти» Александра Кубалова: первый опыт русскоязычной стихотворной обработки осетинского народного эпоса // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 603—621. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-603-621

Research Article

“Caucasian Highlander’s Songs. The Nart heroes” by Alexander Kubalov: The first experience of the Russian language poetic processing of the Ossetian folk epic

Irlan S. Khugaev

Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
1, Williams Street, village of Mikhailovskoye, Prigorodny district,
RNO-Alania, 363110, Russian Federation
 shmiksel@rambler.ru

Abstract. This article considers the first experience of the Russian language poetic processing of the Ossetian Nart sagas, carried out by Alexander Zakharovich Kubalov and published in 1906. It notes particular relevance to the appropriate sort and genre of works, belonging to the Ossetes, as a product, in a strict sense, of the Ossetian literary mind. The article describes the author’s theoretical views on genesis and poetics of the Nart epic; according to the level of his (that is the author’s) contemporary Narts studies, certain disadvantages and perspective elements are being outlined. The Nart heroes architectonics, which, as it turns out, consists of thirteen, non-distinguished by the author parts, the image that includes renowned Nart heroes, both principal and supporting characters, and also the Pantheon and underworld representatives, is subject to a specific analysis. An examination of plot-motivic composition reveals that there is no deep processing or any conceptually well founded selection of plots in A.Z. Kubalov’s work, which would have avoided tautologies; eventful lines are drawn the way as if the author was sure that the reader was familiar with main characters and motifs of the Ossetian Nartiade; the material of the source is explicitly compacted, however, it lacks proper faceting. When considering technical, pictorial and linguistic characteristics it appears that A.Z. Kubalov departs from the original metric features, using for his versification of Elias Lönnrot’s “Kalevala” and Henry Wadsworth Longfellow’s “The song of Hiawatha” tetrametric choree. It seems that the author’s stylistics is quite heavily influenced by formal parameters of the verse, which enforces him to use low-emphatic structures, and at last, his text tends to have lexical-stylistic eclectism. The comparative (in relation to the original version) qualitative novelty of Kubalov’s epic lies only in its poetical form. However, despite the fact that A.Z. Kubalov failed to convey the identity of Ossetian oral tradition he managed to set an essential far-reaching precedent, the significance of which is of particular importance in the context of the period at the turn of the 19th century.

Key words: the Ossetian Russian-language literature, the Nart epic, Alexander Kubalov, translation, processing, saga, cycle of works, composition, stylistics, poetical form

Article history: received 08.09.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Khugaev, I.S. 2022. “‘Caucasian Highlander’s Songs. The Nart heros’ by Alexander Kubalov: The first experience of the Russian language poetic processing of the Ossetian folk epic”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 603–621. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-603-621

Введение

В статье «Вторая жизнь нартов и даредзанов...» [1. С. 193–212], по преимуществу носившей обзорный и методологический характер и открывающей цикл статей, посвященный русскоязычным стихотворным переводам и обработкам осетинского народного эпоса, мы очертили историю проблемы, рассмотрели все явления этого рода в хронологическом порядке, систематизировали материал по ряду филологических параметров и наметили вопросы, требующие отдельного осмысления. Этому и посвящена наша статья.

Один из ключевых выводов, которыми мы завершили указанную работу, относился к особенному значению для осетинской культуры и литературного процесса тех обработок и переводов народно-эпических текстов, которые выполнены осетинами же, поскольку именно здесь актуализируется и наполняется смыслом как понятие русскоязычия в широком смысле, так и понятие осетинского национального литературного би- и транслингвизма.

Соответствующие тексты А.З. Кубалова, Г.Г. Малиева и Д.А. Гатуева — явление собственно осетинской культуры, Осетии как литературного субъекта. Они имеют форму, так сказать, прямой речи, а не опосредованного цитирования, в отличие от исследований и записей русских и европейских ученых — Ю.Г. Клапрота, Й.А. Шегрена, А.А. Шифнера, В.Ф. Миллера и русских переводчиков — С.М. Городецкого, В.А. Дынник, Ю.Н. Либединского, Рюрика Ивнева и др.

В этом ряду исключительную важность приобретает первый опыт, первый жанровый, методологический и языковой прецедент, который открывает в литературном процессе новые возможности и дает импульс к дальнейшему его развитию.

Обсуждение

Нартологические взгляды А.З. Кубалова

Первый опыт стихотворной обработки нартовских сказаний предпринял Александр Захарович Кубалов¹ (1871–1944), один из основоположников осетинской литературы, писатель-билингв, в разноплановом творчестве которого особое место занимают лиро-эпические и драматические произведения, написанные на основе материалов устной народной поэзии — романтическая поэма «Æфхæрдты Хасанæ» («Хасана из рода Оскорбленных», 1897²), сказания «Чермен» и «Зæронд Еса» («Старый Еса»), драматическая поэма «Смерть вождя Алгуза» и др.

¹ А.З. Кубалов родился в с. Старый Батакоюрт Северной Осетии в семье учителя; окончил Владикавказскую гимназию и юридический факультет Киевского университета; служил адвокатом.

² Это первое светское произведение осетинской литературы; «Ирон фæндыр» («Осетинская лира») К.Л. Хетагурова был опубликован спустя два года.

Будучи членом Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области, в делах которого принимал участие и В.Ф. Миллер [2. С. 164], Кубалов занимался литературной обработкой собираемых Обществом нартовских сказаний. В 1905 году во Владикавказе на осетинском языке был издан его сборник «Нарты таурагъта» («Нартские сказания»), а в 1906 — русскоязычные «Песни кавказских горцев. Герои-нарты»¹ (далее — «Герои-нарты»). Наряду со статьями «К вопросу о происхождении нартовских песен» и «К вопросу об осетинском стихосложении», а также неоконченной драмой «Амазонки на Терек» весь этот материал свидетельствует о глубоком и устойчивом интересе Кубалова к специфике национального искусства, к национальному фольклору и мифологии, который лишней раз характеризует поэта как романтика по темпераменту и мировоззрению.

А.З. Кубалов был весьма образованным и разносторонне одаренным человеком, не только талантливым художником, но и гуманитарием; его интерес к вопросам генезиса и поэтики осетинского героического эпоса нашел отражение в Предисловии к «Героям-нартам», озаглавленном как «Осетинский народный эпос. Заметка» (далее — «Заметка»), в затекстовых «Примечаниях» и позднейшей, написанной уже в советский период статье «О происхождении нартовских песен». Однако так или иначе во всем, что он написал о нартах и нартиаде, сказывается объективно низкий уровень осетинской фольклористики того времени.

Так, в «Заметке» 1906 г. А.З. Кубалов, представляя свои поэтические нартовские сказания, прибегнул к переложению вводных пассажей из работы В.Б. Пфаффа «Материалы для древней истории осетин» (1871): «Большее объяснение о них (нартах. — *И.Х.*), дают историки и лингвисты, занимающиеся сказаниями о них с научной целью, — пишет Кубалов. — По заключениям их — еще в ту эпоху, когда в горах Кавказа еще дымились вулканы (сказание о небесном кузнеце Курдалагоне), нарты как сильная народность пришли из Средней Азии в Европу и своим появлением среди дикого горского населения произвели такое глубокое впечатление, что и поздние потомки вспоминают о них, воспевая их доблесть, как донныне природные жители Америки воспевают доблесть „белых богов“, пришедших из-за моря, — испанцев, сопровождавших Кортеса и Пизарро. При сходстве во многом сказаний о „белых богах“ со сказаниями о титанах и нартах есть между ними и та важная разница, что в Америке сказания о „белых богах“ кончаются победой „белых“, то есть европейцев, в Европе же и на Кавказе сказания о титанах и нартах кончаются гибелью их. Отважные сокрушители неба исчезли: Прометей был прикован к Кавказской скале, а нарт Батраз за дерзкое посягательство против духов был сражен небесным Бальсагом. Говоря иначе, в Америке европейская цивилизация осталась победительницей, в Европе же и на Кавказе древняя цивилизация Средней Азии была задавлена превосходным числом туземцев. Все же древние нарты долго и жестоко боролись с туземцами и даже между собою. Это видно из критического разбора подлинных сказаний о нартах, каковы сказания о Батразе и Бурафарныге, о Батразе и Сайнаге, о мести Батраза

¹ Кубалов А.З. Песни кавказских горцев. Герои-нарты. Владикавказ: Типо-литография З.И. Шувалова, 1906.

нартам и др. Наконец они были побеждены, упали до уровня туземцев и смешались с ними, еще в достаточном числе, чтобы сохранить следы своего происхождения»¹.

Явно опираясь на Пфаффа и воспроизводя его построения, Кубалов не указывает источник; уже сама по себе возможность такого небрежного решения вопроса показывает, что мы имеем дело с начальными шагами осетинского нартоведения. Не отличаются строгостью отношения к предмету и «Примечания» Кубалова, которые сводятся в основном к самым общим сведениям по нартовской ономастике, иногда весьма спорным и неточным (как, например, этимологизация имени Сырдон из «сырд» (зверь) и «дон» (вода) — «речной зверь»).

Вот соответствующий — и по общему течению мысли, и по частным формулировкам — фрагмент из В.Б. Пфаффа: «Праотцы осетин принадлежали к великой семье народов, населявшей, вместе с некоторыми семитическими племенами, Иранское плоскогорье и, вероятно, называвшей себя общим именем Ирон, или Ары (Арии Геродота. Прим. Пфаффа. — *И.Х.*). ...Выселившись в Европу... некоторая часть этого народа своим появлением среди дикого горского населения и семитов, населявших тогда Кавказ, произвела тогда такое глубокое впечатление, что и поздние потомки вспоминают об них, воспевая их доблесть, подобно тому как донные природные жители Америки воспевают доблесть белых богов, пришедших из-за моря, — испанцев, сопровождавших Кортеса и Пизарро. Сравнивая народные сказания о титанах, азах и нартах с подобными же народными сказаниями Америки, мы находим в них много сходного, но вместе с тем те и другие расходятся в одном важном пункте. В Америке сказания о белых богах кончаются победою последних, в Европе же, и в особенности на Кавказе, напротив... Древние нарты долго и жестоко боролись с туземцами и даже между собою... Наконец, они были побеждены, упали до уровня туземцев и смешались с ними, впрочем — в достаточном числе, чтобы сохранить ясные и до сих пор проявляющие следы своего мидо-персидского происхождения» [3. С. 8—10].

В.И. Абаев рассматривает это имя как «образованное с помощью суффикса *-on* от осет. *syrd, sird* «зверь» [4. С. 251].

К относительно оригинальным пунктам вспомогательного аппарата «Героев-нартов» (вводных «Заметок» и затекстовых «Примечаний») относится лишь 1) указание вариативности нартовских сюжетов, запутанности родословной (героев) и разного рода «анахронизмов»; 2) сравнение поэтики осетинских и кабардинских нартовских циклов; 3) фиксация пафоса и главной идеи нартиады: «Горец твердо верит в действительность жизни и подвигов героев-нартов, и сказания о них, в отличие от сказок и басен, названы „событиями“, „хвалебными песнями“... По представлению горцев, нарты были одарены громадной силой, сами боги боялись их и редко отказывали в просьбах; все предсказанное нартами сбылось или сбывается; но потом нарты возгордились, перестали чтить богов и даже пошли на них, за что и погибли».

¹ Кубалов А.З. Осетинский народный эпос. Заметка // А.З. Кубалов. Песни Кавказских горцев. Герои-нарты // Кубалты А.З. Уацмыстæ (Кубалов А.З. Сочинения). Орджоникидзе: Ир, 1978. С. 64—65.

Более содержательна статья А.З. Кубалова «К вопросу о происхождении нартовских песен». Но надо отметить, что статья эта носит несколько сбивчивый характер. В начале ее автор вроде бы заявляет некоторое развитие представлений о Нартах как культурном памятнике, делая, надо думать, попытку объяснить свое раннее «пристрастное» отношение к Пфаффу: «Несостоятельность этой теории (о нартах как пришлом народе, совершенно чуждом кавказским горцам. — *И.Х.*) замечалась и раньше, и если приводили ее в сборнике песен о нартах, то лишь для того, чтобы дать хоть какое-нибудь объяснение о них». При этом Кубалов вновь оставляет без пояснений вопрос, о какой именно теории он говорит, а несостоятельность ее обосновывает довольно туманно, так что остается неясным, в чем именно его понимание вопроса отличается от исходного. Переходя к непосредственно к предмету статьи, автор выдвигает предположение о том, что нартовские сказания — «суть части древних песен о борьбе Ирана с Тураном, собранных и обработанных Фирдоуси в знаменитой царственной книге Ирана „Шах-Наме“» (Книга царей) [5. С. 204—205], обосновывает этот тезис двенадцатью сюжетными параллелями и делает главный вывод: «1) ...песни о нартах не заимствованы нами у других народов, а перешли с нашими предками из древнего Ирана, а с предками кабардинцев — из Турана; и 2) ...песни эти воспевают отдаленную борьбу Ирана с Тураном» [5. С. 208]. Значение статьи А.З. Кубалова оценивается в осетиноведении неоднозначно. Если В.А. Кузнецов говорит, что «положения А.З. Кубалова... ныне представляются своего рода библиографическим курьезом... Научного значения они не имеют» [6. С. 9], то И.Т. Цориева считает, что первые работы «молодой осетинской фольклористики», к которым относится и статья Кубалова, «содержали ряд оригинальных положений, которые были использованы и развиты последующими исследователями осетинского эпоса» [7. С. 18]. Во всяком случае, осетино-персидские эпические связи, к которым Кубалов обратился на заре осетинской фольклористики, сегодня выступают одним из перспективных направлений в нартоведении [8. С. 234; 9; 10. С. 23—31].

Как бы то ни было, имя А.З. Кубалова прочно вошло в историю нартоведения. Его работа обсуждалась на заседаниях упомянутого выше Общества по распространению... [11. С. 4]; В.И. Абаев упоминает его в числе писателей, предпринявших опыт поэтической обработки нартовских сказаний [12. С. 146]; неизменно упоминают вклад А.З. Кубалова в развитие нартологии современные фольклористы и исследователи истории научного осетиноведения — Н.К. Мамиева [13. С. 24], Ю.А. Дзиццойты [14. С. 229; 7. С. 234], В.А. Мамонова [15], Л.К. Гостиева [16. С. 47—59], И.Т. Цориева [6. С. 14—25] и др. При этом, однако, у нас нет методичного, строго филологического рассмотрения текста А.З. Кубалова как идейно-художественного целого.

Пожалуй, только Н.Г. Джусойты дал литературоведческую оценку «Героям-нартам», при этом весьма общую и на осетинском языке, ввиду чего она так и не вошла в научный оборот. «Переложив на стихи сюжеты осетинского эпоса, — писал Джусойты, — наш поэт не привнес в эпическую традицию ничего нового. Впрочем, он и не считал это своим долгом. Он стремился лишь придать главным сюжетам эпоса стихотворную форму, сохранив их в том виде, в каком они бытуют в народе. И этой цели он вполне достиг. Хотя, надо сказать, адекватной поэтической формы он не нашел, и остановился на той, которую использовал Лонг-

фелло в „Гайавате“, а точнее, на версии ее переводчика на русский язык Бунина. Сегодня это выглядит не слишком верным решением. Тем более, что, когда в 30-е гг. Александр [Кубалов] вновь обратился к переводу нартовского эпоса, он избрал уже другую форму¹. Но к нашему делу это не имеет отношения. Посредством своего перевода Александр [Кубалов] познакомил с нартовским эпосом целый мир, и мы за это должны быть вечно ему благодарны. Что касается не вполне удачного выбора стиха, то он был обусловлен и низким уровнем научной разработанности нартовского эпоса. Я не упрекал бы в том поэта» [17. С. 14] (Пер. с осет. наш. — *И.Х.*).

В то же время сам А.З. Кубалов в предисловии к «Героям-нартам» вполне ясно излагает видение предмета: «...у горских племен и даже у одного и того же племени, — пишет Кубалов, — существует масса вариаций этих сказаний... родословная спутана, анахронизмы ужасные; на арене действий являются даже казаки и пушки; и задача обработки сказаний заключалась в оценке и выборе подлинных сказаний от наслоений позднейшего времени и приведении их в некоторую систему, ибо предложить читателю все вариации — значит ничего ему не дать, кроме хаоса». Иными словами, декларируемые автором задачи не соответствуют замечанию Н.Г. Джусойты о том, что Кубалов стремился переложить нартовские сюжеты на стихи в том «виде, в каком они бытуют в народе», что он все-таки ставил задачу положительной обработки эпоса на всех уровнях.

Посмотрим, насколько он в этом преуспел, насколько композиция, сюжетика, культурное целеполагание и общий тон кубаловских сказаний соответствуют авторским пролегоменам, и, тем самым, дешифруем общие наблюдения проф. Джусойты.

Архитектоника и система образов

Эпос А.З. Кубалова включает 38 нартовских сказаний, снабженных «Предисловием» «Осетинский народный эпос. Заметка» и затекстовыми авторскими «Примечаниями». Композиционно текст представляет собой последовательный, отвечающий генеалогии главных героев, цикл сказаний и охватывает бытие нартов от встречи Дзерассы с Уастырджи (Ахсар и Ахсартаг уже мертвы) до гибели Созрыко / Сослана от Колеса Балсага; в нем нет вводных космогонических построений, нартовской яблони, этой осетинской Иггдрасили, и «апокалиптического» сюжета о всеобщей гибели нартов. Тем не менее, будучи, очевидно, увлечен работой, в «Примечаниях» к тексту сказаний Кубалов предлагает две строфы, отражающие финальную сцену жизни нартов:

И разгневались на Нартов
Боги мощные тогда
Да на них наслали голод...
Хлеб в полях не наливался,
Не плодилась и скотина,
Дичь в горах пропала вся.

Нарты с голода в ныхасах,
Точно бревна, развалились,
Не поднимут ног своих, —
И Сырдона сука злая
Через ноги их шагает
Лижет бороды у них.

¹ К этому вопросу мы вернемся при рассмотрении формальных параметров текста А.З. Кубалова.

Внутренняя циклизация сказаний вокруг основных героев эпоса — Дзерассы, Шатаны, Урузмага, Хамыца, Сырдона, Сослана, Батрада, Ацамаза — структурно никак не выражена. Автор определенно стремится выстроить последовательную линию повествования; зачастую главы эпоса имеют четкую событийную связь; но это достигается главным образом там и тогда, где и когда главы представляют собой структурные части одного сказания или ряд последовательных сказаний одного цикла. В остальных случаях переводчик не проявляет особой заботы о связях и композиционной соразмерности.

Если попытаться сгруппировать главы линейного кубаловского повествования в более крупные структуры, мы получим следующую картину.

1. *Цикл Дзерассы*: «Красавица Дзерасса» — «Урузмаг¹ и Хамыц» — «Рождение Созрыко» — «Рождение Сырдона» — «Рождение Сатаны».

2. *Цикл Шатаны и Урузмага*: «Вещая Сатана» — «Женитьба Урузмага».

3. *Цикл Батрада* (начало): «Рождение Батрада».

4. *Две отдельные главы* «Пир богов» и «Тутыр и Аларды».

5. *Цикл Батрада* (продолжение): «Красавица Косер» — «Починка руки Батрада» — «Закалка Батрада» — «Алаф — сын Афсарона» — «Кривой Афсарон».

6. *Отдельная глава* «Ацамаз — сын Аца».

7. *Цикл Созрыко* (начало): «Скальпы Созрыко» — «Елтаган — сын Куцыка» — «Мукара — сын Тара» — «Челахсартаг — сын Цуана» — «Ацырухс — дочь Солнца» — «Созрыко в загробном мире» — «Чудеса царства мертвых» — «Женитьба Созрыко».

8. *Цикл Тотрада*: «Тотрад — сын Албега» — «Игры нартов» — «Барастыр — царь мертвых».

9. *Отдельная глава* «Смерть Сослана».

10. *Отдельная глава* «Смерть Хамыца».

11. *Цикл Батрада* (завершение): «Бурафарныг» — «Челехсан — сын Хуза» — «Владелец Сайнаг» — «Мечь Батрада нартам» — «Смерть Батрада».

12. *Отдельная глава* «Сырдон — сын Батага».

13. *Цикл Созрыко* (завершение): «Небесный Бальсаг» — «Кайтар и Битар» — «Смерть Созрыко».

Таким образом, 38 глав кубаловского эпоса циклизуются в 13 разделов. Наиболее полно представлены циклы Созрыко и Батрада (объективно выступающих наиболее популярными героями Нартиады). При этом характерно, что циклы Созрыко и Батрада не исчерпываются в рамках одного раздела: линия Созрыко развивается в разделах 1, 5, 7, 13, а линия Батрада — в разделах 3, 5, 11. Классические циклы нартиады у Кубалова прерываются один другим либо отдельными главами, событийно с ними не связанными. Возможно, Кубалов предполагал тем самым реализовать принцип свободной романтической композиции, но объективный результат не выглядит слишком убедительным.

Среди героев первого плана более или менее видную роль играют в повествовании Уархаг, Дзерасса, Шатана, Урузмаг, Хамыц, Сырдон и Ацамаз, хоть они и не становятся, за исключением Дзерассы, центрами циклизации самостоятельных

¹ В части личных имен мы сохраняем орфографию А.З. Кубалова.

разделов. Дзерасса, как прародительница нартов, выступает только в разделе 1 и сходит со сцены; Шатана и Урузмаг, образуя отдельный и весьма усеченный цикл (раздел 2), играют видную роль на протяжении всего текста, Сырдон, «хитрость земли и коварство неба», выступает спорадически, и лишь в одной отдельной главе (раздел 12) — как главный герой, а Ацамаз, этот «осетинский Орфей», появляется лишь раз (раздел 6), причем далеко не в самой характерной ипостаси.

Среди второстепенных персонажей эпоса у Кубалова действуют Тотраз, Бурафарныг, Челехсан / Челахсартаг, Сайнаг и сыновья Созрыко Кайтар и Битар; особое место занимает в этом ряду Тотраз, тема которого развивается в рамках самостоятельного цикла (раздел 8), состоящего из четырех глав.

Деление нартовского общества на три рода (фамилии, клана) А.З. Кубаловым проигнорировано, хотя оно представляет собой одну из концептуальных и имманентных особенностей осетинской нартиады, послужившей основой так называемой трифункциональной теории Ж. Дюмезиля [18. С. 165—173]. На трехсоставной структуре нартовского народа можно было «сыграть» при систематизации и обработке материала. В «Героях-нартах» упоминаются лишь фамилии Бораевых (Бората) и Ахсартаговых (Ахсартагата), и не зафиксирован род Алагых (Алагата) [19].

Широко представлены в «Героях-нартах» боги-небожители, духи, великаны, черти (хайраги), и некоторые персонажи не-антропоморфной природы.

Герои осетинского мифологического пантеона собраны в сцене классического «Пира богов», во время которого небожители одаривают нартов щедрыми дарами. Это Уастырджи, «лихой покровитель мужчин», Сафа, «бог цепи надочажной», Уацилла, «бог молнии и грома, подающий дожди», Афсати, «покровитель зверей», Фалвара, «бог коз и баранов круторогих», Курдалагон, «бог кузницы небесной», Галагон, «повелитель ветров», Донбеттыр, «бог царства водяных». В отдельной главе в рамках того же раздела 4, посвященного богам, представлены «волчий покровитель» Тутыр и «бог болезней» Аларды [17. С. 78—84]. Кроме того, действует у Кубалова и Барастыр, «царь мертвых», а также некий безымянный «горный дух» и «речной дух» Гатаг. Это герои, с которыми связано в эпосе все волшебное и над-человеческое, роковое.

Кривой Афсарон, его сын Алаф, Мукара, Елтаган и другие представляют низший, темный мир «великанов-людоедов». К ним по своей идейно-композиционной функции (как сила, враждебная нартам) примыкает Балсагово Колесо, хотя и состоит на службе у небожителя Балсага.

Кубалов предпочитает давать своим главам-сказаниям лаконичные заголовки по именам главных действующих лиц; при этом содержание глав сводится, как правило, к классическим сюжетам осетинской нартиады, известным в народе под другим названиям. Так, в главе «Ацамаз — сын Ацая» излагается сюжет сказания о том, как нарты делили шкуру лисицы, в главе «Сырдон — сын Гатага» — сказания о том, как Сырдон спас именитых нартов и т.д. Так или иначе у Кубалова налицо все типичные сюжеты нартиады как героического эпоса: волшебное рождение героя — закалка (инициация) — добывание жены (состязание за невесту) и женитьба — героические деяния (приключения на охоте, месть, победа над врагами — великанами, злыми духами) — смерть героя. Эти традиционные схемы более или менее полно реализуются в циклах Созрыко и Батраза.

Уже общий взгляд на архитектонику кубаловского эпоса позволяет установить, что здесь нет глубокой обработки и концептуально обоснованного отбора сюжетов, который позволил бы избежать нежелательных мотивных тавтологий. Таков, к примеру, мотив гибели героя от Колеса Балсага. От последнего при сходных обстоятельствах (неудача Балсагова Колеса при первой попытке, его бегство и в конечном счете использование «ахиллесовой пяты» героя) гибнут и Батраз, и Созрыко (у первого при закалке осталась незакаленной кишка, у второго — колени), тогда как, очевидно, это две версии одного древнего сюжета с переменной главного героя:

Подкосились ноги нарта
И упал он, — колесо
Обратилось на Батраза
И добило там его

Незамеченным подкралось
Вдруг Бальсага колесо,
Стальноглазому мгновенно
Обе ноги отсекло

Иными словами, как композиция, так и система образов в определенном смысле лишены прозрачности, которую мы были бы вправе ожидать от устройства эпической поэмы (во всяком случае, от результата положительной обработки): в тексте Кубалова наряду с Сосланом действует и Созрыко, этот «богатырь-двойник» [4. С. 250] Сослана с именем явно адыгского происхождения, усвоенным осетинскими сказителями в результате обратного заимствования [12. С. 171—172]. Причем адыгский Созрыко в «Героях-нартах» Кубалова полностью оттесняет аутентичного Сослана на периферию. Созрыко выступает главным героем в событиях, которые в классических осетинских версиях сказаний связаны с Сосланом: рождение из камня, поединок с Тотразом, путешествие в Царство мертвых, гибель от Балсагова Колеса и пр. И это притом что героя, действующего под именем Сослана, мы встречаем лишь в двух сказаниях — «Пир богов» (раздел 4) и «Смерть Сослана» (раздел 9). Таким образом, последний (Сослан) мог бы и должен был быть исключен из авторской версии сказаний, или же Созрыко должен был, ради чистоты жанра, быть назван Сосланом.

Аналогичное положение наблюдается и в отношении другой пары героев — Челехсана (раздел 11) и Челахсартага (раздел 7). Контаминация явная тем более, что именно последний известен в нартовской традиции как сын Хыза / Хуза, нередко владельца одноименной крепости (Хыз). И если Челахсартаг лишается в схватке с Созрыко только части черепа, а Челехсан — целой головы от руки Батраза, то очевидно, что это также различные меры одного и того же ущерба и различные версии одного мотива.

Очевидно, таким образом, что Кубалов «множит сущности» без сколько-нибудь серьезных художественных оснований, что он не поработал над сырьем устного предания пресловутой бритвой Оккама.

Внутренняя композиция. Цикл Дзерассы

Чтобы увидеть ткань «Героев-нартов» в более крупном масштабе, рассмотрим композиционные связи и поэтические построения внутри кубаловских циклов. Возьмем для этого первый, повествующий о Дзерассе.

В нартовских сказаниях Дзерасса — дочь водного божества Донбеттыра; в зачине осетинской нартиады Дзерасса, превращаясь по ночам в голубку, повадилась летать в сад нартов и красть плоды чудесной яблони. Сыновья Уархага, братья-близнецы Ахсар и Ахсартаг, ранив голубку, идут по ее кровавому следу, который обрывается на морском берегу. Младший из братьев, Ахсартаг, отправляется на морское дно; там, попав в замок Донбеттыра, он исцеляет умирающую Дзерассу с помощью нартовского яблока, а затем женится на ней. Спустя некоторое время Ахсартаг и Дзерасса возвращаются на сушу. Дом, построенный на берегу братом Ахсаром, оказывается пуст: хозяин в это время в отлучке, на охоте. Ахсартаг оставляет молодую жену в доме, а сам уходит на поиски брата. Братья, по воле судьбы, разминувшись: Ахсар, вернувшись первым, застаёт у себя незнакомую девушку; Дзерасса, будучи уверена, что перед ней ее муж, льнет к нему, в это время возвращается Ахсартаг и в приступе ревности обнажает меч. В схватке братья погибают.

Такова вкратце великолепная драма, полностью опущенная Александром Кубаловым. Алгоритмы подобной избирательности (в той или иной мере характерные для других сюжетных линий «Героев-нартов») не совсем понятны и, во всяком случае, не оптимальны.

Как бы то ни было, «Герои-нарты» начинаются с плача Дзерассы:

На берегу морском стояла
Белолицая Дзерасса
Ясным вечером одна
И роняла в волны моря
Слезы белые она.
Увидал ее с вершины
Поднебесной горный дух,
Улыбнулся он лукаво
И предстал пред нею вдруг.
«Почему ты плачешь горько,

Белолицая краса? —
Так красавицу спросил он, —
В этом возрасте смеяться,
Веселиться ты должна».
И ответила Дзерасса:
«Вот сразились здесь и пали
Нарт Ахсар и Ахсартаг,
Дети старого Уархага.
Не поступим по адатам,
Если их оставим так».

Как сцена, открывающая эпос, это вполне эффектно (мы не говорим пока о техническом исполнении), но закономерные вопросы, которые данная сцена вызывает, так и не получают ответа при дальнейшем чтении. Кто были для Дзерассы Ахсар и Ахсартаг? Что произошло между ними? Почему они мертвы?..

Согласился дух небесный:
Землю тронул лишь кнутом,
Как явились две могилы.
В них покойных схоронили,
И к красавице Дзерассе
Устремился дух потом.
«Гей ты, красная девица!
Я давно смотрю с горы
Поднебесной, белоснежной,
И меня пленила ты».

Испугалась Дзерасса
И ответила она:
«Подожди же, я немного
Здесь в воде морской умоюсь,
А потом уже твоя».
Подбежала и нырнула
В море; он же, полубог,
Так осмеянный Дзерассой,
Все смотрел на волны моря
И опомниться не мог.

Казалось бы, сказания Кубалова, коль скоро они написаны на русском языке, предназначены для ознакомления с ними русского (русскоязычного) читателя, но при этом его событийные линии прорисованы так, словно автор уверен, что читатель уже знаком с основными героями и сюжетами осетинской нартиады.

Последнее наблюдение неоднократно подтверждается и позже. Посмотрим, как выполнена сцена зачатия и рождения Созрыко.

Солнце раннее всходило:	И заметила, что бухнет
За село пошла Дзерасса,	Близ стоявшая скала.
И ее заметил дух;	Догадалась тут Дзерасса,
Он узнал ее сейчас же,	Что недаром камень бухнет;
И предстал пред нею вдруг.	Пригласила мощных нартов;
Испугалась и метнулась	Как рассыпали его, —
Быстро в сторону она,	Покатился вдруг на землю
Белолицая Дзерасса,	Красной искрой Созрыко.

Для читателя вовсе не очевидно, что дух, заметивший Дзерассу за селом, и есть тот самый «горный дух», от притязаний которого героиня однажды укрылась в море. Даже если дух «узнал ее сейчас же», читатель не обязательно узнаёт духа. И уж тем более читателю трудно связать «бухнувший» камень с вожделением духа, если только он не знаком с какой-нибудь версией первоисточника, который с языческой откровенностью рассказывает о том, как Уастырдж (либо безвестный пастух, либо Сосаг-Алдар) в приступе страсти к Дзерассе (либо Шатане) оплодотворяет камень, из которого рождается герой — либо Сослан, либо Созрыко.

Во многом аналогичным образом интерпретируется и мотив рождения Сырдона.

...И Дзерасса за водой	Будь наложницею вечной,
Побежала, но из речки	А не то не дам воды».
Сам Батаг ей улыбнулся, —	(...)
Волокита, дух речной.	И пошла к реке Дзерасса,
Глаз прищури, говорил он:	Ведро с чашей понесла
«Белолицая Дзерасса,	И родила там Сырдона
Полюби ж меня и ты;	Нарта славная жена.

Текст Кубалова не передает аутентичной эпической атмосферы той древности, которая во многом стоит еще по ту сторону добра и зла и игнорирует мораль; кажется, что автор испытывает затруднения в интерпретации материала, что он стеснен своей темой и избегает подробностей. Можно предположить, что насчет этой ложной стыдливости следует отнести и предпочтение Кубаловым невнятного «горного духа» святому Уастырджи: возможно, Кубалов не хотел вводить в подобный сюжет образ чтимого в Осетии небожителя, даже если при этом несла ущерб родословная славного Созрыко.

Далее следует последняя глава цикла, воспроизводящая «потусторонний» сюжет зачатия и появления на свет главной героини эпоса — «Рождение Сатаны»:

Состарилася Дзерасса
И, предчувствуя кончину,
Говорила: «Сыновья!
Обманула я когда-то
Духа горного при море,
И сердит он на меня.

Здесь задеть меня боялся,
Но осилит в царстве мертвых,
И прошу вас: как умру,
Вы ходите на могилу,
Да не спите до рассвета,
Сохраните честь мою».

Между прочим, заметим, что на самом деле Дзерасса обманула «духа горного» не только «при море», но и «за селом», что стало причиной рождения (из камня) Созрыко: такое противоречие не способствует ни эстетическому, ни умственно-му переживанию сюжета. Как бы то ни было, «горному духу» хитростью удается проникнуть в склеп Дзерассы в ночь, когда на страже стоял ветреный Хамыц, а утром Нарты услышали в склепе плач младенца.

Поскольку эти события — преследование (домогательства) Дзерассы со стороны сперва духа горного, затем духа речного и чудесное рождение Созрыко, Сырдона и Шатаны — стоят в непосредственной близости, они создают впечатление некой тенденциозной программы, по которой необходимо произвести на свет главных героев эпоса. Материал источника явным образом уплотняется, но остается без должной огранки.

Стих, стиль и язык

Теперь рассмотрим текст с наибольшим разрешением, чтобы уяснить его технические, изобразительные и языковые особенности.

Прежде всего надо отметить, что А.З. Кубалов значительно отступает от метрических характеристик оригинала (имеется в виду традиционная форма нартовского кадага как «хвалебной песни»), используя для своего переложения четырехстопный хорей «Калевалы» Элиаса Ленирота и «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло; как нам представляется, переводчик вполне сознательно стремился вписать свои нартовские сказания в эту линию мировой эпической традиции (неслучайно он, как мы видели, упоминает во вступлении о песнях «природных жителей Америки»). Особенность кубаловского стихосложения состоит в свободно варьируемом строфическом делении текста (строфа включает от четырех до десяти строк), в усечении последней стопы в некоторых стихах, в наличии одной пары рифмующихся строк на каждые четыре (abcb) или пять (abcdb) стихов. Ср.:

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу —
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню...
Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды

С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу..

Говоря о стихотворной форме «Героев-нартов» как о не вполне удачной, Н.Г. Джусойты, как мы указали выше, вспоминает форму позднейшего (1930-х гг.)

переводческого опыта А.З. Кубалова [17. С. 281]. Речь идет об отдельном сказании «Созрыко в загробном мире», написанном четырехстопным амфибрахийем:

И вот он спустился, нарт смуглый, отважный
В подземное царство ни ночью, ни днем,
А ранним рассветом, — меж мраком и светом,
По горным семи ли ступеням широким
Верхом на коне, на Дурдуре своем...

Такая метрика более адекватна кадагу (популярный у сказителей 9-сложный стих), как и в целом осетинской народной поэзии, но качество поэтической речи при этом несколько не выигрывает; по нашему мнению, Джусойты напрасно ссылаются на этот текст как на более успешный образец. Интересно заметить, что последнее русскоязычное сказание Кубалова близко по форме к его осетиноязычным нартовским переложениям 1905 г.:

Сырдагур цыдысты
Уархагæн йæ фырттæ —
Æхсар æмæ 'Хсартаг нартон.
Фæлæ сæм кæм уагъта
Йæ фосы хастагмæ
Æфсати сызгæрин, æрвон

Охотой на зверя промышляли
Сыновья Уархага —
Ахсар и Ахсартаг нартовские.
Но не подпускал к ним
Зверей своих близко
Небесный золотой Афсати.

(Подстрочный пер. с осет. наш. И.Х.)

Осетиноязычные «Герои-нарты» Кубалова (которым, кстати, предпослан эпиграф из А.С. Пушкина — «Дела давно минувших дней, / Преданья старины глубокой»), гораздо менее объемны, чем русскоязычные, и не дублируют их ни содержательно, ни композиционно. Очевидно, здесь преследовались более серьезные художественные цели; можно предположить, что, если бы автор закончил свою работу, это был бы весьма значительный вклад в осетинскую национальную культуру. Но, очевидно, на каком-то этапе приоритетными для Кубалова стали задачи интернационального значения.

Рифмуются у Кубалова исключительно строки с усеченными стопами (т.е. мужские); при этом рифмы большей частью неточные (или приблизительные): колесо — отсекло, водой — речной, борода — голова, стран — Елтаган, вчера — навсегда, сто — Скалбицо, изъян — Челехсан, вдруг — зуб, готов — жеребцов и т.п. Кроме того, здесь налицо обилие глагольных (запрягли — привезли, уличить — отомстить, блеснул — надул и т.п.) и местоименных (я — меня, ты — мы, их — твоих, ей — своей и т.п.) рифм, также наводящих на мысль, что в замысел Кубалова не входила особая изобретательность в части рифмовки. Рифмовка, строго говоря, довольно сомнительная, на грани небрежности, которую нельзя оправдать формальными характеристиками осетинских нартовских кадагов, в которых рифма отсутствует, хотя некоторое впечатление рифмовки достигается благодаря тому, что в смысловой ударный конец строки помещается глагольное сказуемое с выраженной созвучной морфологией. Для читательского восприятия неточные рифмы, чем бы они ни обосновывались, контрпродуктивны; отсутствие рифмы лучше ее неточности.

В работе над стилистическим оформлением сказаний Кубалов исходил из того, что они «не отличаются красотами языка, слишком скудны эпитетами, но поражают обилием поговорок, своеобразным объяснением физических явлений и происхождения культа тех или иных священных мест» [4. С. 65]. В этом пункте, вероятно, он не хотел отступать от подлинника. Соответственно, язык кубаловских «Героев-нартов» довольно лаконичен (с некоторыми лексическими архаизмами, призванными придать изложению некий классический (романтический) оттенок: брег, ветер, почивать, поведать, погубить, собраться, очи, уста, любезный и т.п.) и, будучи не обременен сложной образностью, характерен набором повторяющихся эпитетов (нарты «славные, лихие», Дзерасса «белолица», Созрыко «смуглый, стальногоглазый» и т.п.). Однако нельзя не заметить, что над стилистикой Кубалова довлеют формальные параметры стиха, принуждающие его то к маловыразительным инверсиям («Мне ль на игры не явиться? / Не красив ли на коне / На отцовском и его же / При булатном я мече?»), то к вольностям с ударениями («Состарилася Дзерасса», «Приказал крикуну нартов», «Обе ноги отсекло», «Спицу битую заново»), то к неубедительным неологизмам («Из рогов туриных пили»), то к допущениям, звучащим почти юмористически («Шить себе задумал шубу — / Не хватает матерьял»).

Как мы помним, Кубалов отмечал наличие «ужаснейших анахронизмов» и «наслоений позднейшего времени» в «сырье» нартовских сказаний; тем не менее результату его работы также свойствен определенный лексико-стилистический эклектизм. У него нет *казаков* и *пушек*, зато налицо *чувяки*, *лапти*, *черкески*, *папахы*, *ведра*, *дровишки*, *детушки*, *адаты*, *калым*, *кунак* и т.п., что лишает его текст четкой культурной аутентичности; сюда же следует отнести используемое переводчиком обращение *гей*, *ты (вы)* (*Гей ты, красная девица! Гей вы, детушки мои! Гей ты, дед наш! Гей, лихие великаны! Гей вы, предки! Гей ты, хмель мой золотистый!* При этом, стоит заметить, Кубалов избегает лексического пласта, который мог бы придать его «Героям-нартам» и должны декорации, и желательную эмоциональную тональность: «уаиг» (великан, циклоп), «дзуар» (святилище, дух, небесный покровитель), «фандыр» (струнный музыкальный инструмент), «Уацамонга» (волшебная чаша нартов) и т.п. Не зря В.Я. Пропп упрекал Рюрика Ивнева за рифмы в его переводе нартовских сказаний: «...рифма как раз и нарушает дух оригинала, обилие таких „рифм“, как „внезапно“ и „нарта“, „громко“ и „ребенок“ и т.д., не только не способствует „легкости“ восприятия, но заставляет читателя на каждом шагу спотыкаться» [20. С. 353–354].

Данные наблюдения свидетельствуют в пользу предположения, что если А.З. Кубалов вольно или невольно жертвует иранизмами (собственно осетинскими понятиями первоисточника), то ради более традиционного русского, то ради общекавказского антуража и звучания. Первая часть названия его эпоса — «Песни кавказских горцев...» — опосредованно это подтверждает.

Выводы

Подводя итог нашему исследованию, необходимо прежде всего ответить на вопрос о жанровых признаках текста А.З. Кубалова. В.И. Абаев, как мы помним,

относил «Героев-нартов», наряду с произведениями Г.Г. Малиева и С.М. Городецкого, к опытам «поэтических обработок» нартовского эпоса. Однако уже с учетом принципиальных жанровых различий отмеченных им прецедентов такая квалификация для наших задач выглядит слишком обобщенно.

Исходя из общепринятого представления о том, что литературная обработка — это запись устного повествовательного материала, обработанная идейно, композиционно и стилистически, логично ставить вопрос о положительной степени и глубине переосмысления и реконструкции «сырья» устного нартовского предания в «Героях-нартах» А.З. Кубалова. В таком случае надо отметить следующие моменты.

Очевидно, что в «Героях-нартах» отсутствует единство действия, которое мы были бы вправе ожидать от авторской эпической поэмы или стихотворного эпоса. Мы могли бы предположить, что «Герои-нарты», таким образом, представляют собой попытку полного стихотворного перевода цикла сказаний, имевшихся в распоряжении Кубалова, и по неизвестным причинам оставшегося незавершенным. Но против такой гипотезы говорят некоторые явные признаки избирательности, в частности, отсутствие перевода начальных сказаний, связанных с яблоком нартов. Иначе говоря, начало «Героев-нартов» — «Плач Дзерассы» — выглядит так, будто у Кубалова есть своя эпическая концепция, некий оригинальный замысел, но дальнейшие построения этого не подтверждают, а финал — «Смерть Созрыко» — вовсе не выглядит концептуально предопределенным и подводящим под «Героями-нартами» черту.

Очевидно также, что у Кубалова не просматривается единого и четкого композиционного принципа, если не преувеличивать здесь значение генеалогии нартовских героев, теряющей актуальность после появления на свет главных действующих лиц (после раздела 3 «Рождение Батраза»).

Соответственно, здесь не приходится говорить и о какой-либо сравнительно новой, базирующейся на художественном потенциале нартиады, но выходящей за ее пределы идейной концепции; «Герои-нарты» не представляют собой идейно-эстетического «открытия», оригинальной трактовки, смещающей акценты исходного материала.

Наконец, не наблюдаем мы и цельности и последовательности стилистического и лексического плана, который у Кубалова включает разнородные элементы: аллюзии романтизма, обороты русской народной поэтической речи и просторечия, а также общекавказские наслоения.

Сравнительная (по отношению к оригиналу) качественная новизна кубаловского эпоса заключается только в его узко понимаемой стихотворной форме.

Итак, А.З. Кубалову не удалось придать алмазу эпоса совершенную огранку, построить композиционно сбалансированное и гармоничное повествование и избежать некоторых элементов того «хаоса», который он считал желательным преодолеть; на уровне языка, стиля и ритма Кубалов, оставаясь в рамках актуальных для него прецедентов, не передал самобытности осетинского оригинала.

Однако — вспомним здесь как нельзя более уместную здесь народную мудрость — «первый блин комом». Кубалов создал важный, далеко идущий прецедент, значение которого особенно зримо в контексте эпохи. Социально-политический

фон, включая буржуазную урбанизацию, придал особый смысл записи, переводам и обработкам нартовских сказаний. Так, помимо остального, Осетия спасала память своей навсегда уходящей, доурбанистической, домодернистской устной эпохи. Ибо город так же относится к деревне, как письменность — к устной речи. В условиях города живут только слухи и анекдоты, но не эпические сказания; здесь только рукописи — тем более русскоязычные — и не горят.

Особого внимания заслуживает именно транслингвальность феномена. Очевидно, что возникновение и развитие иноязычной литературной ветви менее связано с национальной устной поэтической традицией; однако столь же очевидно, что, будучи записаны и переведены, нартовские сказания сыграли большую роль в формировании в Осетии русскоязычной литературной поэтики и значительно повысили валентность осетинской культуры. Настоящее подробное рассмотрение, мы надеемся, имело смысл, но можно было бы и априори утверждать, что, какова бы ни была художественная ценность первых русскоязычных интерпретаций нартовских сказаний, их значение в истории осетинской литературы несомненно.

Список литературы

1. *Хугаев И.С.* Вторая жизнь нартов и даредзанов: очерк русскоязычных стихотворных переводов и обработок из осетинского народного эпоса // Полилингвальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 193–212. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-193-212.
2. *Гостиева Л.К.* Документы об участии В.Ф. Миллера в культурной жизни Осетии // Известия СОИГСИ. 2020. Выпуск 37 (76). С. 163–185. DOI: 10.46698/e3684-5815-4670-g.
3. *Пфафф В.Б.* Материалы для древней истории осетин. Тифлис, 1871.
4. *Абаев В.И.* О собственных именах нартовского эпоса. Избранные труды: Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ: Ир, 1990.
5. *Кубалов А.З.* К вопросу о происхождении нартовских песен // А.З. Кубалов. Песни Кавказских горцев. Герои-нарты // А.З. Къубалты. Уацмыстæ (Кубалов А.З. Сочинения). Орджоникидзе: Ир, 1978.
6. *Кузнецов В.А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980.
7. *Цориева И.Т.* Осетиноведение в исторической ретроспективе // Известия СОИГСИ. 2012. № 7 (46). С. 14–25.
8. *Дзиццойты Ю.А.* К осетинско-персидским фольклорным связям // Nartamonga. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. 2017. Vol. XII, № 1, 2. С. 234–267.
9. *Сатцаев Э.Б.* Нартовский эпос и Иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
10. *Казази М., Сокаева Д.В., Изади О.* Шахнаме и нартовский эпос осетин: опыт сравнительного изучения символа // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2020. № 1 (17). С. 23–31. DOI 10.25587/SVFU.2020.17.58363.
11. Из истории СОИГСИ им. В.И. Абаева // СОИГСИ 100 лет / под ред. З.В. Кануковой, С.Г. Кцоевой. Владикавказ: СОИГСИ, 2019.
12. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин // Абаев В.И. Избранные труды: религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990.
13. *Мамиева Н.К.* Сатана в осетинском нартовском эпосе (типология образа, проблема его эволюции). Орджоникидзе: Изд-во НИИ, 1971.

14. *Дзиццойты Ю.А.* Из сакральной лексики осетинского языка // Nartamonga. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. 2019. Vol. XIV, № 1, 2. С. 221—236. DOI: 10.23671/VNC.2019.1-2.41844.
15. *Мамонова В.А.* Историография нартского эпоса осетин: Культурологический аспект: автореф. дисс... канд. культурологии. СПб., 2004.
16. *Гостиева Л.К.* Из истории записи и публикаций осетинского Нартовского эпоса в 1920-е—1930-е гг. // Вопросы литературы и фольклора. 2018. № 10-1. С. 47—59.
17. *Джусойты Н.Г.* Къубалты Алыксандр (Александр Кубалов) // А.З. Къубалты. Уацмыстае (Кубалов А.З. Сочинения). Орджоникидзе: Ир, 1978.
18. *Домезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
19. *Гостиева Л.К.* Из истории записи и публикации осетинского Нартовского эпоса в дореволюционный период // Нартоведение в XXI веке. Современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. Вып. 4. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН, 2017. С. 5—17.
20. *Пропп В.Я.* Нарты. Эпос осетинского народа Издание подготовили В.И. Абаев, Н. Г. Джусоев, Р.А. Ивнев и Б.А. Калоев. Изд. АН СССР, 1957. 401 с. // Пропп В.Я. Собрание трудов. Фольклор. Литература. История. М.: Лабиринт, 2002. С. 351—357.

References

1. Khugaev, I.S. 2022. Vtoraya zhizn' Nartov i Daredzanov: ocherk russkoyazychnyh stihotvornyh perevodov i obrabotok iz osetinskogo narodnogo eposa. In Polilingval'nost' i transkul'turnye praktiki. T. 19. № 2: 193-212. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-2-193-212.
2. Gostieva, L.K. 2020. Dokumenty ob uchastii V.F. Millera v kul'turnoj zhizni Osetii. In Izvestiya SOIGSI, 37 (76): 163-185. DOI: 10.46698/e3684-5815-4670-g.
3. Pfaff, V.B. 1871. Materialy dlya drevnej istorii osetin. Tiflis. Print. (In Russ.)
4. Abaev, V.I. 1990. O sobstvennyh imenah nartovskogo eposa. In Abaev V.I. Izbrannye trudy: Religiya. Fol'klor. Literatura. Vladikavkaz: Ir publ. Print. (In Russ.)
5. Kubalov, A.Z. 1978. K voprosu o proiskhozhdenii nartovskih pesen. In Kъubalty A.Z. Uacmyst (Kubalov A.Z. Sochineniya). Ordzhonikidze: Ir publ. Print. (In Russ.)
6. Kuznecov, V.A. 1980. Nartskij epos i nekotorye voprosy istorii osetinskogo naroda. Ordzhonikidze: Ir publ. Print. (In Russ.)
7. Tsorieva, I.T. 2012. Osetinovedenie v istoricheskoy retrospective. In Izvestiya SOIGSI, 7 (46): 14-25.
8. Dziccojty, Yu.A. 2017. K osetinsko-persidskim fol'klornym svyazyam. In Nartamonga. Zhurnal Alano-Osetinskih Issledovanij: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vol. XII, N 1, 2: 234-267.
9. Satcaev, E.B. 2008. Nartovskij epos i Iranskaya poema Shahname (skhodnye syuzhetnye motivy). Vladikavkaz: IPO SOIGSI publ. Print. (In Russ.)
10. Kazazi, M. Sokaeva D.V., Izadi O. 2020. Shahname i nartovskij epos osetin: opyt sravnitel'nogo izucheniya simvola. In Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova: Seriya Eposovedenie, 1 (17): 23-31. DOI 10.25587/SVFU.2020.17.58363
11. Iz istorii SOIGSI im. V.I. Abaeva. 2019. In SOIGSI 100 let. / Pod red. Z.V. Kanukovoj, S.G. Koevoj. Vladikavkaz: SOIGSI publ. Print. (In Russ.)
12. Abaev, V.I., 1990. Nartovskij epos osetin. In Abaev V.I. Izbrannye trudy: Religiya. Fol'klor. Literatura. Vladikavkaz: Ir publ. Print. (In Russ.)
13. Mamieva, N.K. 1971. Satana v osetinskom nartskom epose (tipologiya obraza, problema ego evolyucii). Ordzhonikidze. NII publ. Print. (In Russ.)
14. Dziccojty, Yu.A. 2019. Iz sakral'noj leksiki osetinskogo yazyka. In Nartamonga. Zhurnal Alano-Osetinskih Issledovanij: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vol. XIV, N 1, 2: 221-236. DOI: 10.23671/VNC.2019.1-2.41844.
15. Mamonova, V.A. 2004. Istoriografiya nartskogo eposa osetin: Kul'turologicheskij aspekt. Avtoref... diss. kand. kul'turologii. SPb.

16. Gostieva, L.K. 2018. Iz istorii zapisi i publikacij osetinskogo Nartovskogo eposa v 1920-e—1930-e gg. In *Voprosy literatury i fol'klora*, 10-1: 47-59.
17. Dzhusojty, N.G. 1978. Kubalty Alyksandr (Aleksandr Kubalov). In *Kubalty A.Z. Uacmystæ (Kubalov A.Z. Sochineniya)*. Ordzhonikidze: Ir: Ir publ. Print. (In Russ.)
18. Dumezil, J. 1976. *Osetinskij epos i mifologiya*. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
19. Gostieva, L.K. 2017. Iz istorii zapisi i publikacii osetinskogo Nartovskogo eposa v dorevolucionnyj period. In *Nartovedenie v XXI veke. Sovremennye paradigmy i interpretacii: Cbornik nauchnyh trudov*. Vyp. 4: 5-17. Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN.
20. Propp, V.Ya. 2002. *Narty. Epos osetinskogo naroda*. Izdanie podgotovili V.I. Abaev, N.G. Dzhusoev, R.A. Ivnev i B.A. Kaloev. Izd. AN SSSR, 1957. 401 s. In Propp, V.Ya. *Sobranie trudov. Fol'klor. Literatura. Istorija*. Moscow: Labirint publ. Print. (In Russ.). S. 351-357.

Сведения об авторе:

Хугаев Ирлан Сергеевич — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник комплексного научно-исследовательского отдела Владикавказского научного центра Российской академии наук. E-mail: shmiksel@rambler.ru; vncran@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8838-5157

Bio Note:

Irlan Sergeevich Khugaev is a Ph.D. (Doctor of Letters), a Leading researcher of the Integrated Research Department of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: shmiksel@rambler.ru; vncran@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8838-5157

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636

Научная статья

Реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия: художественный феномен Александра Арапова

А.А. Арзамазов

Казанский научный центр РАН,
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420111, Казань, ул. Лобачевского, 2/3
Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,
Российская Федерация, Удмуртская Республика, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
 arzami@rambler.ru

Аннотация. В статье в разных проблемно-тематических проекциях рассматривается творчество одного из наиболее ярких представителей современной мордовской литературы Александра Арапова. В центре внимания — сложная реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия, исследование которой позволяет сделать вывод о том, что за каждым из языков «закреплены» определенные мотивно-образные комплексы, эстетические представления, этнопсихологические установки, лингвопоэтические особенности, «голоса» традиций. Так, в русскоязычных стихотворениях А.В. Арапова главное место занимают экзистенциально-психологические мотивы, Я-субъект разбирает события своей жизни, дает им оценку, при этом преобладает негативный эмоциональный фон, обозначается несоответствие желаемого с действительным. Показательно, что в стихотворениях, созданных на русском языке, практически не получает раскрытия почти обязательная для национальной литературы тема этнической идентичности, нет примеров «подключения» этнокультурной составляющей. Среди выявленных лингвопоэтических деталей — репрезентативность инфинитивного письма. Проанализированные эрзянские тексты далеки от социальных контекстов, урбанистического бытия, в них мало рефлексии относительно остро переживаемой современности. В этом языковом блоке произведений доминирует пейзажная лирика, актуализированы образно-символические элементы мордовской этнокультуры, ощутимо влияние национального фольклора. В стихах, написанных по-эрзянски, заметно авторское стремление к языковому пуризму. Таким образом, установлено, что реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия Александра Арапова — это не просто два генетически разных языка, но и два различных художественных мировоззрения, пересечений между которыми не так много.

Ключевые слова: финно-угорские языки, мордовская литература, русско-эрзянское поэтическое двуязычие, инфинитивное письмо, эпитет, концепты, художественный образ, этнокультура, художественное двуязычие, лирический субъект, лингвокультура

История статьи: поступила в редакцию 24.04.2022; принята к печати 04.10.2022

© Арзамазов А.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Арзамазов А.А. Реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия: художественный феномен Александра Арапова. 2022. Т. 19. № 4. С. 622—636. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636

Research Article

The Reality of Erzya-Russian Poetic Bilingualism: the Artistic Phenomenon of Alexander Arapov

Aleksey A. Arzamazov

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
2/3, Str. Lobachevsky, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
4, Str. Lomonosov, Izhevsk, 426004, Udmurt Republic, Russian Federation
 arzami@rambler.ru

Abstract. The article deals with the problematic and thematic projections of the work of Alexander Arapov (1959—2011), one of the most prominent representatives of modern Mordovian literature. The author focuses on the complex reality of Erzya-Russian poetic bilingualism, the study of which allows us to conclude that each of the languages has certain motive-figurative complexes, aesthetic ideas, ethno-psychological attitudes, linguo-poetic features, “voices” of traditions. So, the central place in the Russian-language poems of A.V. Arapova is occupied by existential-psychological motives, the “I”-subject analyzes the events of his life, gives them an assessment, while a negative emotional background prevails, a discrepancy between the desired and the actual is indicated. It is indicative that the theme of ethnic identity, almost obligatory for the national literature, is practically not revealed in the poems created in Russian, there are no examples of “connection” of the ethno-cultural component. One of the identified linguistic and poetic details is the representativeness of the infinitive writing. The Erzya texts analyzed by the author are far from social contexts, urban life, they have little reflection on the acutely experienced modernity. In the Erzya texts, landscape lyrics are dominant, the figurative and symbolic elements of the Mordovian ethnoculture are updated, the influence of national folklore is felt. The author’s desire for linguistic purism is noticeable in the poems in the Erzya language. Thus, it has been established that the reality of the Erzya-Russian poetic bilingualism of Alexander Arapov is not just two genetically different languages, but also two different artistic worldviews, the intersections between which are not so many.

Key words: Finno-Ugric languages, Mordovian literature, Russian-Erzya poetic bilingualism, infinitive writing, epithet, concepts, artistic image, ethnic culture, artistic bilingualism, lyrical subject, linguistic culture

Article history: received 24.04.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Arzamazov, A.A. 2022. “The Reality of Erzya-Russian Poetic Bilingualism: the Artistic Phenomenon of Alexander Arapov”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 622—636. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636

Введение

Одним из наиболее перспективных, но при этом институционально сложных направлений современной отечественной гуманитаристики является исследование феномена художественного двуязычия, природы творческого языкового «переключения». Содержательно-систематизирующее обращение к уникальной, стремительно исчезающей полиэтнической реальности России в литературно-художественных преломлениях, по всей вероятности, может способствовать решению некоторых важных внутренних проблем, «споров-тупиков» гуманитарной науки — отменить усталость от рассмотрения «вечных сюжетов» мировой культуры, облегчить груз «наслоений» ученых-предшественников, преодолеть часто встречающийся комплекс неактуальности изучаемого, «смягчить» острое ощущение отсутствия новых, по-настоящему фундаментальных тем, «прорывных» путей научного движения. Генетически родственные и неродственные этносы, языки, близкие и далекие с точки зрения стадияльно-типологических характеристик литературные традиции представляют собой без преувеличения очень ценный и подчас прежде не включавшийся в орбиту прочтения «живой» материал, предполагающий проведение разновекторных исследований. И если в российской лингвистике постепенно меняются тематические приоритеты, расставляются адекватные в свете глобальных гуманитарных трансформаций акценты (так, языки народов РФ, кажется, все более начинают осознаваться научным сообществом как большое проблемно-тематическое поле), то литературоведение по-прежнему медлит с очевидным. Национальные литературы России во всем их многообразии этнической притягательности незаслуженно редко становятся объектом анализа в зеркале полилингвильности и транскультурных практик. Между тем расширенный, но при этом глубинный опыт исследования кода «общего» и «особенного», очевидного и неочевидного взаимодействия языков, лингвокультур — это и редкая в рамках гуманитарно-филологического блока дисциплин возможность аргументированного теоретического моделирования, выход на новый уровень понимания своеобразия многонациональной российской идентичности, перспектива значительных этнофилософских обобщений, в основе которых — множественные миры народов.

Существование двух неродственных языков в творческой биографии, литературной лаборатории национальных писателей — явление все более распространяющееся, обусловленное как внешними факторами, так и внутренними причинами. Проблема *pro et contra* художественного билингвизма, полилингвильности на разных содержательно-тематических уровнях рассматривалась многими учеными. В нашем случае обращения к русско-эрзянским поэтическим текстам и контекстам особую значимость имеют труды В.Р. Аминовой [1], У.М. Бахтикреевой [2; 3], Р. Г. Бикмухаметова [4], Н.М. Валева [5], В.Е. Владыкина [6], Г.Д. Гачева [7], Е.А. Жиндеевой [8], З.А. Кучуковой [9], О.К. Лагуновой [10], О.И. Налдеевой [11], К.К. Султанова [12] и др.

Одна из бесспорных вершин мордовской (эрзянской) поэзии — творчество Александра Васильевича Арапова (1959—2011). Родившийся в Мордовской АССР поэт сыграл значительную роль в развитии национальной художественной традиции. Он с детства пребывал в стихии словесности, отправлял свои первые сти-

хи в районную газету («Новая жизнь»), в московские издания («Пионер»). Первые пробы пера не остались незамеченными, их публиковали. После окончания школы с золотой медалью Александр Арапов поступает на филологический факультет Мордовского университета. Когда появилась возможность — переводится на факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Последующая учеба в Москве стала благодатной почвой для полноценного творческого взросления. Мотивированное общение со столичными литераторами (наставниками и сверстниками) привело не только к завязыванию нужных в плане профессионального продвижения связей, но и существенно расширило представление молодого писателя о том, какими могут быть миры поэтического искусства. Москва в какой-то степени стала для Арапова своей, в московских газетах, журналах иногда печатались его стихи, интервью с ним. После возвращения в Саранск какое-то время Арапов работал корреспондентом в газетах, но главным местом его писательского, личного раскрытия становится журнал «Сятко» («Искра»). Считается, что при Арапове это издание вышло на новый уровень, превратилось в центр эрзянской литературной жизни. Александр Васильевич Арапов как оригинальный поэт и активный участник национальных культурных процессов не был обделен вниманием. Об этом косвенно свидетельствует достаточно большое количество наград, премий (например, финская премия Матиаса Кастрена). Вместе с тем отношение к нему в писательских кругах Мордовии было неоднозначным, непростым. Наверное, иначе и быть не могло. Безвременная кончина Арапова несколько сместила фокус прочтения его произведений. Постепенно приходит признание его большого литературного таланта, появляются более точные оценки написанного им. Невзирая на наличие литературоведческих, критических работ, обращенных к его стихотворениям, художественный феномен Александра Арапова нельзя назвать глубоко и разносторонне осмысленным.

Обсуждение

А.В. Арапов писал на двух языках — эрзянском и русском. Важно подчеркнуть, что художественное двуязычие среди финно-угорских народов России в большей степени свойственно именно мордве. Этому есть ряд объяснений. Мордовский этнос (в первую очередь эрзяне) — этнос дисперсного расселения. Ощутимая «разбросанность», отсутствие «работающих» больших лингвокультурных изменений ожидаемо приводят к утрате языка предков, к массовому переходу на русский. Местоположение Мордовии, окруженной русскими регионами, также существенно влияет на языковые предпочтения, языковую ситуацию в целом. Показательно, что эрзянский язык лучше сохраняется в диаспоре, значительное количество представителей национальной гуманитарной интеллигенции — выходцы из Самарской, Нижегородской, Оренбургской, Ульяновской областей, Республики Башкортостан. Поэтому естественность интенсивного, формирующего творческую личность этнофора присутствия русского языка становится одним из ключевых условий для возникновения мордовско-русского художественного билингвизма. Более того, происходит постепенное и последовательное переосмысление языковой природы национальной литературы. Очевидно, что современный мордовский писатель может быть только русскоязычным. Приме-

чательно, что русский язык мордовских писателей (в том числе Александра Арапова) лишен часто встречающихся в текстах «переключившихся» элементов не-правильности, грамматических, стилистических «заблуждений».

И все же поэтическое двуязычие, сосуществование / регулярное «переключение» языков в творческом сознании приводят к появлению / проявлению в системе текста не совсем типичных для данной художественной традиции, «грамматики литературы» форм, конструкторов. В русскоязычных стихотворениях А. Арапова повсеместно представлено инфинитивное письмо. Высокая степень инфинитивности фиксируется и в аналогичной ситуации у мокшанки Раи Орловой, перешедшей в своих поэтических поисках с родного на русский. По всей вероятности, поэт в условиях смены «лингвокультурного трека» ищет опору в новом языке творчества. И инфинитивное письмо — один из специфических языковых стержней, поддерживающих писателя «текстопорождающих центров». Частотность употребления инфинитивных конструкций у Александра Арапова не может не обратить на себя внимание. Фактически автор разговаривает с читателем / самим собой при помощи разветвленных инфинитивных серий:

*Буду жить и добро наживать,
Наряжать своих дочек — кровинок,
Вырезать из «Веселых картинок»
Самodelкина и Буратино
И при этом совсем не зевать.
Буду жить и себя не жалеть,
Не пора ли терпенью учиться.
Черт возьми, перестану лениться, —
Жизнь уходит и не повторится,
И ее уже нету на треть.*

*Полоса неудач, несладуха...
И хватило бы, Господи, духа
Не упасть, разрыдавшись, в траву,
Не расплакаться в чью-то жилетку,
Не царапать в отчаянии клетку —
Вражьи козни и злую молву.
И хватило бы, Господи, духа
Не кричать от нелепого слуха,
Не сломаться ни нынче, ни впредь;*

*Одиноки и печальны
На закате купола.
Расставаться, удивляться,
Изумляться — жизнь б ы л а...
На пороге у безмолвья
Задыхаться от бессилья.*

*Не казаться мне надо, а быть
И расписывать дни на листочке.
Чтобы вдруг не споткнуться на кочке,
Буду чувства держать на замочке,
И, попробуйте, злыдни, открыть.
Буду жить, буду правду искать,
К умным людям ходить за советом,
К добрым людям ходить как за светом.
Только бы ненароком при этом
Не забыть им «спасибо» сказать [13. С. 17];*

*И искать у дороги спасенья,
И искать у окраин терпенья,
И однажды душой просветлеть.
И тогда, осененный и ясный,
Со своею душою согласный,
По деревне осмелюсь пройти.
Понесу в себе светлое чувство,
А идти буду тихо и чутко,
Чтобы не расплескать по пути [13. С. 22];*

*А за окнами — молчанье,
В белом саване Россия.
Вслед себе смотреть и плакать,
Отвернуться и уснуть.
...Снег в России грустный-грустный,
Тихий, как последний путь [13. С. 36].*

Инфинитивное письмо в стихотворениях А. Арапова может фигурировать как в сильной, так и в ослабленной участии вспомогательно-сопутствующих синтаксических элементов семиотико-грамматической позиции. Однако почти всег-

да инфинитивные серии в стихотворениях Александра Арапова характеризуются значительной протяженностью, играют ключевую роль в конструировании синтаксического целого. Инфинитивное письмо в структуре поэтического языка — один из основных агентов художественной коммуникации, грамматическая доминанта-сигнал. Речь может идти об устойчивом диапазоне экзистенциально-психологических контекстов, наиболее важных для поэтико-синтаксической экспликации. Инфинитивы Арапова нередко дополнены отрицательной частицей «не», указывающей не только на несогласие с определенным действием или состоянием, но и свидетельствующей о невопианности лирического субъекта / автора в действительность нормальной человеческой жизни. Среди мотивов, ситуаций, описанных при помощи инфинитивов, — «программирование» своего будущего, проговаривание правильных и неправильных сценариев судьбы, обозначение собственных внутренних реакций, связанных с разными жизненными обстоятельствами. Инфинитивные серии в стихотворениях Александра Арапова раскрывают темы необратимости времени, невозвратности прошлого, высвечивают мучительную реальность переживания расставания, поэтическую оторванность лирического героя от проблем и их решения в настоящем.

Инфинитивные «прорывы» в поэтическом мире А. Арапова случаются и когда прописывается экзистенциальная сложность топоса, например города:

В этом городе унылом,
Где друг друга так не любят,
Скрыться, спрятаться, закрыться
В память, в общую тетрадь.
Притаиться, отмолчаться,
Белым светом *надышаться*
И... *влюбиться* в этот город
Перед тем, как *умирать*... [13. С. 8].

Нельзя исключить и процесс «интертекстуальной подпитки» инфинитивности у Александра Арапова. По мере творческого взросления эрзянский поэт все чаще обращался к русской и мировой литературе, представленным в них с художественной точки зрения убедительным инфинитивным образцам, моделям.

Следующая яркая лингвосомиотическая особенность русскоязычной поэзии А. Арапова — употребление большого количества эпитетов. И если известный поэт Евгений Рейн в качестве универсального совета предлагал начинающему Иосифу Бродскому отказаться от эпитетов, прилагательных, то А. Арапов, напротив, в своих текстах достигает высоких показателей «прилагательной концентрации»:

В этом городе *постылом*,
В этом городе *усталом*
Хрустнешь веточкой и вздрогнешь...
И летит твой день *тревожный*,
Весь *продутый*, весь *порожный*,
Серый, пасмурный, ничтожный... [13. С. 7];

Я уводил ее
На *голубой* мороз,
В *душистый* снегопад...
Как брошена небрежно
На *молодой* сугроб
Рябиновая кисть
Той женщиной моей,
Застенчивой и *нежной*... [13. С. 11];

Звездой *высокою* дыша,
Любуясь этим миром *нежным*,
Он вдруг почувствует, как прежде,
Что жизнь чертовски *хороша*... [13. С. 31].

Перманентная актуализация эпитетов — явление, предполагающее разносторонние выводы не только эстетического, поэтологического, но и психологического, когнитивного плана. Вероятно, «прилагательный феномен» Арапова — это и ментально обусловленная устремленность к «раздаче» характеристик (себе, другому, явлению, процессу), выражение ассоциативного мировосприятия, проекция коммуникативной природы индивидуальности поэта, замещение мыслительных пауз в структуре текста, творчески раскрываемое предположение о том, что и сложные, спорные состояния должны иметь свои определения.

Важное измерение бытия Александра Арапова — молчание, тишина. Эти слова-состояния-сигналы пронизывают многие стихи. Констатация молчания / тишины, как правило, стихотворно обозначается на фоне многоголосия, неуспокоенности, «криков» внутренней жизни лирического Я:

На пороге у *безмолвья*
Задышаться от бессилья.
А за окнами — *молчанье*,
В белом саване Россия [13. С. 5];

Что ты ходишь так печально,
Так отчаянно *молчишь*? [13. С. 7];

Нам не простят наивной простоты,
Нам отомстят за *долгое молчанье*... [13. С. 9];

Есть таинственная сила
У *осенней тишины* —
В ней дыхание могилы,
Бездна сорванной струны.
И в *безмолвном карнавале*,
В зябком трепете звезды
Обещание печали
И предчувствие беды... [13. С. 24];

Нет у меня слов —
Они остались для молитвы.
С возрастом мы глуше,
С *опытом молчанья*... [13. С. 49].

Одна из удивительно парадоксальных сфер отсутствия в поэтическом творчестве А. Арапова — обращение к этнической тематике, комплексу эрзянских символов, мотивов. Почти полное замалчивание мордовских тем, думается, не случайно. Предположительно, это осознанное дистанцирование поэта от больших и нерешаемых проблем исчезновения родного языка, заметное сужение границ национальной культуры. Арапов в пределах сборника «Взмах» ограничивается одним-единственным четверостишием, приоткрывающим трагизм бытования этноса:

В Мордовии зимы — русские,
Песня — русская,
Письма — на русском,
И только плач — на своем [13. С. 28].

Мордва — народ, у которого в большей степени, чем у других народов, размыта этническая идентичность. И в ракурсе такой «незаполненности» могут рассматриваться полярные этнопсихологические проявления — радикальные претензии к государству (феномен газеты «Эрзянь мастор»), интенсивное эрзяно-мокшанское взаимонепонимание, художественное нивелирование какой-либо этнической составляющей этнофора, отказ от «своего».

Один из центральных мотивов поэзии А. Арапова — несовпадение желаемого с действительным, ожиданий с реальностью. Лирический герой А. Арапова в таком роковом несовпадении не видит своей вины. Напротив, он живет насыщенно-сложной жизнью, пытаясь найти себя в разном, по-разному. Так, стремление быть физически сильным в итоге оказывается ложным направлением саморазвития. Поэтически постулируемый вывод — человек прежде всего должен обладать силой духа, быть готовым к тому, что судьба не будет всегда благосклонной. Автор в целой серии стихотворений как бы между строк формулирует мысль о том, что несбывшиеся надежды, ожидания — своеобразный вариант нормы. Человека неправильно осуждать за то, что ему не повезло, не хватило сил, терпения, мудрости.

В тексте «Мы разве жили как хотели?» людям вновь отказывается в подлинной самостоятельности движения по жизни. На этот раз «ведомость» объясняется социально-экономическими, идеологическими обстоятельствами, завуалированно представлены контексты советского и постсоветского времени. Свободный художник, поэт оказывается ненужным ни старой, ни новой эпохе. В последней строфе вводится метафора чужой реки, выразительно олицетворяющей переживаемую героями современность:

Мы разве жили как хотели?
Мы говорили как велели...
И лишь вполголоса мы пели,
А в голос разве мы могли?
Судьбе угодно — чтобы в пешках?
Кому — орел, кому-то — решка.
И только бойкие не мешкали
И проходили в короли.

Черт знает как мы уцелели.
А кое-что ведь мы имели.
Но записали нас в Емели
Святые наши дураки.
Вот так и жили — как умели.
Вот так и жили — как велели.
А что мы ждали, в самом деле,
На берегу чужой реки? [13. С. 96].

Мотив лично-экзистенциального несовпадения с эпохой «осложнен» и осознанием быстротечности жизни, стремительным завершением «праздника» молодости. Во многом ошибочное понимание пределов своего возраста, интуитивное опасение переходности *fin de siècle* находят отражение в стихотворении «Кончен бал... Перекресток и — красный...» [13. С. 36]. Лирический субъект, по-видимому, опирается не только на собственные «кризисные пороги», но и управляет укоренившимися в мировоззрении отечественной культуры стереотипами о «привилегии» поэта умереть молодым. Ему начинает казаться, что возраст Христа — это некая конечная точка полноценной жизни. Дальше — красный свет перекрестка, «разбитые бокалы» судьбы, пасмурное небо бессмысленного существования. Подобное трагически искаженное «программирование» своего жизненного пути не проходит просто так — ранний уход Александра Арапова тому прямое свидетельство.

Очередной возрастной границей, чертой становится сорокалетие, ассоциируемое с пустотой:

Мальчик, проспавший Пасху,
Стоит посреди опустевшего пустыря
С пустым китайским мешком
И слезы о куртку болоньевую вытирает [13. С. 78].

Александр Арапов писал антивоенные стихи. Он относится к тому поколению мужчин, писателей, кого непосредственно могла коснуться война в Афганистане. «Афганские» стихотворения из книги «Взмах» в первую очередь отличаются наличием документальных сюжетно-ситуативных пластов, раскрывающих личные истории тех, кто потерял на войне своих сыновей: звучат имена погибших, указывается их возраст, приводятся топосы смерти, указываются подробности гибели, похорон. Поэт изображает убитых горем родителей, противопоставляет им «румяных, статных военкомов». Тексты включают в себя реплики, открытые и скрытые монологи разных лирических субъектов, имеет место полифония реакций, эмоций. При этом единственная оценка происходящего — осуждение, неприятие. Риторически акцентированные эпитеты Арапова обращены к своей стране. Изображаемые в произведениях переживания, плач по погибшим сыновьям, осознание невозможности предотвратить напрасные войны, смерти, — «согласованные» с художественной концепцией А.В. Арапова состояния: в орбиту поэтизации попадает маленький человек, который почти не принадлежит самому себе. Его внутренние «бури», страхи, страдания «замкнуты», никому не интересны. Окружающий мир или откровенно враждебен, или равнодушен к героям стихотворений.

Кроме «афганских», в книге «Взмах» выделяется «больничной» блок стихотворений. Локус больницы в этих произведениях раскрывается сквозь призму постоянной смены состояний лирического Я. В замкнутых стенах обостряется восприятие внешнего и внутреннего. Очевидна необычайная частота «переключений» с другого, других на себя. Мелькание пейзажа за окном, фиксация белизны стен и потолка, то крики, то молчание души, то холод предчувствия смерти, то духота больничной жизни характеризуют «заключенную» повседневность героя. Обо-

значенные стихи прежде всего интересны как опыт художественной текстуализации психологии больного. Поведение лирического субъекта не лишено оттенков агрессии — у него вызывают раздражение, неадекватно-враждебную реакцию обыденные вещи. В улыбке незнакомого он видит усмешку, в идущем за окном — проходимца, во взгляде продавщицы он обнаруживает отталкивающий сытый взгляд [13. С. 90—92].

Эрзянские тексты Александра Арапова требуют специального монографического рассмотрения. Это работа филологов, литературоведов, в совершенстве знающих национальный язык. Мы же ограничимся некоторыми наблюдениями, которые позволяет сделать наш уровень владения эрзянским. В орбиту прочтения попали тексты из двуязычного сборника «Жест» (2010), увидевшего свет за год до смерти поэта. Написанные по-эрзянски стихи характеризуются простой, строгой рифмовкой. Кажется, что поэт пренебрегает возможностями родного агглютинативного языка, располагающего широким спектром аффиксов, не самыми прозрачными законами ударения. Поэт не ставил перед собой цель привнести разнообразие в рифмовые традиции мордовской лирики. Именно в эрзянском сегменте заметно стремление автора создавать песни. Такой жанровый статус нередко подчеркивается заглавием: «Цёрань моро» («Песня парня»), «Тейтерень моро» («Песня девушки»), «Моро Санядо» («Песня о Сане») и др. При всей простоте конструкции таких стихотворений нельзя не обратить внимание на естественное, непоказное богатство их словарного состава. Александр Арапов, что очень важно, в своих произведениях проявляет высшую стадию гармоничного бытования живого языка. В измерении текстов почти нет элементов искусственности, чрезмерного языкового созидания, излишнего употребления русских заимствований.

Эрзянские стихотворения Александра Арапова в значительной степени ретроспективны, в них много прошлого. Это тексты-возвращения в деревенское детство, юность, тексты-воспоминания об отце и матери. Фактически это опыт творческого, экзистенциального соприкосновения с аутентичным миром эрзянского этноса, погружение в пространство полузабытых обыкновений, этнокультурной повседневности эрзи. В произведениях, написанных на эрзянском, значительное место занимает изображение природы. Вероятно, сам язык подводит автора к актуализации определенных тем, сюжетов. Большое распространение получает мотивно-образный кластер времен года. Преобладают стихотворения о весне («Сась тундо! Тундо токась минек велес» («Пришла весна! Весна прикоснулась к нашей деревне») [14. С. 132], «Бабай, тундо» («Бабушка, весна») [14. С. 140], «Окойники таго учовсь тундось» («Наконец-то, снова дождалась весны») [14. С. 142]).

Обратимся к некоторым образцам эрзянской «половины» творчества А. Арапова. В стихотворении «Гигаксинть гагат! Гигаксинть гагат!» («Гогочут гуси! Гогочут гуси!») передается свойственная поэтической манере Арапова медитативная меланхолия, на первый символический план выходит обращенность внутренней жизни к прожитому и прошедшему. Улетающие гуси, опадающие листья, первые холода как бы настраивают лирического субъекта на особый лад философского отношения к быстротечности времени. Эти процессы перестройки себя, привыкания к невозвратности взрослым человеком мучительны и непредсказуемы. Яр-

кую реализацию заявленная тема получает благодаря эстетическому воздействию природной образности:

Гигаксинть гагат! Гигаксинть гагат!
 Вай, кода рангить! Вай, Верепаз!
 Нусманя кеняркс оймезэнь валыть,
 Вайгельсэст увтить тов — ютазь шкас.
 Матраты сэрем, кундаты келем,
 Зыйть юты эзган — ризкстнэ пицить.
 Кунсолы ойдем, чатьмони велем,
 Гигаксинть галат галат ливтить.
 Гигаксинть галат... Курок якшавты.
 Сёксь сам ушонть, лопатне прыть...
 Гигаксинть галат... Мезде мелявтат?
 Валдо од шкатне мекев а сыть.
 Гигаксинть галат... менелесь олась,
 Сэпшть мери коштось, потмура чись.
 Менстязесь — менстязь,
 Колазесь — колазь.
 Ёвтазесь — ёвтазь... истя уш лиссь.
 Менстязесь — менстязь...
 Шкантиень а вельмемс,
 Прядовсь од порат, прядовсь одксчить...
 Кунсолок, ойдем. Кунсолок, велем:
 Гигаксинть галат... галат ливтить...

(Гогочут гуси! Гогочут гуси!
 Ой, как кричат! Ой, Всевышний!
 Грустную радость мне в душу льют,
 Голосами своими тянут туда — в прошлое.
 Осядет мой рост, отнимется язык,
 Мурашки пробегут по мне — печали жгут.
 Слушает моя душа, молчит мое село:
 Гогочут гуси, гуси летят.
 Гогочут гуси... Скоро похолодает.
 Осень берет улицу, листья опадают...
 Гогочут гуси... О чем ты тревожишься?
 Светлые молодые времена назад не вернуться.
 Гогочут гуси... небо полиняло,
 Горчит воздух, день пасмурный.
 Упущенное — упущено,
 разбитое — разбито,
 Сказанное — сказано... так уж вышло.
 Упущенное — упущено...
 Времени не возродиться,
 Кончилась твоя молодая пора, кончилась
 молодость...
 Слушай, душа моя. Слушай, село мое:
 Гогочут гуси... Гуси летят...).

[14. С. 167]

Среди написанных по-эрзянски есть стихотворения, в которых сквозь призму различных психоэмоциональных деталей приоткрывается внутренний мир девушки / женщины. Необходимо подчеркнуть, что женские образы в таких художественно-поэтических преломлениях мало похожи на «араповских» героинь русскоязычных стихов. Там социально ангажированные, меркантильно озабоченные ненадежные дамы, не умеющие любить и ждать. В эрзянских отображениях это женщины одновременно реалистичные и мифологизированные, ведущие себя исходя из неких имплицитных правил, неведомых чужим субъектам загадочных предписаний. В действительности русских стихотворений А. Арапова женщины вписаны в легко понимаемый сюжет, максимально приближены к нормальной стандартной повседневности. Окружающие эрзянскую стихотворную героиню условия не всегда прозрачные, иногда ускользают от окончательного, полного понимания. Все перечисленное позволяет сделать предположение о том, что в символическом центре этого тематического блока произведений в той или иной степени раскрытия — традиционная картина мира этноса, этнопоэтические константы, лишь частично подвергшиеся «деритуализации фольклорного дискурса» (С.Ю. Неклюдов). В «Песне девушки» («Тейтерень моро») образно-мифологический пласт особенно репрезентативный: пляска гусыни, недостижимые дали, земляника, ассоциативная кодификация телесности, смешение темпораль-

ных планов и др. Просматриваются отсылки и к образной системе финно-угорского свадебного фольклора. Стихотворение «Ава лайши» («Женщина рыдает») в меньшей степени, чем предыдущее, открыто перекликается с фольклором. Однако в данном случае предположительно воспроизводятся отдельные этноментальные черты, этногендерные особенности. Очевидно, что женщина остается наедине со своими печалью и обидами. По-видимому, у них не принято, считается неправильным делиться своими переживаниями с мужчиной, нельзя выносить сор из избы. Нужно самой разобраться в себе. Природа заочно явлена как живая реагирующая субстанция, которая может принять, понять женскую боль:

Кода эзинь мелявто,
Иень ютазь велявты,
Иень ютазь велявты,
Чаравтсамам монь.
Вешимим ды вешнимим,
Пиже толсо эждимим
Астувтовикс тештинем —
Вечкемам умонь
Киштэвтэсама мацейнекс,
Токавтсамам васолкстнэс,
Ды якстере зорява
Стувтса эсень прям.
Кстыень танстесь — турваван,
Тикшень лембесь — прячерьган,
Сельведь байгесь — чамаван...
Палы монь чамам.
Ах, вечкемам-валдынем,
Кизэсь, лембе ялгинем,
Тикше ацась алганок,
Лангозонзо пран.
Тонтеть а эряван.
Чейнес верьс мон керяван,
Аисяк мон а серьгеян —
Пейдеме карман [14. С. 176]

(Как я ни тревожилась,
Через год вернется,
Через год вернется,
Закружит меня/поухаживает за мной.
Выпросил меня и отыскал меня,
Зеленым огнем согрел,
Незабвенная моя звездочка —
Любовь давняя.
Заставит-позволит меня/мне сплясать гусыней,
Заставит-позволит дотронуться до далей,
И на красной заре
Забуду себя.
Земляничный вкус — по моим губам,
Тепло травы — по моим волосам,
Капелька слезы — по моему лицу...
Горит мое лицо.
Ах, любовь моя — мой свет,
Лето, теплый мой дружок,
Траву постелило под нами,
На нее упаду.
Без тебя жить не могу.
Об осоку в кровь порежусь,
Только я не вскрикну —
Смеяться буду);

Ава лайши баня кудыкеле,
Ава лайши баня кудыкеле.
Авась тесэ кидеяк а визди,
Авась тесэ кидеяк а пели.
Ава лайши баня кудыкеле,
Ава лайши, седеензэ штавты.
Муськи-муськи — потмо вайгель каи,
Чови-чови — сельведне петнявты.
Ава лайши баня кудыкеле,
Ава лайши, мезеяк а кекши,
Вай, иля чикордо, умарь чувто...
Вай, иля чикордо,
сыре пекше...

(Женщина рыдает в предбаннике,
Женщина рыдает в предбаннике.
Женщина здесь никого не стесняется,
Женщина здесь никого не боится.
Женщина рыдает в предбаннике,
Женщина рыдает, сердце обнажает.
Стирает-стирает — голос изнутри подаст,
Стирает-стирает — слезинкой капнет.
Женщина рыдает в предбаннике,
Женщина рыдает, ничего не скрывает.
Ой, не скрипи, яблоня...
Ой, не скрипи, старая липа...
Женщина рыдает в предбаннике,

Ава лайши баня кудыкеле,	Женщина рыдает, боль не оставляет...
Ава лайши, сэредьксэнтъ а кады,	Вздохнет — звонкое небо замрет,
Уксты — гай менелемь таймазкады,	Ойкнет — ясная улица вздрогнет.
Вайксты — маней ушось соракады.	Женщина рыдает в предбаннике,
Ава лайши баня кудыкеле,	Женщина рыдает, на волю душу отпускает.
Ава лайши, оляс ойме менсти.	Наплачется — слезу утрет,
Лайшеви — сельведензэ нардады,	Во всю ширь земли устало выдохнет/ вздохнет/вдохнет.)
Весе модантъ келес сизезь лексти	

[14. С. 190]

Заключение

Поэтическое творчество Александра Арапова — перекресток множества тенденций, определяющих развитие национальных литератур народов России в конце XIX — начале XX столетия. Большое исследовательское внимание должно быть сосредоточено на контекстах, деталях, потерях, приобретениях, перспективах художественного билингвизма. Необходимо признать, что русскоязычные стихи Арапова восходят к русской лирике, их в целом проблематично соотносить со словесностью мордвы. Арапов, когда пишет по-русски, не стремится вводить в оборот этнокультурную компоненту. Данный пласт араповского наследия, скорее всего, должен рассматриваться в системе региональной русской литературы. Его русскоязычные стихотворения, лишённые проявленной мордовской самобытности, потенциально приводят интерпретирующего к дискуссионному и в теоретическом смысле не решённому вопросу о том, что такое национальная литература и каковы ключевые критерии отбора. Эрзянские произведения А. Арапова неверно определять как новаторские, «поворотные» в своей литературной истории. Пожалуй, приближение к стандартам городского романа можно считать некоторым опытом формально-содержательного обновления. Складывается впечатление, что именно эрзянские тексты автор рассматривал как материал для последующего песенно-гитарного исполнения,

Стихотворения А. Арапова показывают читателю человека разочарованного, потерявшего себя на перепутье эпох. Это непрерывные разговоры с собой, попытки беспощадно-уничужительного самоанализа, уход в иные сферы бытия. На внешнем «ярус» событийности его преследуют неудачи. Однако это субъективная точка зрения лирического героя. Он выбирает не путь социального сопротивления, интеллектуальной мобилизации, стабилизации личного, а пассивно-пессимистическое смирение, сам последовательно сужает пространство своей жизни, погружает себя в «темноту» экзистенциальной усталости.

В поэзии А. Арапова показан огромный чувственный мир. Лирический герой иногда прячется за шутками, пытается предстать перед читателем несерьёзным, но вопреки осознанно натянутой стратегии творческого сокрытия повсеместно прочитывается состояние внутреннего надлома. Арапов касается и болезненных тем неполноты этногуманитарного самовыражения — эрзянскому этнофору приходилось жить «вполголоса», хотя на фоне других финно-угорских народов России часто казалось, что именно мордва «поет в крик». Поэзия А. Арапова со сво-

ей минорной социально-психологической панорамой вписывается в картину развития современной финно-угорской литературы, в разных «разрезах» быта и бытия исследующей этнофора переходного времени.

Список литературы

1. *Аmineva В.Р.* Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). Казань: Казанский государственный университет, 2010.
2. *Бахтикиреева У.М.* Русофон — русофонный — русофония — русофонная литература — слова глобальные или локальные? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 1. С. 11—17.
3. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. М.: Триада, 2005.
4. *Бикмухаметов Р.Г.* Орбиты взаимодействия. М.: Советский писатель, 1983.
5. *Валеев Н.М.* Гармония культур // Избранные труды. Казань: Фэн, 2001.
6. *Владыкин В.Е.* Билингвизм в литературном творчестве: pro et contra. Мон. О себе и других, о народах и Человеках, и... Ижевск: Удмуртия, 2003.
7. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003.
8. *Жиндеева Е.А.* По координатам жизни. Эволюция русскоязычной прозы Мордовии. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсеева, 2006.
9. *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005.
10. *Лагунова О.К.* Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007.
11. *Налдеева О.И.* Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт, 2013.
12. *Султанов К.К.* Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // Stephanos. 2016. Т. 3. С. 154—162.
13. *Арапов А.В.* Взмах. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2001.
14. *Арапов А.В.* Жест. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2010.

References

1. Amineva, V.R. 2010. Tipy dialogicheskikh otnoshenii mezhdru natsional'nyimi literaturami (na materiale proizvedenii russkikh pisatelei vtoroi poloviny XIX v. i tatarskikh prozaikov pervoi tretii XX v.). Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi universitet publ. Print. (In Russ).
2. Bakhtikireeva, U.M. 2021. Russophone — Russophonie — Russophony — Russophonie literature — global or local words?. The Humanities and social studies in the Far East 18 (1): 11—17.
3. Bakhtikireeva, U.M. 2005. Tvorcheskaya bilingval'naya lichnost': natsional'nyi russkoyazychnyi pisatel' i osobennosti ego russkogo khudozhestvennogo teksta. Moscow: Triada publ. Print. (In Russ).
4. Bikmukhametov, R.G. 1983. Orbits vzaimodeistviya. Moscow: Sovetskii pisatel' publ. Print. (In Russ).
5. Valeev, N.M. 2001. Garmoniya kul'tur: Izbrannye trudy. Kazan: Izdatel'stvo «F n» publ. Print. (In Russ).
6. Vladykin, V.E. 2003. "Bilingvizm v literaturnom tvorchestve: pro et contra" In Mon. O sebe i drugikh, o narodakh i Chelovekakh, i..., 301—303. Izhevsk: Udmurtiya publ. Print. (In Russ).
7. Gachev, G.D. 2003. Mental'nosti narodov mira. Moscow: Eksmo publ. Print. (In Russ).
8. Zhindeeva, E.A. 2006. Po koordinatam zhizni. Evolyutsiya russkoyazychnoi prozy Mordovii. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. M.E. Evses'eva publ. Print. (In Russ).

9. Kuchukova, Z.A. 2005. Ontologicheskii metakod kak yadro etnopoetiki. Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh publ. Print. (In Russ).
10. Lagunova, O.K. 2007. Fenomen tvorchestva russkoyazychnykh pisatelei nentsev i khantov poslednei treti XX veka (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi). Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta publ. Print. (In Russ).
11. Naldeeveva, O.I. 2013. Sovremennaya mordovskaya poeziya: osnovnye tendentsii i khudozhestvennye orientiry. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut publ. Print. (In Russ).
12. Sultanov, K.K. 2016. Russian Literature as a Cultural Phenomenon and an Object of Research. *Stephanos* 3: 154—162.
13. Arapov, A.V. 2001. Vzmakh. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ).
14. Arapov, A.V. 2010. Zhest. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. 2010. (In Mordovian and in Russ).

Сведения об авторе

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН; ведущий научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917

Bio Note

Aleksey Andreevich Arzamazov is a Doctor of Philology, Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology of the Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher at the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: arzami@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7577-5917

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-637-649

Научная статья

«Потики» Патриции Грейс: коренное маорийское повествование через призму теории транскультурации

С.С. Галактионов , З.Г. Прошина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1
 semengal98@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье исследуется идентичность и творчество новозеландской писательницы эпохи маорийского ренессанса Патриции Грейс. Ее судьба схожа с судьбами многих представителей коренного населения маори со смешанным происхождением, в связи с чем еще больший интерес вызывает то, каким образом этот аспект ее существования отразился в созданных ею произведениях. В рамках данного исследования идентичность Грейс и ее литературный стиль рассматриваются с позиций теории транслингвильности и транскультурации. Особое внимание уделяется критике и рецепции творчества Грейс в литературном сообществе и разработке наиболее приемлемого подхода к изучению ее произведений. Данный подход формулируется с опорой на концепцию транскультурации Ф. Ортиса, исследования З.Г. Прошиной в области транслингвильной литературы, постколониальные исследования Х.-К. Траск и работы М.В. Тлостановой по гендерной философии. В качестве примера, подтверждающего транскультурный и транслингвильный характер литературы Грейс, выбран ее наиболее известный роман «Потики». Анализ этого произведения позволяет прочитать его не просто как сюжетный роман, но как сложный текст, содержащий множество элементов культуры маори, скрытых от некоренного читателя.

Ключевые слова: транслингвильность, транскультурация, транслингвильная/транскультурная литература, культурная синергия, маорийский ренессанс

История статьи: поступила в редакцию 24.04.2022; принята к печати 04.10.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Галактионов С.С., Прошина З.Г. «Потики» Патриции Грейс: коренное маорийское повествование через призму теории транскультурации // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 637–649. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-637-649

© Галактионов С.С., Прошина З.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Patricia Grace’s “Potiki”: Indigenous Māori Narrative Through the Lens of the Transculturalism Theory

Semyon S. Galaktionov^{ORCID}✉, Zoya G. Proshina^{ORCID}

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation
✉ semengal98@mail.ru

Abstract. The article examines the identity and work of Patricia Grace, a New Zealand writer of the Māori Renaissance period. Her fate echoes the life stories of many indigenous Māori people with mixed origins, and in regards to that it is interesting to see how this aspect of her existence was reflected in the works she created. Within the framework of this study, Grace’s identity and her literary style are analyzed from the standpoint of theory of translanguaging and transculturalism. Particular attention is paid to the criticism and reception of Grace’s work in the literary community and to the development of the most suitable approach to studying her texts. This approach is developed on the basis of the concept of transculturation by F. Ortiz, research by Z.G. Proshina in the field of translanguaging literature, post-colonial research by H.-K. Trask and the works of M.V. Tlostanova on gender philosophy. Grace’s most famous novel “Potiki” was chosen as an example that confirms the transcultural and translanguaging nature of her literature. The analysis of the novel allows one to read it as not just a story-driven novel, but as a complex text that contains many elements of Māori culture hidden from a non-indigenous reader.

Key words: translanguaging, transculturalism, translanguaging/transcultural literature, cultural synergy, Māori Renaissance

Article history: received 24.04.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Galaktionov, S.S., Proshina Z.G. 2022. “Patricia Grace’s “Potiki”: Indigenous Māori Narrative Through the Lens of the Transculturalism Theory”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 637—649. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-637-649

Введение

Патриция Грейс по праву считается ключевым маорийским автором эпохи ренессанса коренной культуры. Наряду с такими поэтами и прозаиками, как Хоне Туфаре, Уити Ихимаэра и Кери Хьюм, Грейс внесла значимый вклад в становление литературы маори в постколониальную эпоху. Не следует также забывать о том, что Грейс была первой писательницей-маори, чьи произведения были изданы, что, несомненно, сказалось на укреплении позиций коренного феминистского движения того времени. С самого первого сборника рассказов «Уаиарики» Грейс в ее произведениях прослеживаются темы, крайне важные для самоопределения коренного населения и сохранения культурной идентичности маори. В этом контексте особый интерес вызывают вопросы идентичности самой писательницы и транскультурного характера ее произведений.

Обсуждение

Биография Патриции Грейс

Охарактеризовать идентичность такой писательницы, как Грейс, невозможно без краткого обращения к ее биографии, к тем корням, которые во многом предопределили ее литературный стиль, а также круг волнующих ее вопросов. Патриция Грейс родилась 17 августа 1937 г. в Веллингтоне в семье с разными генеалогическими корнями. По материнской линии Грейс имеет ирландское происхождение, по отцовской линии прослеживается связь с тремя маорийскими племенами: нгати тоа, нгати раукаа и тэ ати аа. В детстве Патриция часто проводила каникулы с «фанау» (родственниками-маори по отцовской линии) в городе Плиммертон, где находилась земля их предков. И несмотря на то, что в кругу фанау не было принято говорить на коренном языке, Грейс с раннего возраста идентифицировала себя как маори и чувствовала связь с тем наследием и теми традициями предков, о которых она узнавала от своих родственников-маори. При этом свое первое институциональное образование она получила в классических западных католических школах, в которых нередко чувствовала себя изолированной из-за своего происхождения [1]. В то время доступ маори к образованию был все еще затруднен, тем более доступ к относительно престижным католическим школам, и даже если ребенку-маори удавалось в них попасть, учителя нередко относились снисходительно к его интеллектуальным способностям. Однако подобная несправедливость и постоянно ощущаемое давление «европейского» большинства не заставили Грейс усомниться в ценности своей маорийской идентичности. Наоборот, этот опыт лишь подчеркнул ее значимость и во многом предвосхитил те вопросы, которые Грейс будет поднимать в своих будущих произведениях. Еще в школьном возрасте Патриция проявляла интерес к «классической» новозеландской литературе (Кэтрин Мэнсфилд, Фрэнк Сарджесона), но при этом ей не всегда удавалось соотнести себя с миром и героями произведений такой литературы. Можно предположить, что именно эта неспособность отождествления себя с европейской новозеландской литературой стала началом поиска того маорийского «голоса», который показал бы совершенно другую, индигенную сторону общества Новой Зеландии. В 1960-е годы в процессе своего постепенного творческого самоопределения Грейс пишет небольшие рассказы, вдохновленные ее воспоминаниями из детства. В 1975 году многие из этих рассказов публикуются в сборнике «Уаиарики», ставшим первым опубликованным произведением писательницы-маори и закрепившим за Грейс статус одного из зачинателей литературы маорийского ренессанса.

Краткий экскурс в жизнь и становление Патриции Грейс как самобытной писательницы позволяет нам убедиться в неординарности ее происхождения и амбивалентности ее творчества. Стремление провести более глубокий анализ данных лежащих на поверхности суждений обуславливает необходимость обратиться к таким концепциям, как транслингвальность и транскультурность.

Теория транслингвальности и транскультурации

В лингвистической теории понятие транслингвальности появилось в 1990-х гг., и считается, что его автором является американский критик и исследователь Сти-

вен Келлман. В своей работе «Транслингвальное воображение» Келлман впервые провел подробный анализ транслингвальной литературы на примере произведений различных африканских и еврейских авторов, а также таких авторов, как Мэри Антин, Владимир Набоков, Сэмюэл Беккет, Джон Максвелл Кутзее и др. [2]. Транслингвальность подразумевает гармоничный переход от одной лингвокультуры к другой, приводящий к их частичному слиянию без полной ассимиляции. При этом пользователи смещающих друг друга лингвокультур сохраняют свои идентичности и способствуют возникновению смешанных дискурсов [3. С. 38]. Ситуация транслингвальности также предполагает взаимопроникновение языков, в результате чего возникает «новое качество обогащенной лингвокультуры» [4. С. 6]. Ввиду подобного обогащения одной лингвокультуры другой, а также их постоянного пограничного состояния в теории транслингвальности язык рассматривается не как система, а как практика, как непосредственный процесс речетворчества. И так как поле языковых ресурсов для транслингва несколько шире, его речетворческая деятельность имеет как трансформирующий, так и интегрирующий характер. Транслингву открываются дополнительные возможности, он успешно использует языки, находящиеся у него в репертуаре, при этом иногда позволяя себе нарушать нормы и приспосабливать языковые коды к своим целям и специфичным контекстам [5]. Можно выделить ряд коммуникативных стратегий, позволяющих транслингвам успешно передавать информацию и выступать полноценными субъектами коммуникативного акта: смешение и переключение языковых кодов; заимствования; гибридизация языков/пиджинизация; упрощение; обращение к интернациональным словам; переспрос; перифраз; использование невербальных жестов; активизация металингвистических знаний и т.д. [6. С. 162].

Такие понятия, как транскультурность и транскulturация, предшествовали теории транслингвальности и были введены кубинским философом, антропологом и социологом Фернандо Ортисом в 1940 г. [7]. Долгое время концепция транскulturации Ортиса находилась в тени ввиду искаженной трактовки его трудов и идей западными антропологами, пожелавшими ассимилировать нововведенный термин и легитимировать его в контексте функционалистского дискурса той эпохи, тогда как Ортис вкладывал в транскulturацию идею критической оценки и переосмысления антропологических исследований колониальных пространств и их взаимоотношений с метрополией. В результате функционалистского поглощения распространение получила прикладная трактовка концепции, сводившая ее к проблемам миссионерской деятельности, колониальной политики и установления культурных контактов. Подобную апроприацию понятия транскulturации следует рассматривать как еще одну попытку колониаторского присвоения и приспособления «не-европейской» теории, пытавшейся пролить свет на дисфункциональные аспекты антропологии середины XX в. Возврат к идеям Ортиса произошел уже в рамках трудов интеллектуалов-постколониалистов, наиболее ярким из которых представляется американский теоретик культуры Эдвард Саид, имевший арабское происхождение. Он подчеркивал значимость контрапунктного подхода Ортиса и отмечал, что в рамках этого подхода особое внимание уделяется сложным взаимодействиям между подавляемой и подавляющей культу-

рами, ни одна из которых полностью не поглощает другую, в результате чего доминирование какой-то одной из оппозиций становится нереализуемым [8. С. 51]. В результате этого транскультурного процесса рождаются особые идентичности, которые невозможно охватить в рамках структурно-функционалистского подхода, и это также относится к идентичностям самих антропологов. Концепция Ортиса ставит под сомнение основную идею западной антропологии о том, что антрополог выступает как независимый объективный актор, не имеющий идеологической заинтересованности, так как на деле эта заинтересованность всегда прослеживается. Ортис же выступает за изучение культуры изнутри, а не с позиции стороннего наблюдателя, что позволяет уйти от империалистических и колониальных пережитков науки прошлого и запустить продуктивный транскультурный процесс взаимодействия.

Сегодня термин «транскультурация» встречается не только в рамках антропологической науки, но и в других гуманитарных и социальных контекстах и понимается как «принцип функционирования современного общества и культуры и как эпистемологическая модель, соответствующая эпохе глобализации и проявляющаяся в самых разных областях жизнедеятельности» [9. С. 133]. Транскультурация, таким образом, основывается на культурном полилоге, в котором культуры активно взаимодействуют, но при этом не сливаются полностью и сохраняют свое право на «непрозрачность» [10. С. 28]. Транскультурный индивид в этом контексте выступает как носитель сразу нескольких идентичностей как в одной, так и в другой культуре, и это приводит к своего рода принятию различий, гибридизации и созданию новой культуры «за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных и профессиональных культур» [11. С. 419].

В целях настоящего исследования творчества Патриции Грейс отдельного внимания также заслуживает вопрос транслингвальной/транскультурной литературы, под которой понимается литература писателей-транслингвов, написанная на неродном для них языке, но при этом отражающая их этническую и лингвокультурную идентичность и создающая новую лингвокультурную модель [6. С. 162]. Одной из главных особенностей такого рода литературы является культурная синергия — объединение культурно различных элементов, при котором возникает качественно иное образование, превосходящее по эффекту сумму элементов [11. С. 367].

Транслингвальность и транскультурность Патриции Грейс и ее творчества

Итак, рассмотрение теории транслингвальности и транскультурности позволяет нам охарактеризовать идентичность Патриции Грейс, а также и ее литературу как транслингвальную и транскультурную. Прежде всего это обусловлено происхождением писательницы, а также тем смешанным образованием, которое она получала. Мы видим, что с раннего детства Грейс имела дело с двумя лингвокультурами, постоянно граничащими друг с другом, но никогда полностью не сливающимися. Несмотря на то, что английская речь доминировала в ее семье и в новозеландской образовательной системе, она не потеряла связь с лингвокультурой маори и смогла обогатить ею все свои произведения. Для литературного

стиля Грейс также характерны многие из перечисленных выше транслингвальных коммуникативных стратегий. В своих произведениях она нередко смешивает языковые коды, использует большое количество заимствований из маори, упрощает язык повествования, но при этом сохраняет тематическую глубину и высокую степень мифологизации. Здесь может возникнуть теоретическое несоответствие, вызванное тем, что под транслингвальной литературой принято понимать те произведения, которые написаны на неродном для транслингва языке, а в случае Патриции Грейс роман «Потики» написан на английском, который является для нее родным. Однако, если рассматривать понятие транслингвальной литературы, приняв во внимание понятие самой транслингвальности, получается, что в такую литературу также следует включать произведения, в которых происходит взаимопроникновение языков и частичное слияние лингвокультур без их полной ассимиляции. Такое определение транслингвальной литературы позволяет включать в нее произведения не только на неродном языке, но и на родном с высокой степенью интерференции и переключением кодов, за счет которых и отражается этническая и лингвокультурная идентичность автора. К числу таких произведений можно отнести и рассматриваемый роман Грейс, что делает его транслингвальным в соответствии с принятым понятием. Смешение лексических заимствований, элементов коренной мифологии и культурно-специфичных реалий маори с традициями англоязычной литературы и обстановкой новозеландского общества выявляет культурную синергетичность произведений Грейс, что еще раз доказывает транскультурность ее произведений.

Как уже было сказано ранее, Патриция Грейс по праву считается одним из первых авторов маорийского ренессанса, эпохи, отмеченной важными переменами для коренного населения Новой Зеландии как в социально-экономической и политической сферах, так и в области культуры. События того времени во многом отражают те проблемы, о которых писали Фернандо Ортис и последовавшие за ним исследователи-постколониалисты, рассматривавшие процессы деколонизации по всему миру. Естественно, такие кардинальные изменения, происходившие в устройстве всего новозеландского общества, не могли не найти отражения в литературе того периода, поэтому животрепещущие для коренного населения проблемы всегда раскрывались в произведениях маорийского ренессанса. Например, в романе «Потики» основной сюжет строится на проблеме признания права собственности маори на землю их предков. При этом европейская часть населения в романе представлена стереотипными образами капиталистических дельцов, показанных не с самой лучшей стороны, так как даже в эпоху деколонизации европейцы действительно неоднократно пытались присвоить себе коренные земли. Многим европейским критикам подобная репрезентация их нации казалась несправедливой, что вызывало негативные рецензии на произведения Грейс. В связи с этим вопрос рецепции и критики творчества Грейс заслуживает отдельного внимания.

Прежде всего здесь следовало бы обратиться к вопросу оценки и критики полинезийских литератур и культур в целом, так как у многих исследователей второй половины XX в. уже на этом уровне прослеживались предубеждения в отношении коренных народов, а также очевидное непонимание их проблем. Такие

регионы Океании, как Полинезия, Меланезия и Микронезия, являются островными, малонаселенными и относительно отдаленными друг от друга территориями, за счет чего они длительное время были отделены от академического дискурса. Даже в постколониальный период многие исследователи предпочитали изучать эти регионы со стороны, избегая при этом той антропологической модели исследований, которую разработал Фернандо Ортис. Гавайская активистка и исследовательница Хаунани-Кей Траск в духе самого Ортиса подвергает таких антропологов критике и подбирает для них фразу на гавайском языке — “*maha’oi haole*”. В разговорной речи гавайцев это словосочетание обозначает белых людей, которые активно вмешиваются в чужие дела, но в более академическом контексте Траск придает ему еще одно значение: оно означает европейского исследователя, не желающего обращаться к трудам представителей коренного населения, игнорирующего их интересы и имеющего ограниченное представление о коренных культурах, их социальных и политических проблемах [12. С. 160]. Подобная характеристика может быть присвоена и многим критикам творчества авторов маорийского ренессанса, чьи произведения во многом перекликались с произведениями представителей других полинезийских народностей, но при этом получали снисходительную оценку у европейской части литературного сообщества. Произведения Уити Ихимаэра, Патриции Грейс и Кери Хьюм нередко описывались как чересчур откровенные, сентиментальные или же написанные недостаточно «сложным» литературным английским [13. С. 181; 14; 15], в результате чего их обсуждение в академических кругах сводилось к европоцентристской оценке эмоциональности героев или правдоподобности происходящего. В своей работе, посвященной гендерной философии в условиях деколонизации, М.В. Тлостанова проводит подробный анализ незападного феминизма и колонизаторского взгляда Запада на колонизированных мужчин и женщин, а также критикует западные тео- и эгополитические знания, которые «определяют норму и отклонение от нее, так что нерациональные и ненаучные формы знания или знание, сформированное вне столбовых дорог модерности, оказываются вынесены за ее скобки» [16. С. 111]. В рамках настоящего исследования можно предположить, что пренебрежительное отношение европейских критиков к культурному опыту маори, транслируемому в текстах вышеупомянутых авторов, и чрезмерное внимание к таким категориям, как сюжет, достоверность, литературный язык и откровенность, ярко иллюстрирует то «вынесение за скобки модерности», о котором пишет М.В. Тлостанова.

Таким образом, что критика литературы маорийского ренессанса способствовала исключению из диалога крайне важной составляющей этой литературы — культурной идентичности маори и ее глубинных проявлений в текстах. Из-за этого становилось невозможно по достоинству оценить ту транскультурную значимость, которую несли произведения таких писателей, как Патриция Грейс. Достичь этого позволит отказ от взгляда с позиции *maha’oi haole* и более детальное рассмотрение знакового романа Грейс «Потики».

Как уже отмечалось, сюжет романа «Потики» строится на истории одной прибрежной маорийской общины, которой приходится отстаивать права на землю своих предков и бороться с капиталистами-проектировщиками, желающими

перекупить эту землю и построить на ней океанариум. Члены общины отказываются от предлагаемых им денег, после чего при загадочных обстоятельствах их сады и кладбище предков uira оказываются затоплены, их дом для собраний и советов whareni сожжен, а самый младший ребенок в семье pōtiki убит. Из-за прямолинейности, «прозрачности» прозы Грейс и четкости оппозиций этот роман может показаться неосведомленному читателю исключительно сюжетным. При таком подходе внимание уделяется лишь поверхностной истории противостояния маори и европейской части населения pakeha, знакомой подавляющему большинству новозеландской аудитории, и отпадает необходимость более глубокого прочтения. Однако только такое прочтение способно обнаружить дополнительные скрытые смыслы и показать, что «Потики» — это «текст о самих маори, об их устной традиции передачи историй, генеалогий и мифов, традиции, которая существовала многие века до пакеха и просуществует после» [17. С. 169]. Грейс таким образом обращается к традиционной европейской литературной форме романа и обогащает ее элементами устной культуры маори в виде историй, передаваемых центральными персонажами произведения, главными из которых являются мать семейства Роимата и ребенок-потики по имени Токо.

Роль Токо в романе заслуживает отдельного внимания, так как именно в его мифо- и речетворческой деятельности кроется ключ к пониманию скрытых значений «Потики». Будучи рожденным с физическим недугом, Токо постоянно полагаться на помощь своей приемной семьи, из-за чего он может показаться читателю лишь сторонним наблюдателем в этой истории, не принимающим активного участия в развитии основного сюжета отстаивания земли. Несмотря на это, голосу Токо отводится десять из двадцати девяти глав романа, что позволяет судить о его первостепенности как персонажа. Уже в самом имени Токо кроются значения, ускользающие от читателя, незнакомого с культурой маори. Как глагол, *toke* может обозначать возникновение чувств и эмоций или начало движения, а как существительное — резные шесты, воздвигаемые на *tūāhu* — священном месте для проведения ритуалов и предсказания будущего [18]. Мы видим, что за именем персонажа скрывается не только идея «начала», но и священные элементы материальной культуры маори, имеющие пророческое значение, что играет крайне важную роль в коренном повествовании романа, ведь речетворческий процесс Токо не только затрагивает вопросы маорийской генеалогии, но и несет пророческий характер. В первой главе Токо открыто говорит о том, что знает о своих способностях:

Может, именно магии из бабушкиного уха я обязан своим особым знанием. Это награда за мой недуг и за то, что я чуть не утонул. Но я получил и другие подарки еще до того, как родился. Я знаю все свои истории [19. С. 38].

Под «историями» Токо следует понимать те дальнейшие главы, в которых повествование ведется от его лица. В этих главах он рассказывает о своем взрослении, о членах своей семьи, о родственных маорийских общинах, а также о том, какие действия разные члены общины предпринимали в борьбе с европейскими застройщиками. Истории Токо наполняются коренным смыслом и становятся похожи на такую устную традицию маори, как пересказ племенной генеалогии

whakarara, затрагивавшей не только происхождение того или иного племени, но и его права на землю и рыбные угодья. Однако, как отмечают исследователи, формы устной литературы маори ограничены исключительно вопросами маорийских традиций, родства, лидерства и мифологии и не допускают, таким образом, включения каких-либо элементов западной культуры [20. С. 206—207]. Вдобавок к этому перед Грейс стоит еще одна сложная задача — инкорпорировать элементы устной культуры маори в письменную речь на английском языке. Но Грейс удается справиться с этой проблемой во многом благодаря мифологизации опыта современных маори в Новой Зеландии, в чем еще раз проявляется транскультурный характер романа «Потики». Это становится особенно заметно в четырнадцатой главе произведения, где Токо рассказывает о том, что происходило в общине после очередного визита застройщиков и попыток купить у маорийской общины их земли. Описывая усугубляющийся конфликт, Грейс вновь фокусирует внимание читателя на проблеме признания прав коренного населения на землю предков и рыболовные угодья. К этому добавляется и вопрос лидерства, так как по мере развития основного конфликта разные члены семьи Токо борются за право представлять интересы маорийской общины. Именно эти темы являются наиболее важными в устной традиции маори, и, помещенные в современный контекст, они запускают процесс мифологизации повествования. Этот процесс усиливается за счет того, что читатель воспринимает происходящее глазами Токо, персонажа, наделенного особым знанием и имеющего непосредственную связь с ритуальной культурой маори. В самом начале главы он проявляет свои пророческие способности и говорит о предчувствии огня, которое было с ним еще «до того, как он был ребенком» [19. С. 92], и так предсказывает пожар, в результате которого сгорит дом для собраний. В сознании Токо огонь охватывает деревянные скульптуры предков, расположенные внутри дома, после чего видение уходит, оставляя героя с этим печальным знанием будущего. Затем он чувствует, как «дом набрал воздух и вздохнул» [19. С. 93], что в контексте предшествовавших образов позволяет нам судить о том, что речь тут не просто об общем дыхании людей, находящихся в этот момент в доме, но о предках, представленных в виде резных скульптур, чье присутствие может быть отмечено только Токо.

Так Грейс объединяет в одно синергетическое целое важнейшие элементы духовной культуры маори и современные реалии основного сюжетного конфликта, превосходит ограничения устной традиции и мифологизирует свой текст, смешивая европейский литературный жанр с пересказами whakarara или историями kōhēgo, уникальными устными повествованиями. Исследователями также отмечается, что для устной маорийской литературы характерна ритмичность и использование конкретных образов для передачи отвлеченных идей [21. С. 267], что также свойственно стилю Грейс, в особенности в тех главах, где повествующим лицом является Токо.

Последней транскультурной особенностью романа, на которую следует обратить внимание, является то, как персонажи Грейс используют время в своем повествовании. Вновь обращаясь к речетворческому процессу Токо, мы можем наблюдать, как время его повествования смещается от настоящего, параллельного происходящим событиям, до прошедшего или предвосхищающего будущее-

го. Это можно заметить в четырнадцатой главе, где отдаленность повествования Токо от кульминации земельного спора позволяет ему осуществить задачу мифологизации происходящего. Но наиболее ярким примером здесь является последняя глава романа, в которой Токо завершает свое мифическое повествование, давая читателю понять, что на данный момент он уже погиб и что историю собственной смерти он рассказывает «из дерева» и «со стены» [19. С. 178], так как теперь он представлен в виде резной фигуры предка в новом отстроенном доме. Здесь читатель понимает, что именно эта фигура была описана за две главы до этого:

Они посмотрели на законченную резьбу и увидели в ней тамаити, мокопуна, потики со всеми окружавшими его историями, и они поняли, что теперь дом был построен... Они улыбнулись, когда увидели широкий рот с волшебными завитками в углах и языком, говорящим, рассказывающим языком, выющим до того места, где начиналось сердце [19. Р. 168—169].

Таким образом, то, что в этой предшествовавшей главе кажется лишь неживой резной скульптурой, оживает в конце произведения и те истории, которые окружают скульптуру, и есть истории, рассказываемые Токо на протяжении всего романа. Читатель понимает, что ребенок в инвалидном кресле, использовавший свой голос для рече- и мифотворчества, умер, но продолжал производить текст, затем был похоронен, но продолжал производить текст в материализованном виде. С помощью повествовательной линии Токо Грейс выходит за рамки линейности и показывает, как в сознании маори концептуализируется жизнь, смерть и течение времени. В картине мира маори прошлое *tuā* обозначает время, находящееся впереди и не сокрытое от взгляда, тогда как будущее *tuhi* обозначает то, что неизвестно и находится позади [21. С. 68—70]. Понимание этого аспекта маорийской культуры позволяет читателю осознать всю сложность повествования Токо, чей взор как материализованного в дереве предка направлен вперед, в известное ему прошлое, и именно этой связью с культурой предков и предварительным осознанием того, что с ним произойдет, объясняются его профетические способности по мере развития основного сюжета.

Грейс удается поставить некоренного читателя в сложное положение, в котором для полного понимания текста романа необходимо иметь представление о различных составляющих маорийской культуры — от духовных и ритуальных практик до архитектуры и быта. К этому также добавляется тот факт, что в тексте «Потики» отсутствуют подстрочные комментарии или глоссарий, которые позволили бы читателю — не носителю коренного языка понять значение большого количества лексических заимствований. Так Грейс удается сохранить баланс между основной сюжетной линией и коренным повествованием, которое достигает своего апогея в последней главе, заканчивающейся отрывком, полностью написанным на языке маори. Этим отрывком Грейс закругляет тему устной традиции маори, которая начинается в конце эпилога с формального восклицания “*tihē mauriora*”, обозначающего начало чьей-либо речи на маорийском собрании, и завершается последней фразой романа “*ka huri*”, обозначающей конец устного выступления.

Заключение

В рамках настоящего исследования был проведен анализ творчества новозеландской писательницы Патриции Грейс на примере романа эпохи маорийского ренессанса «Потики». С опорой на биографию самой Грейс и на теорию транслингвальнойности был сделан вывод о транслингвальном характере ее идентичности и о том, что для ее творчества характерны приемы, свойственные авторам-транслингвам. Краткий обзор основных положений теории транскulturации Фернандо Ортиса позволил применить эти идеи к контексту маорийского ренессанса в целом и произведений Грейс в частности. Было выявлено, что творчество писательницы отмечено элементами двух лингвокультур, представленных в новозеландском обществе является ярким примером культурной синергии. Однако лишь немногие критики в своих работах смогли по достоинству оценить транскulturальность произведений Грейс, идеи которых выходят за рамки европоцентристских литературных категорий. На примере романа «Потики» было продемонстрировано, как более глубокий взгляд на это произведение способен выявить неочевидные для широкого читателя, а иногда и намеренно невербализованные самим автором аспекты культуры маори. Представляется, что подобный транскulturальный подход к анализу постколониальной литературы полинезийских народов позволит привлечь больше внимания к ее изучению, способствуя тем самым сохранению коренного культурного наследия этого региона.

Список литературы

1. *Kuiper K.* Patricia Grace // Encyclopedia Britannica. 2020. URL: <https://www.britannica.com/biography/Patricia-Grace> (дата обращения: 28.06.2021).
2. *Kellman S.G.* The Translingual Imagination. University of Nebraska Press, 2000.
3. *Canagarajah S.* Multilingual writers and the academic community: towards a critical relationship // Journal of English for Academic Purposes. 2002. № 1. Pp. 29—44.
4. *Прошина З.Г.* Проблемы и перспективы транслингвальных и транскulturальных контактов (введение к тематическому выпуску журнала) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 6—9.
5. *Canagarajah S.* Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations. London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2013.
6. *Прошина З.Г.* Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155—170.
7. *Ortiz F.* Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press, 1995.
8. *Said E.W.* Culture and Imperialism. London: Vintage, 1993.
9. *Глостанова М.В.* Транскulturация как модель социокультурной динамики и проблема множественной идентификации // Вопросы социальной теории. 2011. Т. V. С. 126—149.
10. *Глостанова М.В.* Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М.: Едиториал УРСС, 2004.
11. *Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г.* Словарь терминов межкультурной коммуникации / под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
12. *Trask H.-K.* Natives and Anthropologists: The Colonial Struggle // The Contemporary Pacific. Vol. 3. № 1. 1991. Pp. 159—167.

13. *Pearson B.* Witi Ihimaera and Patricia Grace // *Critical Essays on the New Zealand Short Story*. Ed. Cherry Hankin. Auckland: Heinemann, 1982.
14. *McLeod A.* Private Lives and Public Fictions // *Public and Private Worlds: Women in Contemporary New Zealand*. Ed. Shelagh Cox. Wellington: Allen and Unwin. 1987. Pp. 67—81.
15. *Anderson L.* Maoriness and the Clash of Cultures in Patricia Grace's Mutuwheua // *World Literature Written in English*. 1986. № 1. Pp. 188—190.
16. *Тлостанова М.В.* Неевропейская гендерная философия в контексте межкультурного диалога // *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»*. 2011. № 15 (77). С. 102—113.
17. *Fuchs M.* Reading toward the Indigenous Pacific: Patricia Grace's Potiki, a Case Study // *Boundary 2*. 1994. Vol. 21. № 1. Pp. 165—184.
18. Te Aka Online Māori Dictionary: tūāhu. URL: <https://maoridictionary.co.nz/search?idiom=&phrase=&proverb=&loan=&histLoanWords=&keywords=tuahu> (дата обращения: 09.03.2021).
19. *Grace P.* Potiki. Penguin Books, 2020. 182 p.
20. *Binney J.* Maori Oral Narratives, Pakeha Written Texts: Two Forms of Telling History // *New Zealand Journal of History*. 2004. Vol. 38. № 2. Pp. 203—214.
21. *Metge J.* Rautahi: The Maoris of New Zealand. London: Routledge, 1976. 416 p.

References

1. Kuiper, K. 2020. Patricia Grace. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/biography/Patricia-Grace> (accessed: 28.06.2021).
2. Kellman, S.G. 2000. *The Translingual Imagination*. University of Nebraska Press. Print.
3. Canagarajah, S. 2002. Multilingual writers and the academic community: towards a critical relationship. *Journal of English for Academic Purposes*. 1: 29—44. Print.
4. Proshina, Z.G. 2016. Problemy i perspektivy translingval'nyh i transkul'turnyh kontaktov (vvedenie k tematicheskomu vypusku zhurnala). *The Humanities and Social Studies in the Far East 2* (50): 6—9. Print. (in Russ.)
5. Canagarajah, S. 2013. *Translingual practice: Global Englishes and cosmopolitan relations*. London and New York: Routledge, Taylor and Francis Group. Print.
6. Proshina, Z.G. 2017. Translingvizm i ego prikladnoe znachenie. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'*. 14 (2): 155—170. Print. (in Russ.)
7. Ortiz, F. 1995. *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*. Durham, and London: Duke university Press. Print.
8. Said, E.W. 1993. *Culture and Imperialism*. London: Vintage. Print.
9. Tlostanova, M.V. 2011. Transkul'turaciya kak model' sociokul'turnoj dinamiki i problema mnozhestvennoj identifikacii. *Voprosy social'noj teorii*. V: 126—149. Print. (in Russ.)
10. Tlostanova, M.V. 2004. *Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turacii. Zhit' nikogda, pisat' niotkuda*. Moscow: Editorial URSS. Print. (in Russ.)
11. Zhukova, I.N., Lebed'ko, M.G., Proshina, Z.G., Yuzefovich, N.G. 2013. *Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii*. M.G. Lebedko, Z.G. Proshina (eds.). Moscow: Flinta : Nauka. Print. (in Russ.)
12. Trask, H.K. 1991. Natives and Anthropologists: The Colonial Struggle. *The Contemporary Pacific* 3 (1): 159—167. Print.
13. Pearson, B. 1982. Witi Ihimaera and Patricia Grace. In Cherry Hankin (ed.) *Critical Essays on the New Zealand Short Story*. Auckland: Heinemann. Print.
14. McLeod, A. 1987. Private Lives and Public Fictions. In Shelagh Cox (ed.). *Public and Private Worlds: Women in Contemporary New Zealand*. Wellington: Allen and Unwin. 67—81. Print.
15. Anderson, L. 1986. Maoriness and the Clash of Cultures in Patricia Grace's Mutuwheua. *World Literature Written in English* 1: 188—190. Print.

16. Tlostanova, M.V. 2011. Neevropejskaya gendernaya filosofiya v kontekste mezhkul'turnogo dialoga. Vestnik RGGU. Seriya 'Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie' 15 (77): 102—113. Print. (in Russ.)
17. Fuchs, M. 1994. Reading toward the Indigenous Pacific: Patricia Grace's Potiki, a Case Study. *Boundary 2*. 21 (1): 165—184. Print.
18. Te Aka Online Māori Dictionary: tūāhu. URL: <https://maoridictionary.co.nz/search?idiom=&phrase=&proverb=&loan=&histLoanWords=&keywords=tuahua> (accessed: 09.03.2021).
19. Grace, P. 2020. Potiki. Penguin Books. Print.
20. Binney, J. 2004. Maori Oral Narratives, Pakeha Written Texts: Two Forms of Telling History. *New Zealand Journal of History* 38 (2): 203—214. Print.
21. Metge, J. 1976. Rautahi: The Maoris of New Zealand. London: Routledge. Print.

Сведения об авторах:

Галактионов Семён Сергеевич — аспирант 1-го курса по направлению «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: semengal98@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9025-5522

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: proshinazoya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0570-2349
Scopus Author ID: 10140093700
ResearcherID: I-2494-2016
Elibrary SPIN-код: 8689-2598, AuthorID: 416070

Bio Notes:

Semyon Sergeevich Galaktionov is a first-year postgraduate student at the Faculty of foreign languages and regional studies of the Lomonosov Moscow State University. Field of study: “Comparative, typological and contrastive linguistics”. E-mail: semengal98@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9025-5522

Zoya Grigoryevna Proshina is a doctor of Philology, professor at the Chair of theory of teaching foreign languages at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies of the Lomonosov Moscow State University. E-mail: proshinazoya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0570-2349
Scopus Author ID: 10140093700
ResearcherID: I-2494-2016
Elibrary SPIN-code: 8689-2598, AuthorID: 416070

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-650-661

Научная статья

Время в элегической поэзии И. Бродского и Р. Хариса: к проблеме различий

А.З. Хабибуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Российская Федерация, Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18
 Alsu_Zarifovna@mail.ru

Аннотация. Проведен сопоставительный анализ элегий и элегических произведений И. Бродского и Р. Хариса в аспекте категории времени как важнейшей в архитектонике и содержании элегического жанра. Фактическую основу работы образуют такие известные произведения Бродского, как «Почти элегия», «Римские элегии», «Осенний крик ястреба» и др., а также элегии Р. Хариса: «Элегия» (В комнате моей от дыма синь), «Семь элегий о смысле жизни», «Август», «Кладбищенская пыль». Сделан вывод о сходстве типа художественного мышления двух авторов, в основе которого доминирование рационального начала в творчестве. Установлено, что лирический герой элегий Хариса не противопоставлен времени, своему веку, в отличие от героя элегий Бродского, который выбирает точку «внезаходимости» по отношению к времени; время в его поэзии выводится за пределы бытия. Если ценностью для героя элегий Хариса становится естественная взаимосвязь явлений и вещей, а также взаимодействие жизни и смерти, то Бродский подчеркивает раздробленность и хрупкость мира как свойство его метафизического восприятия («Почти элегия», «Римские элегии»). Также выявлены разные формы трансформации элегии и элегического модуса художественности в разноязычных произведениях.

Ключевые слова: элегия, время, пространство, И. Бродский, Р. Харис, авангард, сопоставление литератур, различие

История статьи: поступила в редакцию 04.02.2022; принята к печати 04.04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Хабибуллина А.З. Время в элегической поэзии И. Бродского и Р. Хариса: к проблеме различий // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 650–661. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-650-661

© Хабибуллина А.З., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Time in the Elegiac Poetry of I. Brodsky and R. Kharis: to the Problem of Differences

Alsu Z. Khabibullina

Kazan (Volga Region) Federal University,
18, Kremlevskaya St., Kazan city, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation
 Alsu_Zarifovna@mail.ru

Abstract. This article is devoted to a comparative study of elegy and elegiac works of I. Brodsky and R. Kharis in the aspect of the category of time as the most important in the architectonics and content of the elegiac genre. The actual basis of the article is formed by such well-known works of Brodsky as “Almost elegy”, “Roman elegies”, “Autumn cry of a hawk” etc. and the elegies of R. Kharis the Tatar poet of the 2nd half of the XX — beginning of the XXI century: “Elegy (There is blue smoke in my room)”, “Seven elegies about the sense of life”, “August”, “Cemetery dust”. The conclusion is made about similarity of the type of artistic thinking of the two authors, which is based on the dominance of the rational beginning in creativity. It is stated that lyrical hero of Kharis’s elegies is not opposed to time, his century unlike the hero of the elegies of Brodsky, who chooses the point of “non-occurrence” in relation to time; time in his poetry is taken beyond the limits of being. If the value for the elegiac hero of the Tatar author becomes the natural connection of phenomena and things with each other, as well as the interaction of life and death, then Brodsky emphasizes the fragmentation and fragility of the world as a property of its metaphysical perception (“Almost elegy”, “Roman elegies”). The comparative analysis also revealed different forms of transformation of the elegy and the elegiac mode of artistry in multilingual works. Thus, in the “Seven elegies...” by Kharis the final part of the cycle differs from the state of “mixed feelings” necessary for the poetics of the genre. On the contrary, in the elegy, the idea of human loneliness is strengthened: expansion into the world of heaven turns it into a stable state of cosmic being.

Key words: elegy, time, space, I. Brodsky, R. Kharis, avant-garde, comparison of literature, difference

Article history: received 04.02.2022; accepted 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Khabibullina, A.Z. 2022. “Time in the Elegiac Poetry of I. Brodsky and R. Kharis: to the Problem of Differences”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 650—661. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-650-661

Введение

В свете концепции сопоставительного литературоведения — одной из методологий современной компаративистики — различия, поиски истоков уникального, неповторимого в генезисе и содержании жанров, выступают тем объективным основанием, которое создает особое «поле напряжения» — то необходимое пространство диалога литератур, из которого складывается «согласие» жанров и их корреляция между собой.

Зададимся вопросами: как изменяется жанр элегии в контексте разных национальных литератур, находящихся в пространстве диалогических отношений; какие

«новые» смыслы он приобретает в творчестве поэтов XX в., уникальных с точки зрения языка, мировоззрения, типов культур?

Обратимся в этой связи к элегиям Иосифа Бродского и Рената Хариса.

Одним из оснований для их сопоставления является, на наш взгляд, тип художественного мышления, в котором проявилось единство чувственных и аналитических элементов творчества. Так, многие исследователи (С. Аверинцев, И. Шайтанов, М. Крепс, Е. Эткин, А. Азаренков и др.) подчеркивают преобладание в стихе Бродского — поэта не только российского, но и мирового масштаба — выраженного рационального начала, а также близость его к риторической поэзии. По мнению И. Служежской, «не отказываясь от эмоций, страстей, от иных составляющих мироздания вообще и психологии в частности, лирика Бродского, бесспорно, выдвигает интеллект в качестве своего главного опознавательного знака, пружины, формирующей поэтику» [1].

Поэзия Р. Хариса также достаточно рациональна, в ней проявляется стремление к философским обобщениям и интеллектуальному познанию мира, которые складывались в контексте авангардных процессов в татарской литературе 60—80 гг. XX в. Авангард, по мнению Д.Ф. Загидуллиной, способствовал «коренному обновлению художественных форм, выводя на литературную арену реализм и романтизм европейского типа, активизируя модернистские поиски» [2. С. 48]. В этом аспекте Харис — яркий представитель «интеллектуальной поэзии, поэзии мысли» [2. С. 98]. Как и Бродский, он стремится созданию «необыкновенных ирреальных картин» природы и человеческой жизни, направленных на понимание экзистенциальной сути явлений. Вместе с тем татарскому автору ближе «искусство удивления» сюрреалистов, их метафорическая образность и эстетика, нежели метафизический стиль творчества, как у Бродского [2. С. 98].

И. Бродский и Р. Харис — поэты уникальные не только в их принадлежности к несходным типам культур и языков, но и в аспекте философских основ мировоззрения, истоки которого находятся в их биографиях, путях духовных исканий, картин мира, этнической идентичности, наконец художественной поэтики в целом. Для исследователя такие различия объективно вызывают трудность, однако лишь тогда, когда речь идет о поисках общего. Мы же полагаем, что через призму сопоставления литератур исходным началом в установлении диалогических отношений может стать категория времени и разные формы ее репрезентации в элегическом жанре. Такая стратегия размышления ведет нас к постановке главной цели работы — выяснению трансформаций элегии и элегических стихотворений в аспекте категории времени как концептуальной в содержании и архитектонике лирического жанра. Отметим, что синхроническое рассмотрение творчества двух поэтов в аспекте проблемы элегического жанра и его трансформаций до сих пор не было предметом компаративных исследований.

Обсуждение

Элегия — один из основных жанров творчества Бродского и Хариса. Е. Курганов убедительно доказывает, что Бродскому была близка элегия: «Бродский был внутренне элегичен. Все дело в том, что, он, чувствуя себя во времени обо-

стренно, даже сверхобостренно, любил оплакивать себя и время» [3. С. 169]. Исследователь подчеркивает сложное отношение поэта к жизни, проявившееся «в коллизии РАЗМИНОВЕНИЯ», в том, что поэт «разошелся со временем, а время с ним» [3. С. 169]. Такое жесткое обстоятельство порождало, по словам исследователя, «глобальный, мировой, вселенский элегизм», но одновременно «рыдающую интонацию» — особое свойство его элегического сознания [3. С. 169].

Тему сопротивления времени находит в произведениях И. Бродского (после 1972 г.) М. Павлов. Он выделяет совершенно уникальное отношение Бродского к будущему и прошлому. Не только потери, по его мнению, составляют основу содержания поэзии Бродского («Колыбельная трескового мыса», «1972», «Бабочка»), но и тот факт, что «жизнь в его представлении является процессом реактивным: человек движется именно потому, что теряет. Растрачиваемое время и прочие жизненные ресурсы перерабатываются в речь, в шрифт, в кириллицу (один из излюбленных образов Бродского)» [4. С. 25].

Элегии и элегические произведения Р. Хариса также связаны с категорией времени, в частности, в них проявляется повышенное внимание к теме прошлого через призму настоящего, к мотиву воспоминания, которые также проникают и в другие художественные формы: в послания, рубаи, поэмы.

Подобно герою Бродского, герою Хариса свойственно обостренное чувство времени: он тонко и глубоко, почти до душевной боли, ощущает его стремительный ход. Такое эмоциональное состояние лирического героя задает близкий к Бродскому элегический тон, лишенный вместе с тем «рыдающей интонации», но проявляющейся как чувство невыразимой тоски по ушедшему, близкой к моң¹. Наиболее полно эта черта художественного сознания проявилась в стихотворениях «Renatus», «Зират тузаны» (Кладбищенская пыль), «Элегия» (Бүлмәмда күк төтен), «Элегия» (В комнате моей от дыма синь), «Гомер турында жиде элегия» (Семь элегий о смысле жизни), «Моң», «Август».

Повторимся: время — важнейшая категория в философии и элегиях И. Бродского. «Стих Бродского, — пишет Е. Курганов, — уже самой плотью своей, самой своей структурой направлен против века. И тут даже не в длинноте стиха, а в ее направленности. Стих Бродского — это граница, разделяющая поэта и мир» [3. С. 168]. Такое восприятие действительности порождало в его элегиях обостренное чувство утраты, тотального одиночества, боли, наконец, самой смерти. Последняя осмысливалась им как то, что близко человеку, находится рядом с ним, она идентична его интеллектуальному сознанию, его *жизни* в целом. В этой связи Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий считают, что «повторяющийся ход поэтической логики Бродского — максимальное погружение в мрак и безнадежность, в абсурд и хаос, последовательное обживание и интеллектуальное освоение этих экзистенциальных антимиров, которое поразительным и иррациональным образом выводит к свету и чувству гармонии с мирозданием» [5. С. 138]. Действительно, выход героя «к чувству гармонии с мирозданием», обретение свободы и понима-

¹ Моң определяется как один из национальных концептов татарской культуры, который передает состояние беспричинной тоски и грусти. Считается, что моң близок к элегизму в татарской литературе.

ние природной сути явлений мира достигается только ценой смерти, утрат, разочарования в надеждах и близких ему людей. Во многих элегиях и элегических произведениях поэта («Римские элегии», «Почти элегия», «Элегия» (Прошло что-то около года), «Эклога 4-я (зимняя)»), тема уходящего времени и смерти — основная, задающая философский импульс его стихам.

Так, в «Урании» (1987), в одном из самых элегических циклов поэта, время ассоциируется с холодом, зимнем морозом, рисующим на стеклах свои странные узоры; бытие субъекта здесь пропитано одиночеством, которое, с точки зрения поэта, — объективная составляющая человеческой жизни:

Время есть холод. Всякое тело, рано
или поздно, становится пищею телескопа:
остывает с годами, удаляется от светила.
Стекло зацветает сложным узором: рама
суть хрустальные джунгли хвоща, укропа
и всего, что взрастило
одиночество [6].

В цикле «Римские элегии» (1981), который вошел в «Уранию», развивается мысль о том, что время разрушительно для человека. Здесь оно уподобляется звукам странной серенады: «Карузо для собаки, сбежавшей от граммофона». Такое метафизическое определение подчеркивает трагикомичность и нелепость всего, что происходит с человеком в самом старинном городе мира. В «Урании», в «Эклоге 4-й», время описывается как то, что находится *по ту сторону бытия, у границ «немой» Вселенной*. При этом наполняющее Вселенную время выражает абсолютное равнодушие как к человеку, так и ко всему человеческому, даже в самом малом, ничтожном его состоянии. «Избыток времени» в космическом пространстве, на внеземной орбите по сути есть аналог смерти:

В космосе самый глубокий выдох
не гарантирует вдоха, уход — возврата.
Время есть мясо немой Вселенной.
Там ничего не тикает [6].

В поэзии Р. Хариса нет того трагического мотива, который закономерно включает обретение человеком счастья, гармонии. Стихотворения татарского поэта, в том числе те, которые определены им как элегии, лишены метафизического восприятия мира, в основе которого, по мнению И. Шайтанова, «трагическое ощущение утраты цельности, как самого мироздания, так и мысли о нем» [7. С. 451].

Сопоставление элегической поэзии двух авторов подтверждает, что ценностью для героя Хариса является не раздробленность и хрупкость мира, а напротив, подчеркнутая связь явлений и вещей между собой, в том числе невидимое взаимодействие двух противоположных начал — жизни и смерти. Время неизбежно уносит годы, века, судьбы, народы, но оно, тем не менее, значимо и ценно для его духовного опыта («Кладбищенская пыль», «Осенние цветы», «Август»).

Так, в элегическом стихотворении «Кладбищенская пыль» тема смерти раскрывается через символический образ пыли (тузан), которая, вобрав в себя всю сочность трав, растущих на кладбище, представляется лирическому субъекту источником силы. Для него кладбищенская пыль — это связующее звено, незримая точка взаимодействия между землей, в которой упокоен прах его предков, и небом, куда обращена их смерть. Символизация данного образа наполняет стихотворение Хариса философской интенцией, подчеркивая, с одной стороны, значимую для поэта идею принятия смерти как судьбы, с другой — смерть выступает в своем необычном качестве — она становится той опорой для лирического героя, без которой трудным представляется его собственный жизненный путь:

<p>...мин шул тузаннан арынам лэүкэдэ кыза-кыза. Ләкин юган саен, никтер, ул тузан сенә генә. Зират тузаны әйләнә умыртка сөягенә.</p>	<p>(В жаркой бане парясь, обжигаясь, эту пыль смываю я, стараясь. Но чем больше я стараюсь, лишь в себя ее вбираю, превращается та пыль в стержень мой, мою опору) [8]¹.</p>
--	---

Если лирический герой Бродского выбирает точку «внезаходимости» по отношению к времени, то Харис наделяет своего героя другими характеристиками: он находится в потоке времени, внутри него, попадая в его сложные изгибы, мучаясь противоречиями между своим Я и временем. По-своему это также раскрывается в элегическом стихотворении «Август».

Образ уходящего лета, августа, знаменующей собой границу с осенью, сопоставляется с помощью психологического параллелизма с незаметным, но стремительным ходом жизни:

<p>Инде август. Тагын август Жәй житкән ахыр чиккә. Инде тагын кояш нуры яфракка тамып кипкән. Инде тагын күзге тула купшы, көр, шат чуарлык, ә күңелдә төссез уйлар — тик теш кысып чыдарлык [6. С. 64].</p>	<p>(Снова август. Лето близится к концу. Лишь пролившись на листву, снова солнца луч сухой. Снова наполняются глаза бодрой, яркой пестротой, а в душе лишь бледность мыслей — только, зубы сжав, терпи.)</p>
---	--

В философии татарского поэта человек — часть природы, всего мироздания, поэтому, хотя он и переживает свои утраты, но не сопротивляется естественному ходу бытия. Символом же уходящего времени является образ белых волос (ак чәч), задающий элегический тон всему произведению.

Лирическому герою Хариса, тонко переживающему движение жизни, подвластны условные границы времени. В его поэзии легко обнаруживается разделение времени на месяцы и любимые времена года (осень — зима, август, сентябрь,

¹ Подстрочный перевод лирических произведений Р. Хариса в данной статье выполнила Л.Ф. Переведенцева.

октябрь), которые настойчиво сменяют друг друга из года в год («Все ощутимей жизни время», «Осенние цветы», «Меланхолия»).

Однако подчеркнем главное: «со-положенность» элегий и элегических произведений Бродского и Хариса существует прежде всего в аспекте различий — разминовения и принятия. В них не только выражение самобытности мышления двух поэтов, принадлежащих к разным культурам, но и основание для их диалога, в центре которого находятся такие сложные философские категории, как время, век, вечность, смерть, прошлое. Они-то и образуют философское ядро элегий двух авторов, по-разному репрезентирующих отношение к миру и человеку в нем.

Показательно в этом аспекте стихотворение Бродского «Почти элегия» (1968), в котором с самой первой строчки задается традиционный для жанра мотив прошлого: «В былые дни я переждал / холодный дождь под колоннадой Биржи». Несмотря на трудности жизни, лирический герой воссоздает в своих воспоминаниях ситуацию счастья:

Был же и я когда-то счастлив. Жил в плену
у ангелов. Ходил на вурдалаков.
Сбегавшую по лестнице одну
красавицу в парадном, как Иаков
подстерегал.
Куда-то навсегда
ушло все это...

Описание счастья, данное через призму настоящего времени, в котором уже наступила осень, позволяет Т.А. Глебович считать, что в «Почти элегии» Бродского «мир прошлого предстает идиллическим пространством — Божьим даром». Соответственно, «именно идиллический жанр пусть и опосредованно, но взаимодействует с элегией» [10. С. 90].

Представление о времени и воссоздание образа осени раскрывается в элегии Хариса «Бүлмәмда күк төтен...» (В комнате моей от дыма синь...). В ней представлена в целом иная, чем у Бродского, элегическая ситуация: лирический герой переживает расставание с любимой, он просит ее остаться с ним до зимы. Такой переход от осени к зиме тонкий, едва заметный, но он по-своему раскрывает движение времени, тесную связь времен года между собой.

В «Почти элегии» Бродского также упоминается осень: идиллическую картину счастья сменяет осень, а именно сентябрь, вслед за которым возникает состояние грусти: теперь оно, а не состояние счастья в прошлом, доминирует в восприятии лирического субъекта, рождая причудливые картины в своем воображении:

Теперь сентябрь. Предо мною — сад.
Далекий гром закладывает уши.
В густой листве налившиеся груши,
как мужеские признаки, висят.

Сентябрь и звучащая в нем тишина усиливают «погруженное в себя» состояние лирического субъекта, открывающее, по мнению Т.А. Глебович, «прозаический поток сознания» как некое начало эссе в элегии [10. С. 90].

Теперь с помощью воображения лирический субъект находится на границе, *в пустоте*, в которой «повисает» едва слышная (а может, неслышная вовсе), тихая мелодия дождя, овладевшая им полностью и охватившая весь мир вокруг него. Финальные строчки «Почти элегии» удивительным образом, с помощью развернутой метафизической метафоры, раскрывают эти неясные и одновременно умиротворенные чувства, стихийно-чувственный поток мыслей и ассоциаций, интуитивных откровений, с помощью которых элегия обретает свою жанровую идентичность:

И только ливень в дремлющий мой ум,
как в кухню дальних родственников — скрадел,
мой слух об эту пору пропускает:
не музыку еще, уже не шум.

Можно утверждать, что финал «Почти элегии» в наибольшей степени соответствует архитектонике лирического жанра: в нем элегическое переживание предстает как результат углубленности в собственный мир, в тайну *своего* бытия, создавая свойственный элегии эффект «смешанных ощущений» как особого просветленного состояния.

Метафизический мир отсутствует в названной элегии Хариса, здесь нет также эссеистического изображения картины природы, созданного оригинальным воображением лирического субъекта. Напротив, звучание элегического тона усиливается с помощью символического образа осени, ее «золотой листвы», доминирующей в пространстве всего стихотворения. Взгляд лирического субъекта обращен не из прошлого в настоящее, как и в элегии Бродского, а из настоящего в вероятное будущее — от осени к зиме. Однако и здесь граница между разными временами года условна, размыта. В сознании татарского поэта время в своем потоке неопределенно: и зимой душу его героя может наполнить осенняя грусть; будущее видится ему безотрадным, если в нем не будет *ее*. Без нее, оказывается, невозможно его личное счастье, гармония с самим собой:

<p>Мин имән түгел ич түгел ич мин каен — кышыма керергә яфрагым саргаеп. Бу көзгә көз өстап өзелсәң күңелдән, мин, шәрә агачтай, ак карга күмеләм.</p>	<p>(Я не крепкий дуб ведь, и не гибкая береза — в зиму чтоб шагнуть, с печальной золотой листвой. В эту осень, если потеряю я тебя, в душу мне проникнет осень тоже, заметут меня снега тогда, словно дерево, раздетое, нагое...)</p>
--	---

Метафорический, а не метафизический образ раздетого дерева, брошенного в зимний холод, подобно настойчивой музыке дождя в элегии Бродского, подчеркивает особенное экзистенциальное состояние лирического героя, его всеобъемлющее страдание и одиночество. Они по-своему отзываются в читательском

сознании, рождая, как и при восприятии «Почти элегии» Бродского, устойчивые ассоциации и ответное переживание не проходящей душевной тоски.

Среди произведений Хариса особое место занимает элегический цикл с достаточно неожиданным заглавием: «Гомер турында жиде элегия» (Семь элегий о смысле жизни), в котором наиболее полно проявились черты авангардного мышления поэта. Оно сопоставимо, на наш взгляд, с элегическим стихотворением Бродского «Осенний крик ястреба» (1975), вошедшего в цикл «Урания».

Что же является общим в элегиях, созданных поэтами разных культур?

Прежде всего, они посвящены теме Вечности, мироздания; концептуальное значение в них имеют категории пространства и времени, наконец, смерти, придавая ясную, выраженную философскую определенность их содержанию.

В «Осеннем крике ястреба» воссоздается образ смелой и одинокой птицы, взмывающей вверх «в осеннюю синеву», чтобы достичь самых небес («Все выше, / В ионосферу»). Однако ястреб уходит так высоко, что «упругий слой воздуха его возвращает в небо». Самая трагическая часть элегии связана с описанием того, как ястреб, находящийся в пространстве *пустоты*, между землей и небом, «где отсутствует кислород, где вместо проса — крупа далеких звезд», во время падения вниз воспроизводит невыносимый, «механический, нестерпимый звук» — «звук стали, впившейся в алюминий». Результатом этого падения на землю становится смерть птицы и превращение ее в снег:

Мы слышим: что-то вверху звенит,
как разбивающаяся посуда,
как фамильный хрусталь,
чьи осколки, однако, не ранят, но
тают в ладони.

Отметим, что данное стихотворение Бродского не раз становилось предметом специальных размышлений исследователей. В частности, Е. Курганов выделяет в нем мотив выталкивания в пустоту («невозможность быть и на земле, и на небе»), доминирующий в мотивной структуре «Урании» в целом [3. С. 171]. Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий интерпретируют финальную часть элегии Бродского, в которой появляется образ снега и зимы, как стратегию объяснения автором сущности поэзии: «наполнение пустоты собой, своим голосом, словом, криком» [5. С. 148]. Ю.М. Лотман и М.Ю. Лотман утверждают, что пустота, о которой пишет поэт в элегии, подобна «божественному творческому слову, уже включающему в себя все будущие творения и судьбы» [11. С. 304].

Таким образом, образ птицы, устремленной в пространство неба, Вселенной, а затем падающей на землю и превращающейся в снег, рождает ассоциации с поэзией («многоточия, скобки, звенья»), со свободным творчеством, способным заполнить пустоту живым голосом и словом.

Полагаем, что образ снега в стихотворении Бродского определенным образом взаимосвязан с образом пыли в элегическом произведении «Кладбищенская пыль» Хариса. Они гомологичны по своей природе, так как передают один и тот же взгляд — иллюзорность мира, бренность всего сущего, размытость и семулятивность форм человеческого бытия. Кроме того, образы снега и пыли, тесно свя-

занные с темой смерти, значимой для элегии, указывают на то, что только через утраты, переживание смерти близких людей можно приблизиться к истинным ценностям жизни и выразить их в своем творчестве.

Но есть и другой аспект сопоставления.

В лирическом цикле Хариса «Семь элегий о смысле жизни», как уже отмечалось, воссозданный мир неба, звезд, Вселенной, как у Бродского, затрагивает семантически иные аспекты категории времени и пространства, понять которые помогает поэтика произведения татарского автора.

Элегии, входящие в цикл, построены с помощью параллелизма. В данном цикле — это основной художественный прием, подчеркивающей идею сопоставления мироздания (в элегии его символизирует Млечный путь) с человеческой жизнью, ее пути:

Галәмда кемнәрдер сөйләшә узара: «Киек Каз Юлында каурыйлар <i>кызара</i> : Гомерләр узалар... <i>Чигәләр бузара</i> ...	(Меж собою во Вселенной кто-то ведет разговор: «На Млечном пути перья <i>краснеют</i> ... Жизнь проходит, <i>Белеют виски</i> ...).
---	--

Красный цвет перьев Млечного пути, алый месяц («Заходит месяц / и заалел рассвет, рассвет...»), золото горящего солнца и серебряный луч, идущий от луны, сопоставляются с белизной волос героя элегии. Оно семантически значимо: через сопоставление подчеркивается, с одной стороны, ситуация нахождения субъекта внутри пространства мироздания (герой слышит разговор, который ведется во Вселенной), с другой, оно передает принятие того обстоятельства, что человеческая жизнь подчинена законам вселенского времени, мироздания. Как видим, время здесь не выведено, как у Бродского, по ту сторону бытия — оно существует как часть бытия самого элегического субъекта, образуя его главный духовный центр. Принятие времени углубляет черты элегии, по-своему подчеркивая связь с устойчивыми чертами поэтики этого жанра.

Кроме того, в элегии Хариса раскрывается иная, чем в «Осеннем крике ястреба» семантика образа белого снега: теперь с ним связан мотив ухода и холода, обращающей элегию к традиционной для нее теме прошлого, в котором для лирического субъекта — истоки уже пройденного им пути.

Элегический герой Хариса словно находится в двух «измерениях» времени — человеческом, где исходная точка — смерть, и вселенском, в котором мир вечен, прекрасен, бесконечен в пространстве, а потому так привлекателен для него. Мир вселенной, в отличие от человеческого мира, идилличен по природе. Открывая элегическому герою состояние гармонии, он рождает представление о красоте неба, звезд, которые трудно найти в пространстве земной человеческой жизни.

Если в «Осеннем крике ястреба» звучит мотив выталкивания в пустоту, в которой «размывается» время и его границы, то в философской элегии Хариса граница между небом и землей не образует ее: лирический герой, глядя на небо, пытается найти ответы на сложные вопросы своей жизни. Звездное небо в элегии Хариса предстает как сюрреалистическая картина, мир до конца неподвластный

сознанию брэнного человека и удивляющий его, но одновременно именно он открывает возможность познания себя. Вселенная точно «подсказывает» ответы на вопросы о смысле жизни, о сущности человека на земле.

Заключение

Таким образом, цикл Р. Хариса «Семь элегий о смысле жизни» вбирает в себя концептуальные черты жанра: лирический субъект предстает одиноким, ищущим себя в необратимом потоке времени. Вместе с тем финальная часть цикла, в котором небесный мир, обращенный к человеку, также попадает в пространство грусти, тоски, «своих» небесных утрат, трансформирует необходимый для элегической поэтики просветленный финал.

В стихотворении И. Бродского «Осенний крик ястреба» также воссоздано космическое пространство и время, однако, по Бродскому, это — «астрономический объективный ад». Мотив смерти, который приобрел трагическую завершенность в самом финале стихотворения, значительно трансформировал элегическую модальность произведения, вводя его в совершенно иную тему — свободы творчества как преодоление разрушительной силы пространства и времени. В отличие от элегии Хариса, такое «просветление» в финальной части стихотворения (превращение смерти в творчество) передает гармонизацию содержательных противоречий как концептуального элемента элегического стиха.

Итак, различия духовных состояний и внутренних поисков героев элегий Бродского и Хариса по-своему раскрывают уникальность элегического жанра и его модальности в контексте разноязычного художественного творчества. Выявляющиеся же в ходе исследования различия в аспекте поэтики, а также заключенного в элегиях содержания, во многом объясняются самобытностью мировоззрения и философии поэтов, способов их жанрового мышления и идентификации в литературе.

Список литературы

1. *Служевская И.* О стихотворении Бродского «Разговор с небожителем». URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue10/sluzhevskaya.html> (дата обращения 13.08.2021).
2. *Загидуллина Д.Ф.* Татарская литература XX—XXI вв.: «мягкость» модернизма-авангарда-постмодернизма (к постановке проблемы). Казань: ИЯЛИ, 2020.
3. *Курганов Е.* Бродский и искусство элегии // Иосиф Бродский: творчество, личность и судьба. Итоги трех конференций. СПб.: Журнал «Звезда», 1998. С. 166—185.
4. *Павлов М.* Поэтика потерь и исчезновений. Заметки о поздних стихах Бродского // Иосиф Бродский: творчество, личность и судьба. Итоги трех конференций. СПб.: Журнал «Звезда», 1998. С. 22—29.
5. *Липовецкий Н.Л., Лейдерман М.Н.* Поэзия Иосифа Бродского (1940—1996) // Современная русская литература: в 3 кн. Кн. 3: В конце века (1986—1990-е годы): учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 200. С. 132—150.
6. *Бродский И.* Стихотворения. Эссе. (Серия «Зеркало — XX век»). Екатеринбург: У-Фактория, 2002.
7. *Шайтанов И.О.* Явление Бродского // Дело вкуса: Книга о современной поэзии. М.: Время, 2007.
8. *Харис Р.* Шигырләр [Стихотворения]: 7 томда. Т. 3. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. (На татар. яз.).

9. Харис Р. Шигырлар [Стихотворения]: 7 томда. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. (на татар. яз.).
10. Глебович Т.А. Трансформация классических жанров в поэзии И. Бродского: эклога, элегия, сонет: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
11. Лотман Ю.М., Лотман М.Ю. Между вещью и пустотой (Из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Урания») // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. Таллин: Александра, 1993.

References

1. Sluzhevskaya I. O stihotvorenii Brodskogo «Razgovor s nebozhitelem». [About Brodsky's poem «A talk with a celestial»]. URL: <http://www.vavilon.ru/textonly/issue10/sluzhevskaya.html> (data obrashcheniya 13.08.2021). Print. (In Russ.).
2. Zagidullina D.F. 2020. Tatarskaya literatura XX—XXI vv.: «myagkost'» modernizma-avangarda-postmodernizma (k postanovke problemy) [The Tatar literature of XX—XXI centuries: «softness» of modernism-avant-garde-postmodernism (to the problem statement)]. Kazan': IYALI. Print. (In Russ.).
3. Kurganov E. 1998. Brodskij i iskusstvo elegii [Iosif Brodsky: creativity, paersonality and fate. Conclusions of 3 conferences]. Sankt-Peterburg. Zhurnal «Zvezda». S. 166—185. Print. (In Russ.).
4. Pavlov M. 1998. Poetika poter' i ischeznovenij. Zаметki o pozdних stihah Brodskogo [Iosif Brodsky: creativity, paersonality and fate. Conclusions of 3 conferences]. Sankt-Peterburg. Zhurnal «Zvezda». S. 22—29. Print. (In Russ.).
5. Lipoveckij N.L., Lejderman M.N. 2000. Poeziya Iosifa Brodskogo (1940—1996): study guide [Modern Russian literature: in 3 books. Book 3: In the end of the century (1986—1990's): tutorial]. Moscow. Editorial URSS. Kn. 3. S. 132—150. Print. (In Russ.).
6. Brodskij I. 2002. Stihotvoreniya. Esse. (Seriya «Zerkalo — XX vek») [Poems. Essay. («Mirror — XX century» Series)]. Ekaterinburg. U-Faktoriya. Print. (In Russ.).
7. Shajtanov I.O. 2007. YAvlenie Brodskogo [The matter of taste: A book about modern poetry]. Moscow. Vremya. S. 375—480. Print. (In Russ.).
8. Haris R. 2006. SHigyrлар [Poems]: 7 tomда. Kazan. Tatar. kit. nәshr. Tom 3. Print. (In Tatar.).
9. Haris R. 2006. SHigyrлар [Poems]: 7 tomда. Kazan. Tatar. kit. nәshr. Tom 2. Print. (In Tatar.).
10. Glebovich T.A. 2005. Transformaciya klassicheskikh zhanrov v poezii I. Brodskogo: ekloga, elegiya, sonet [Transromation of classis genres and the poetry of I. Brodsky: eclogue, elegy, sonnet]: diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg. Print. (In Russ.).
11. Lotman Yu.M., Lotman M.Yu. 1993. Mezhdhu veshch'yu i pustotoj (Iz nablyudenij nad poetikoj sbornika Iosifa Brodskogo «Uraniya»). Lotman Yu.M. [Selected articles]: v 3-h tomah. Tallin. Aleksandra. T. 3. S. 294—307. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе

Хабидуллина Алсу Зарифовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3332-4066
SPIN-код: 463512

Bio Note

Alsu Zarifovna Khabibullina is a Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “The Russian literature and methodology of teaching”, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University. E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3332-4066
SPIN-code: 463512

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-662-674

Научная статья

Образ Советской России в стихотворениях и поэмах турецкого поэта Назыма Хикмета Рана

М.Г. Доган

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
 dogan_mg@pfur.ru

Аннотация. Анализируются стихотворения и поэмы турецкого поэта Назыма Хикмета Рана, отражающие образ Советской России, специфика реалий русской культуры, представления и впечатления турецкого поэта о жизненном укладе России первой половины XX в., соотношение образа Советской России, созданного турецким поэтом, с архетипами советской культуры. Цель исследования — выявить лингвокультурную специфику образа Советской России в творчестве Назыма Хикмета Рана. Материалом исследования послужили стихотворения и поэмы, написанные поэтом во время пребывания в СССР в 1921—1930-х гг. Методами исследования выступают семантический анализ, лингвокультурологический анализ, комплексный анализ, метод наблюдения. Анализ стихотворений поэта позволяет выявить фреймы и субфреймы, конструирующие образ Советской России в поэтической картине мира турецкого поэта. К таким фреймам относятся фрейм «политика», фрейм «географический регион», фрейм «русская женщина», фрейм «советские реалии 1920—1930-х гг.», фрейм «погода», фрейм «столица», фрейм «деревья». Выявленные фреймы, включая антропонимы, безэквивалентную лексику и лексику с национально-культурным компонентом отражают специфику образа Советской России. Это, в свою очередь, позволяет проследить самобытный образ Советской России в творчестве Назыма Хикмета Рана.

Ключевые слова: образ, Советская Россия, стихотворения, поэмы, турецкая поэзия, Назым Хикмет Ран, лингвокультура

История статьи: поступила в редакцию 04.02.2022; принята к печати 04.04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Доган М.Г. Образ Советской России в стихотворениях и поэмах турецкого поэта Назыма Хикмета Рана // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 662—674. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-662-674

© Доган М.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Image of Soviet Russia in the Short Poems and Poems of the Turkish Poet Nazim Hikmet Ran

Merve G. Dogan

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation
 dogan_mg@pfur.ru

Abstract. The article is devoted to the study of short poems and poems by the Turkish poet Nazim Hikmet Ran (1902—1963), reflecting the images of Soviet Russia. The article analyzes the frames and subframes that construct the image of Soviet Russia; studies the specificity of the realities of Russian culture; analyzes the observations, ideas and impressions of the Turkish poet about the way of life in Russia in the first half of the 20th century; reveals the correlation of the image of Soviet Russia created by the Turkish poet with the archetypes of Soviet Russia in the works of Nazim Hikmet Ran. The purpose of this article is to identify the linguacultural specificity of the image of Soviet Russia in the work of Nazim Hikmet Ran. The material for the study was short poems and poems written by the poet during his stay in the USSR in 1921—1930. The research methods of this article are semantic analysis, linguacultural analysis, complex analysis, observation method. As a result of the analysis of the texts of short poems and poems, frames and subframes that construct the image of Soviet Russia in the poetic picture of the world of the Turkish poet are revealed.

Key words: image, Soviet Russia, short poems, poems, Turkish poet, Nazim Hikmet Ran, linguaculture

Article history: received 04.02.2022; accepted 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Dogan, M.G. 2022. “The Image of Soviet Russia in the Short Poems and Poems of the Turkish Poet Nazim Hikmet Ran”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 662—674. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-662-674

Введение

Назым Хикмет Ран — турецкий поэт, прозаик, сценарист, драматург, общественный деятель. Он родился в 1902 г. в городе Салоники, который входил на тот момент в состав Османской Турции, умер в 1963 г. в Москве. Назым Хикмет Ран трепетно относился ко всем мировым событиям, влияющим на человеческую жизнь. На поэта сильно повлияли идеи социализма, поэтому он решил провести свои студенческие годы в Москве. Он учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока, где изучил идеи марксизма-ленинизма. Советский Союз стал для поэта второй родиной, а русский язык — вторым родным языком.

Он являлся членом Центрального Комитета Коммунистической партии Турции, одним из руководителей Всемирного движения в защиту мира, выдающимся поэтом XX в.

В Турции произведения поэта долгое время были под запретом: Назыма Хикмета арестовывали почти после каждого выхода его новой книги. В 1951 году по-

сле эмиграции поэта в Советский Союз он был лишен турецкого гражданства. В 1965 году был снят запрет на его стихи, а в 2009 году Хикмету вернули гражданство¹.

В турецкой литературе Назым Хикмет считается основоположником турецкой революционной поэзии. Так, например, поэт первым стал использовать верлибр — свободный стих. Кроме того, Назым Хикмет вдохновлялся творческими экспериментами Владимира Маяковского и Всеволода Мейерхольда.

Жизни и творчеству турецкого поэта посвящены исследования А. Акшина [1; 2], статьи S. Altun [3], G. Bulduker [4], Л. Старостова [5] и газетные публикации.

К.М. Симонов в своих мемуарах посвятил турецкому поэту целый раздел — «О Назыме Хикмете», в котором рассказал о встрече с поэтом и о том, что в Советском Союзе готовилось к изданию шеститомное собрание сочинений Назыма Хикмета на русском языке. Симонов вспоминал: «...он был убежденным коммунистом, но никогда не чванился этим в спорах с инакомыслящими — пожалуй, именно в силу своего глубокого убеждения, что коммунизм, в конце концов, — это будущее всего человечества» [6. С. 199].

Поэзию Назыма Хикмета высоко ценили в литературном обществе. Так, Симонов писал: «В ней есть все, чем живет и дышит человек. Она состоит из капель, но она — поток. И этот поток, при всех его водоворотах и подводных камнях, знает, куда он несется. Стихотворная исповедь и проповедь Хикмета — это исповедь и проповедь человека сложного, мятущегося, ошибающегося, любящего, ненавидящего, но при этом знающего, куда и зачем он идет» [6. С. 203].

Творчество Назыма Хикмета имеет большое значение для культуры Турции: известным турецким пианистом-композитором Фазылом Сайей сочинена оратория «Назым» на стихи поэта, многие его стихотворения стали популярными песнями, по сценариям Хикмета ставят театральные постановки и снимают фильмы.

Цель исследования — выявление лингвокультурной специфики образа Советской России в поэзии Назыма Хикмета Рана с помощью фреймовой структуры.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили стихотворения, написанные Назымом Хикметом во время пребывания в СССР в 1921—1930-х гг. В качестве метода исследования использовались семантический, лингвокультурологический, комплексный, фреймовый анализы и метод наблюдения.

Обсуждение

Одним из важных этапов творческого пути Назыма Хикмета можно считать его приезд в Советскую Россию и жизнь в эмиграции в СССР (1921—1930 гг.).

На основе выделенных основных черт советской культуры с помощью теории архетипов К.Г. Юнга, которая связывает содержание личной психики с коллективным бессознательным [7], в статье рассматривается соотношение образа Со-

---

¹ URL: https://bigasia.ru/content/news/culture_and_resting/v-moskve-pochtili-pamyat-velikogoturetskogo-poeta-nazyma-khikmeta/

ветской России, созданного турецким поэтом, с архетипами советской культуры, которые включают в себя архетипы героя, матери и врага [8. С. 744].

Анализ творчества турецкого поэта показывает, что образ Советской России строится на основе безэквивалентной лексики, под которой понимается «план содержания, который невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [9. С. 78], в данном случае — с турецкими лексическими понятиями. Образ Советской России в творчестве поэта образуется с помощью советизмов, историзмов и антропонимов.

Вслед за И.А. Тарасовой отметим, что фреймовый анализ позволяет выявить «узальное ядро поля, концентрирующее типическую, логически упорядоченную информацию, отличающуюся конкретным, предметно-чувственным характером», а также продемонстрировать избирательное отношение писателя к области знания, репрезентированной в контексте, показать, какие участки этой области актуальны для авторов, как соотносится в их творческом сознании узальное и индивидуальное [10. С. 164].

В основе образа Советской России в стихотворениях турецкого поэта во время его пребывания в СССР выступает фрейм «политическая система». Характерной чертой стихотворений этого периода являются такие советизмы, как «коммунизм», «Октябрьская революция», «крейсер Аврора», «комсомолки», «красные», «большевики», и антропонимы, связанные с историческими деятелями, такие как «Владимир Ильич Ленин», «Фридрих Энгельс», «Карл Маркс».

Лексические единицы, описывающие политическую систему СССР, в творчестве турецкого поэта имеют позитивную коннотацию. Поэт пишет об СССР с восхищением и восторгом. Рассмотрим фрагменты нескольких стихотворений:

О Россия,
страна Ильича!
...
Вот это радость,
радость красных,
пыл девятнадцатого года.
Вновь в наших голосах вскипает
мощь революции Октябрьской
...
Россия,
юная Россия,
склоняющаяся сегодня
над азбукою коммунизма...
(Прощание с СССР, 1924)¹

Ленин
Задумчиво и проникновенно
«Вчера было рано, а завтра — поздно,
значит, надо сегодня», — сказал...

---

¹ Назым Хикмет. Стихотворения. Поэмы. М.: Маска, 2013.

Солдат, с винтовкой пришедший с фронта,
«Сегодня!» — сказал.
Окоп, угрожавший голодной смертью.
«Сегодня!» — сказал.
Тяжелых, стальных вороненых
орудий «Авроры» залп
«Сегодня!» — сказал.
И вписал большевик в историю
самый небывалый в истории поворот.
(О том, как в России был свергнут царизм, 1930)¹

В сутки двадцать четыре часа — Ленин,
двадцать четыре часа — Маркс,
двадцать четыре часа — Энгельс...
(Мои девятнадцать лет, 1930)².

В данных стихотворениях пропагандируется образ советских героев, так как в творчестве Назыма Хикмета Рана прослеживается архетип — герой советской культуры, «строитель новой жизни, как победитель любых препятствий и врагов» [8. С. 744]. Под влиянием идеологии прометеевской традиции культурного героя, который дарит людям технические, научные, художественные и другие достижения, на вершине творчества Назыма Хикмета стоит герой социалистического труда.

Особое значение для создания образа Советской России первой половины XX в. в творчестве поэта имеет фрейм «революция», наиболее полно выраженный в стихотворениях «Мои девятнадцать лет» и «О том, как в России был свергнут царизм»:

...Здесь мы в дни борьбы
отбивали атаки,
голод и смерть побеждая;
шагали ногами босыми
от станции к станции в громе и дыме, —
и прочь уползали танки.
Рост песен — километр,
Рост смерти — миллиметр...
(Мои девятнадцать лет, 1930)³.

Характерной чертой стихотворений периода революции является описание отношения власти к народу, которое определяется страхом и классовостью. Как известно, данная тенденция образовалась под влиянием резолюции от 14 июля 1925 г., где констатировалась «классовая борьба на литературном фронте» [11. С. 371]. В творчестве поэта данный концепт выражается с помощью историзмов, таких как «зимние праздники», «пасхальный звон императорских богослужений»,

¹ Назым Хикмет. Стихотворения. Поэмы. С. 36.

² Там же.

³ Там же. С. 40.

«кандалный стон», «гвардейцы-казаки», а также лексических единиц, таких как «борьба», «голод», «гром», «дым», «кровь», «смерть», отражающих исторические реалии революции 1917 г. Рассмотрим фрагменты нескольких стихотворений.

Уже больше не будет
Хмельного шуршанья
юбок крахмальных
на праздниках в Зимнем,
ни пасхального звона императорских богослужений,
ни кандалного стога на сибирских дорогах.

...

Уже больше не будут
как горсти запекшейся крови,
стынуть медные бороды
мужиков, умирающих с голоду
на черной земле.

Уже больше не будут
Меркнуть снежные улицы
от гвардейцев-казаков,
летающих как черная вьюга,
со свистом и гиком.

Уже больше не будут
Пряди убитых работниц
Прилипать к окровавленным пикам
(О том, как в России был свернут царизм, 1930)¹.

Данное стихотворение соотносится с архетипом врага советской культуры. В нем контрреволюционные казаки сравниваются с черной вьюгой, они ассоциируются с темнотой.

Согласно Х. Понтеру, «внедрение архетипа матери в советской культуре связано с поворотом к „народу“ и „Родине“, который произошел в первой половине 1930-х годов» [8. С. 765]. Следует отметить, что архетип матери в творчестве Назыма Хикмета наводит на мысль о том, что мать — это родина:

Пункт поворотных времен, поднятых на дыбы.
Мира одна шестая:
Мать, рожающая в крови.
...
(Мои девятнадцать лет, 1930).

В стихотворениях встречается фрейм «географический регион», который реализуется с помощью топонимов «Кавказ», «Сибирь»:

Знаем так мы тебя, будто всю обошли
от Кавказа
и до Сибири.

---

¹ Назым Хикмет. Стихотворения. Поэмы. С. 36.

В наших флягах еще не остыл кипяток
занесенных снегами станций...
(Прощание с СССР, 1924).

Отдельно стоит рассмотреть фрейм «русская женщина», который раскрывается с помощью субфреймов «бронзовогрудные», «светлоголовые», «голоногие». Внешний вид русских женщин, их поведение и манера одеваться в первой половине XX в. существенно отличались от турецкой традиции, в которой женщины носили закрытую одежду, а также не имели политических или социальных прав. Русские женщины производили большое впечатление на турецкого поэта, что делает данный фрейм неотъемлемой частью образа Советской России в его творчестве:

Мы видели твой праздник мая:
Вся площадь Красная гудела,
Как будто колокол огромный,
и вместе с четкими шагами
бронзовогрудых, голоногих,
светлоголовых комсомолок
звучал мотив
«Интернационала»
(Прощание с СССР, 1924)¹.

В качестве лингвокультурных деталей, вербализирующих образ Советской России, необходимо отметить такие лексические единицы, историзмы и словосочетания, как «лапти», «черный хлеб», «товарищи», «рабочие», «бедняки». Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что данные лингвокультурные детали способны придать образу Советской России определенные отличительные качества:

...в сутки — сто граммов черного хлеба,
двадцать тонн книг
и двадцать минут для себя!
...
Любовь — товарищ.
Профессор — товарищ.
Товарищ, товарищ, товарищ... —
товарищи мои
(Мои девятнадцать лет, 1930)².

Одним из ключевых фреймов в процессе создания образа Советской России становится «электричество». Фрейм «электричество» включает в себя такие субфреймы, как «электрификация», «радио», «тракторы». Электрификация СССР прочно связана с именем В.И. Ленина, что дало возможность поэту ввести в свое творчество «электрические» метафоры и сравнения, прославляющие Советскую

---

¹ Назым Хикмет. Стихотворения. Поэмы. С. 16.

² Там же. С. 40.

Россию. Рассмотрим фрагмент стихотворения, в котором представлен данный фрейм:

Начинала
ты этот путь совсем босая —
опередила «мерседесы»!
и видели с тобой мы вместе сны эти,
полные движенья
могучих тракторных отрядов,
мы, точно радио само,
которое воздвигнуть может
мост от звезды и до звезды,
с тобою вместе ощущаем
страсть к электрическому свету,
горящую в твоей крови
(Прощание с СССР, 1924)¹.

Важнейшим фреймом для создания образа Советской России в творчестве Назыма Хикмета является фрейм «зима», поскольку русская зима существенно отличается от турецкой. Фрейм «зима» раскрывается здесь с помощью субфреймов «ниже нуля», «снег», «лед», «холод»:

Пришла зима.
Я на Красной площади.
Смотрю на термометр:
семь ниже нуля.
Небо — как блестящая пластинка стальная
и без царапин.
Башня Кремля
стоит на часах.
Снег на широких плечах
ее длинной шинели,
и на Мавзолее.
...
Никогда в этот холод я
не стоял бы так долго тут,
если бы не понимал языка
текущей воды
(Дума о Гераклите в Москве, 1927)².

Фрейм «Москва» включает в себя такие топонимы, как «Красная площадь», «Кремль», «Мавзолей».

Важно также отметить, что субфреймы «снег» и «Красная площадь» часто повторяются в творчестве поэта. Они встречаются в стихотворениях «Прощание с СССР» (1924 г.), «Мои девятнадцать лет» (1930 г.), что делает их ключевыми в процессе создания образа Советской России.

---

¹ Назым Хикмет. Стихотворения. Поэмы. С. 17.

² Там же. С. 27.

Данный фрейм имеет соотношение с советским архетипом «центр марксистской науки», поскольку «Советский Союз „присвоил“ себе Маркса, провозгласив Москву центром марксистской науки и Советская Россия в этот период поддерживала антифашистское движение и вообще попыталась стать мировым центром левого интеллектуального творчества» [12. С. 355].

Приведенные топонимы не случайно выбраны поэтом, поскольку в пространственной модели советских архетипов «Кремль является священным центром, а Москва — центр советской родины, за границами которой — враждебная империя капитала» [8. С. 745].

Ассоциативная линия стихотворения Назыма Хикмета Рана позволяет выявить символический слой творчества поэта, поэтому отдельно стоит остановиться на символизме в поэзии поэта.

В этом стихотворении военная тревога и политические перемены того времени передаются с помощью символов. Поэт, вдохновляясь описанием устройства мира древнегреческого философа Гераклита, в котором «все течет, все изменяется», описывает политические перемены, военные события.

Лексемы «вода» и «река» являются символами движения, изменения; лексема «кровь», являющаяся символом жизни, употреблена в сочетании с красным цветом, ассоциирующимся с Красной армией и идеями коммунизма. Продолжение существования идей коммунизма символизирует течение подо льдом:

Кто знает, пройдет день,
один, другой —
и обледенеет голая,
полированная спина воды.
Но они на секунду не замрет
сердце той, что, как теплая,
красная кровь.
подо льдом течет

...

Неизбежные перемены подчеркиваются обращением к древнегреческому философу Гераклиту. Состояние покоя противопоставляется движению:

Гераклит! Гераклит!
Что за течение это?
Все изменяется, все бежит,
всякий покой движение таит,
ему ни конца, ни начала нету!

...

Можно ли оказать сопротивление
этому взбесившемуся движению?

Гераклит! Гераклит!
Никто не мог
повесить замок
на текущие воды
(Дума о Гераклите в Москве, 1927)¹.

¹ Назым Хикмет. Стихотворения. Поэмы. С. 23.

Возвращаясь к анализу фреймов, необходимо отметить, что фрейм «деревья», раскрывающий для читателя специфику русской природы, реализуется в творчестве поэта с помощью субфреймов «ель», «плакучая ива»:

В зеркале черной воды,
простоволосы,
мыли плакучие ивы длинные косы.
Красные конники гнали коней на закат
вдоль черной реки;
и, пламенея,
ветви плакучих ив рассекали клинки
...
Конники, красные солдаты,
кони ваши, как ветер, крылаты!
...
(Плакучая ива, 1928)

...Башня Кремля
стоит на часах.
Снег на широких плечах
ее длинной шинели,
снег на елях...
(Дума о Гераклите в Москве, 1927)

В стихотворении «Плакучая ива» проявляются субфреймы, историзмы «красная конница», «красные солдаты», составляющие фрейм «политическая система». Конная армия сыграла ключевую роль во время революции, что делает данный субфрейм, историзм одним из важнейших в контексте создания образа Советской России тех лет.

Обращаясь к символизму в творчестве поэта, необходимо подчеркнуть, что плакучая ива, чьи ветви тянутся к земле, и капли, появляющиеся на листьях дерева, похожи на печального человека и его слезы. Описание данного дерева неслучайно выбрано для описания революции, поскольку именно оно является символом горя и смерти:

...Вдруг —
Словно птице
перебили
крыло —
раненный конник рухнул с коня тяжело!
не застонал,
не позвал ускакавших дружков,
только сквозь слезы глядел на сверканье подков.
Ох, как жаль ему, жаль,
что не поскачет он вдаль,
не припадет
к взмыленной холке коня,
саблей не будет играть,

белых гоня.
Топот копыт, как звук струны, затихал.
Конники скрылись том, где закат полыхал
...
(Плакучая ива, 1928)¹.

В своем творчестве поэт сравнивает Российскую империю и Советскую Россию, для этого используются словосочетания «Великий Петр», «Петербург», «Балтийское море», «двуглавый черный орел», связанные с символикой царской власти, создателем Империи и ее столицы. Окно символизирует новый жизненный период — перемены; орел олицетворяет царственное происхождение, верховную власть и силу. Революция описывается ударом молнии, символизирующей скорость движения:

...
Открыл окно Великий Петр,
И назвали окно Петербургом.
Открыл это окно Великий Петр,
чтобы белые ветры ледяного Балтийского моря
зашумели в распластанных крыльях двуглавого
черного орла
...
Но каждый путь имеет свой предел,
и повороты вечного пути
подчинены конечным горизонтам...
...
И когда молния попала в корень
того древа, на котором сидел орел,
его черные крылья опустились,
он пал... он умер...
на берегу ледяного Балтийского моря
закрылось одно окно,
раскрылось другое:
закрылось окно Петра,
открылось окно Ленина
(О том, как в России был свернут царизм, 1930)².

Таким образом, можем сделать вывод о том, что национально-культурная специфика образа Советской России в творчестве поэта выражается с помощью следующих лексических единиц: «коммунизм», «красные», «большевики», «Октябрьская революция», «крейсер Аврора», «комсомолки», «красные», «большевики» (фрейм «политика»); «Кавказ», «Сибирь» (фрейм «географический регион»); «бронзовогрудные», «светлоголовые», «голоногие» (фрейм «русская женщина»); «лапти», «черный хлеб», «электрификация», «товарищи» (фрейм «советские ре-

---

¹ Назым Хикмет. Стихотворения. Поэмы. С. 26.

² Там же. С. 36.

алии 1920—1930-х гг.»); «ниже нуля», «снег», «лед», «холод» (фрейм «погода»); «Москва», «Красная площадь», «Кремль», «Мавзолей» (фрейм «столица»); «ива», «ель» (фрейм «деревья») и др. Вся вышеперечисленная лексика позволяет проследить самобытный образ Советской России в творчестве Назыма Хикмета, поскольку антропонимы, безэквивалентная лексика, а также лексика с национально-культурным компонентом отражают специфику образа Советской России: ее политику, природу, культуру.

Заключение

Анализ стихотворений турецкого поэта Назыма Хикмета Рана позволяет сделать вывод о том, что политические идеи марксизма-ленинизма оказали существенное влияние на творчество поэта. Образ Советской России в творчестве Назыма Хикмета Рана 1921—1930-х гг. реализуется посредством фреймов и субфреймов, имеющих национальную, культурную, идеологическую и символическую специфику. Проведенный анализ произведений поэта может иметь ценность как для русских, так и для турецких читателей, поскольку в своем творчестве Назым Хикмет создал образ Советской России, передал атмосферу того времени, отразил реалии жизни русских людей и исторические события первой половины XX в.

Список литературы

1. *Акишин А.* Назым Хикмет // Свобода выбора. Вопросы литературы. 2014. № 5. С. 155—177.
2. *Акишин А.* Вопреки всему: мировоззрение, новаторство, наследие Назыма Хикмета (1902—1963). Отрывки из готовящейся к публикации новой книги. 2013. № 6 (50). URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=7438> (дата обращения: 27.11.2021)
3. *Altun S.* Nazim Hikmet'te Umut Kavrami // *Akademik Tarih ve Düşünce Dergisi*. 2019. No. 6. С. 231—256.
4. *Bulduker G.* Nazim Hikmet Ran'ın Memleketimden İnsan Manzaraları Başlıklı Eserinde Marksist Estetiğin İzdüşümü // *Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi*, 2020. No. 10 (3). С. 837—851. DOI:10.48146/odusobiad. 755817.
5. *Старостов Л.* Октябрь и Назым Хикмет // Великий Октябрь и мировая литература: сб. статей. М.: Художественная литература, 1967. С. 397—420.
6. *Симонов К.М.* Истории тяжелая вода: сб. мемуарной прозы / сост. Л.В. Лазарев. М.: 2005.
7. *Юнг К.Г.* Душа и миф. Шесть архетипов. Киев, 1996.
8. *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 744—785.
9. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Индрик, 2005.
10. *Тарасова И.А.* Категория когнитивной лингвистики в исследовании идиостиля // *Вестник СамГУ*. 2004. № 1 (31). С. 163—169.
11. *Балина М.* Идейность — классовость — партийность // Соцреалистический канон: сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 363—378.
12. *Кларк К.* Марксистско-ленинская эстетика // Соцреалистический канон: сб. статей; под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 353—362.

References

1. Akshin, A. 2014. Nazim Hikmet. Svoboda vybora. Voprosy literatury 5: 155—177. Print. (In Russ.)
2. Akshin, A. 2013. Vopreki vsemu: mirovozzrenie, novatorstvo, nasledie Nazima Hikmeta (1902—1963). Otryvki iz gotovyasheysya k publikatsii novoj knigi 6(50). URL: <https://readinghall.ru/publication.php?id=7438> (Access: 27.11.2021)
3. Altun, S. 2019. Nazim Hikmet'te Umut Kavrami. Akademik Tarih ve Düşünce Dergisi 6: 231—256. Print. (In Turkish).
4. Bulduker, G. 2020. Nazim Hikmet Ran'ın Memleketimden İnsan Manzaraları Başlıklı Eserinde Marksist Estetiğin İzdüşümü. Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi 10 (3): 837—851. doi:10.48146/odusobiad.755817.
5. Starostov, L. 1967. Oktyabr' i Nazim Hikmet. Velikij Oktyabr' i mirovaya literatura. Sbornik statej. Moscow: Khudojestvennaya literatura. Print. (In Russ.)
6. Simonov, K.M. 2005. Istoriı tyazhelya voda. Sbornik memuarnoj prozy. Sost. Lazar' Vagrius Lazarev. Moscow. Print. (In Russ.)
7. Yung, K.G. 1996. Dusha i mif. Shest' arxetipov. Kiev. Print. (In Russ.)
8. Gyunter, X. 2000. Arxetipy sovetskoj kul'tury. SPb.: Akademicheskij proekt. Print. (In Russ.)
9. Stepanova Yu.S. 2005. Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskix taktik i sapientemy. Moscow: Indrik publ. Print. (In Russ.)
10. Tarasova, I.A. 2004. Kategoriya kognitivnoj lingvistiki v issledovanii idiostilya. Vestnik SamGU. No. 1 (31): 163—169.
11. Balina, M. 2000. Idejnost' — klassovost' — partijnost'. Soczrealisticheskij kanon. SPb.: Akademicheskij proekt publ. Print. (In Russ.)
12. Klark, K. 2000. Marksistko-Leninskaya e'stetika. Soczrealisticheskij kanon. Sbornik statej pod obshej redakciej X. Gyuntera i E. Dobrenko. SPb.: Akademicheskij proekt. 353—362.

Сведения об авторе

Доган Мерве Гюзин — кандидат педагогических наук, ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. E-mail: dogan_mg@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-6976-3020

Bio Notes

Merve G. Dogan Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant of the Department of Russian Language and Intercultural Communication at the Institute of Russian Language of the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: dogan_mg@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-6976-3020

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-675-684

Научная статья

Билингвизм и транслингвизм в новейшей литературе

С.В. Ананьева

Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова,
Республика Казахстан, 050010, Алматы, Курмангазы, 29
 svananyeva@gmail.com

Аннотация. В условиях постковидного общества, постграмотности формируется новое исследовательское поле, соединяющее полилингвильность, мультимодальность и поликультурность. Изменение мира детерминирует трансформацию принципов диалогичности под влиянием единого глобального коммуникативного пространства, исключение вариантов развития отношений от толерантности к конфликтности. Поиск ответов на важнейшие вопросы современности, вызовы глобализации способствует раскрытию этнокультурного мира, общечеловеческое и общемировое волнуют Б. Кенжеева, А. Кима, Г. Бельгера. Билингвизм рассматривается как средство межкультурного трансфера; транслингвизм — как применение языка (родного или приобретенного), позволяющего зашифровать в тексте иную культурную реальность. Методы, использованные в работе: метод мифопоэтического анализа, дескриптивный метод, герменевтический метод. Результат исследования показал, что конфигурации нескольких языковых картин мира создают в художественном тексте особые образы мира, которые не могут быть отнесены к монокультурной «сетке координат». В творчестве указанных поэтов и писателей наблюдается смешение кодов в контексте транслингвильного дискурса, когда сквозь русскоязычный текст транслируются константы иной этнопоэтической реальности.

Ключевые слова: национальный образ, транскультурализм, национальная литература, этничность, граница, концепт внемодности, диалог культур, дискурсивный мир

История статьи: поступила в редакцию 04.02.2022; принята к печати 04.04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Ананьева С.В. Билингвизм и транслингвизм в новейшей литературе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 675–684.
DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-675-684

© Ананьева С.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Bilingualism and Translinguism in Contemporary Literature

Svetlana V. Ananyeva ✉

M.O. Auezov Institute of Literature and Art,
29, Kurmangazy, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan
✉ svananyeva@gmail.com

Abstract. In the post-Covid and post-literacy contexts, a new research field is being formed that combines multilingualism, multimodality and multiculturalism. The change in the world determines the transformation of the principles of dialogicity under the influence of a single global communication space, the exclusion of options for the development of relations from tolerance to conflict. B. Kenzheev, A. Kim, G. Belger write about the search for answers to the most important questions of our time, the challenges of globalization and how it contributes to the disclosure of the ethnocultural world, the universal and global concerns. Bilingualism is seen as a means of intercultural transfer; translinguism — as the use of a language (native or acquired), which makes it possible to encrypt a different cultural reality in a text.

Key words: national image, transculturalism, national literature, ethnicity, border, dialogue of cultures, discursive world

Article history: received 04.02.2022; accepted 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Ananyeva S.V. 2022. “Bilingualism and Translinguism in Contemporary Literature”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 675—684. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-675-684

Введение

В условиях пандемии происходит проверка на прочность международного научного и литературного сотрудничества, издательских и переводческих контактов. В отличие от Г. Блума, который акцентирует внимание на «постоянном „хождение“ книги, переводного текста в пределах соответствующего языка» [1. С. 329], считая весьма редким явлением «устойчивое признание книги вне пределов того или иного языка» [1. С. 329], в данной статье с учетом существующих методологических подходов предпринята попытка перехода от поверхностного осмысления литературных взаимосвязей к их глубинной рефлексии.

Металитературная активность современного писателя, литература как феномен гуманизма, константные проблемы духовных и моральных ценностей, мировой этики, диалога и сотрудничества противостоят западным концепциям творческого искажения и страха влияния. Харша Рам (UC Berkeley) изучает культурные мифы, теорию транснационализма, модернизм, сравнительную поэтику и поэзию О. Сулейменова, его монография “The Imperial Sublime: A Russian Poetics

of Empire” [2] стала финалистом AATSEEL в номинации «Лучшая книга о славянских литературных и культурных исследованиях».

Международные научные семинары “History and modernity in the works of Korean writers of Uzbekistan, Kazakhstan and Russia” (Ташкент, 2014); «Литература и общество: корейцы СНГ» (Республика Корея, университет Конджу, 2014), ASN World Convention (Columbia, Harriman Institute, 4—6 may 2017), онлайн мероприятие «Русскоязычные голоса: слова и миры русскоязычной литературы» (ZOiS, Берлин, 13 сентября 2020) по проблемам мультикультурализма и мультиэтничности, как и функционирующая в Стэнфордском университете литературная лаборатория Ф. Моретти по distant reading, научные труды Miriam Finkelstein (University of Graz), Marco Puleri (University of Bologna) по гибридным идентичностям и нарративам в постсоветской культуре, дают лишь точечные комментарии по культурной истории и культурной интеграции. Процессы глобализации, ориентированные на распространение однородных культурных образцов (массмедиа, вестернизация), создание единого мирового пространства, приводят к стиранию границ, что усугубляется интенсификацией международных миграций.

Обсуждение

В современном транснациональном гуманитарном и литературном пространстве глобальная литература, формирование литературного канона создают «территориально-временное поле, охватывающее многие политические и культурные единицы» [3. С. 75]. Согласно теории Ф. Моретти, ускорение эволюции литературных форм, наиболее интересные литературные открытия происходят на основе связи «заимствованных форм и местного стиля» [4. С. 50].

«Вновь на родное пепелище...» возвращается «старик усталый» — лирический герой одноименного стихотворения Бахыта Кенжеева. «Черный, алый и безнадежный...»¹ — именно в такой последовательности выстроена цветовая гамма восприятия родных мест. Придя полюбоваться, он видит ворона, воинов и звезды.

Ворон воев,
в могилы воины ложатся,
лишь звезды смерти не страшатся,
нетленной памяти не ищут,
не то что бедный астероид².

Звезды, как люди, «молчат и не умеют плакать». Тема звездных светил продолжается и далее, возвращая лирического героя в детство (елка, рубиновая игрушка):

Они — особые планеты,
серебряной волшебной пулей
прибитые к небесной тверди

¹ Кенжеев Б. Вновь на родное пепелище... // Казахстан в творчестве и судьбе. Хрестоматия. Т. I. Алматы: Print Express, 2019. С. 411.

² Там же. С. 411.

подобно прикрепленной к елке
рубиновой игрушке или
немолодому вурдалаку
в ночной осиновой могиле.

Мифологические и сказовые / сказочные мотивы (немолодой вурдалак в ночной осиновой могиле) доходят в финале до завершающего аккорда: «На ощупь петь любовь до гроба, / до цвета черного любовь».

Тема детства и звездных пространств проходит красной нитью в стихотворениях «Среди длинных рек, среди пыльных книг...», «Оскудел я сердцем...», «Вот элемент пейзажа, чтобы унять глаза...», «Душа моя тянется к дому».

Вроде и привык ко всему человек-песок в стихотворении «Среди длинных рек, среди пыльных книг...»,

Но его язык вспоминает сдвиг, подвиг, выцветший черновик,
поздний запах моря, родной порог, известняк, что не сохранил
отпечатков окаменевших строк, старомодных рыжих чернил¹.

На родину, в ковыльную и полынную степь, в горы, на берега рек и озер Казахстана возвращаются поэты и персонажи их произведений. Тема родины, концепты дома, казахской степи неотрывны от других мотивов. Великая степь хранит прошлое, а созвездия ведут «первый спор — кто волчонок, а кто щенок»².

Реальные время и место не столь важны, Б. Кенжеев создает картины вселенского масштаба:

В неурочный час сочинитель звезд робко бодрствует, потому
что влачит его океан, влечет, обольщает, звенит, течет —
и живой земли голубой волчок колыбельную песнь поет.

Точен и образен синонимический ряд, воссоздающий мощь океана: *влачит, влечет, обольщает, звенит, течет...* Венец творения — живой земли голубой волчок, исполняющий колыбельную...

Мотивы вечности и возвращения в детство — концептуальны в поэзии Б. Кенжеева. Как признание автора звучит название стихотворения по его первой строчке «Оскудел я сердцем...». Но вспоминается жестяной игрушечный грузовик из детства и у матушки лунный камень, «будто полный месяц над янтарной рекой / в черно-серой оправе из межзвездного мельхиора»³.

Отраженный, полузабытый свет таинственного, согревая лирического героя, в то же время «никого не ждет, ничего не ищет»⁴.

Мгновенная зарисовка, сопровождаемая риторическим вопросом, остается в памяти читателя.

---

¹ Кенжеев Б. Среди длинных рек, среди пыльных книг... // Казахстан в творчестве и судьбе. Хрестоматия. Т. I. Алматы: Print Express, 2019. С. 411—412.

² Там же.

³ Кенжеев Б. Оскудел я сердцем... // Казахстан в творчестве и судьбе. Хрестоматия. Т. I. Алматы: Print Express, 2019. С. 412—413.

⁴ Там же. С. 413.

И когда я свой грузовичок на лохматой бечевке вез
по ухабам отечества, он дребезжал, болезный,
проржавел от влаги, облез, лишился колес —
а таинственный камень знай тускло сиял над бездной
на безымянном (как все мы в грядущем, нет?)
пальце матери¹.

Б. Кенжеев — мастер пейзажных описаний с глубоким философским подтекстом.

Пригород. Дым древесный, тот, что очей не ест.
Чинный собор воскресный, колокол, медный крест.
И от мороки снежной слабых, коротких дней
Прошлое безмятежней, будущее темней².

Родина снится вору сердобольному («Душа моя тянется к дому...»), как «раньше мерещилась» автору стихотворения. Следует неутешительный вывод:

Разорванного не заштопать, и новой заплате не лечь
на ветхую ткань золотую. И с прежним душевным трудом
мы странствуем, любим впустую, второго пришествия ждем³.

Концепт путешествия, странствования порой трансформируется в художественных текстах в концепт бездомья.

Творчество прозаика, переводчика, публициста, эссеиста, литературного критика и литературоведа Г. Бельгера развивалось в контексте мирового литературного процесса, художественно переплавляя традиции немецкой, русской и казахской литератур. Многие были обусловлены евразийским мировосприятием писателя, что позволяло соединять восточные (азиатские) и западные (европейские) культурные традиции. Русский язык его творчества, как и немецкий и казахский, играл особую роль в социокультурном пространстве Евразии.

Большую часть творческого пути Г. Бельгера три вида литературного творчества (переводческая деятельность, проза и публицистика) существовали параллельно. Масштабность звучания и своеобразная композиция характеризуют «Тихие беседы на шумных перекрестках», «Казахское слово», «Оду перевода», «Дом скитальца», «Туюк су» и другие его произведения. Точные критические выводы и обоснованные прогнозы на будущее отличали критику и публицистику Г. Бельгера.

Его проза эволюционировала от лаконичных новеллистических форм до развернутого повествования, от жизненного факта — до истории судьбы. Автобиографическое начало пронизывает все творчество писателя. Романное мышление определяет последние по времени создания произведения. Идея нравственной памяти, сопричастности каждой отдельной личности судьбам всего народа — ве-

¹ Кенжеев Б. Оскудел я сердцем... С. 412.

² Кенжеев Б. Вот элемент пейзажа, чтобы унять глаза... // Казахстан в творчестве и судьбе. Хрестоматия. Т. I. Алматы: Print Express, 2019. С. 413—414.

³ Кенжеев Б. Душа моя тянется к дому... // Казахстан в творчестве и судьбе. Хрестоматия. Т. I. Алматы: Print Express, 2019. С. 414—415.

душая в романах «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», «Зов». Дом скитальца — это его память.

Романное творчество удивительным образом соединило прошлое и современность. Тревога за судьбу казахского аула, где он вырос и окончил среднюю школу, — характерная черта эпических повествований Г. Бельгера. Разлад в доме, ауле, в себе самом — такова главная тематика и проблематика целого ряда его произведений. В романе «Разлад» — современный аул и современный город, неприкаянность старшего поколения, аксакалов, потерявших опору и цель в жизни. Прежние ценности и идеалы остались позади, что впереди — люди преклонного возраста, всю жизнь прожившие в благородном труде, понять не могут.

Концепты родины, памяти, дома, дороги — сквозные в богатейшем и разнообразном наследии, ибо «степь приняла в свои объятия всех обиженных и обездоленных в одночасье...»¹. И один из главных героев романа «Разлад» Карл Деграф не представляет себе другую жизнь, вне аула, «без знакомых перелесков, степей и озера, привычных троп и людей с их столь понятными заботами... Он как бы пуповиной прирос к этой земле и обустраивать, облагораживать ее стало его долгом и потребностью».

Как последнюю земную обитель воспринимают родной аул старики-тамыры Карл и Мамбет Казиевич. Самым страшным на свете Карл называет одиночество, «когда ты никому не нужен... Когда становишься одиноким путником у погасшего костра, когда выпадаешь из времени... У каждого ведь свое время».

Хоми Бхабха связывает проблему идентификации с идеей продуктивной культурной гибридности, третьего времени-пространства, внемодности. Грани архетипа — «отчий дом» как ностальгия — свойственна ретроспективная модель развития, в которой одной из главных сюжетных основ становится мотив возвращения домой. Хоми Бхабха — «представитель национального меньшинства парсов, поселившихся в Индии в незапамятные времена, то есть „иной“ в индийской культуре, которая и сама являлась культурой колониальной. Он сделал головокружительную карьеру в американской академической среде, но его также отличает позиция культурного скитальца, существующего вне категории национального. Х. Бхабха стремится к выработке открытой теории, трактующей частное и универсальное не посредством бинарных оппозиций, а с помощью странствующей критической методологии, основанной на расшатывании границы между оригиналом и копией — культурой метрополии и культурой колонии. Предлагая рассматривать мировую литературу не в ячейках национальных традиций, а через призму „всеобщих культурных, политических, психологических влияний, закономерностей, понятий и тем — таких как историческая травма, рабство, геноцид, революция, террор, изгнание, потеря культурной идентичности“, Х. Бхабха привлекает внимание к тем, кто проскальзывал прежде между ячеек привычных логоцентрических интерпретаций, — иммигрантам, беженцам, поликультурным и полиязыковым авторам» [6. С. 105]. Х. Бхабха пишет об индивидуе эпохи глобализации, особой *внемодности*.

---

¹ Бельгер Г. Разлад. Алматы: Жазушы, 2008.

В литературе Казахстана архетип «дом» реализовался в творчестве Г. Бельгера (дом — саманная постройка в форме курджуна, дом-сакля, дом — убогая хибара, одинокая келья странника и др.), расширяясь до архетипа аула. Мотив дома становится ведущим в творчестве Ст. Ли, А. Кана, А. Шмидта и других авторов. В литературе США почти все современные писатели отмечают состояние внедомности. По словам доминиканки Хулии Альварес, «ее настоящий дом — не в реальном пространстве и среди определенной группы людей, а лишь в „воображаемом сообществе слов“». Мучительное вращение в новый топос, отмеченное ощущениями неприкаянности, тоски, отторжения, оставляет героинь карибской писательницы Джамейки Кинкейд, как и ее саму, в промежуточном состоянии непринадлежности: вест-индское изгнание оказывается неполным, не обрубает все концы, но и вращение в Америку тоже не абсолютно — золотой сон Нового Света становится раем не для всех, оборачиваясь самодовольной и невежественной Америкой, во многом лишь продолжающей уже знакомую логику колониализма».

Не перекликаются ли мотивы американских писательниц с творчеством Г. Бельгера: «Дом скитальца» — «Дом бездомного» (в немецком издании романа) — «Зов» и с поэзией А. Шмидта, название его поэтического сборника — «Здесь и там»¹. При этом «здесь» — это родной Казахстан, а «там» — это Германия. Мотив возвращения в отчий дом — основополагающий.

Г. Бельгер на примере творчества А. Шмидта пишет о глубоко угнездившейся генетической боли российского немца: «Он мыслит и пишет по-русски. Он, собственно, человек русской культуры. Он русский по своему духоустройству. Но чутко отзывается и на все немецкое. Получается, что среди русских он, пожалуй, немец. Среди немцев все-таки русский. Эта двойственность цельной природы — неотъемлемое свойство души»².

Яркое подтверждение авторитетного мнения Г. Бельгера — стихотворение «Пещера» А. Шмидта.

— Ты, русский, —
 Утверждают знающие меня немцы.
 — Ты — немец, —
 Внушают мне знакомые русские.
 — Я — никто, —
 Говорю я на всякий случай.
 И под циклопическими сводами пещеры
 Летучие мыши эха
 Испуганно вопрошают:
 — Кто?.. Кто?.. Кто?...

В романах «Дом скитальца», «Туюк су», «Зов» сходятся воедино главные темы творчества Г. Бельгера. Это многоплановые произведения, с разветвленными сюжетными линиями, обладающие стройной композицией, они подводят своеобразный итог разрабатываемым ранее темам, поднимают их на новый уровень

¹ Шмидт А. Здесь и там. Алматы: Интерпринт, 2003.

² Бельгер Г. Читая Шмидта... // Бельгер Г. Постфактум. Алматы: Жазушы, 2007. С. 346—348.

художественного обобщения. В них отражены целые пласты народной истории: репрессии, война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность.

Множество актуальных вопросов ставит в романе «Туюк су» Г. Бельгер. Некоторые пока остаются без ответа. Но в том-то и проявляется прозорливость писателя, что он одним из первых акцентирует на них внимание. Так кто же он, главный герой романа — бывший спецпереселенец, поздний возвращенец: «Человек без родины? Скиталец с нескладной судьбой? Где тот уголок земли, где утешится и утишится его душа? Нет ответа...»¹.

Современный российский прозаик А. Ким убежден, что «процесс творения не завершается последней точкой текста, оно продолжается в восприятии другого человека». Художник связан со своим временем, со своей эпохой. Эпоха глобализации, тоталитарных систем, как считает А. Ким, оказывает давление на человека. Главный конфликт человека и окружающего мира писатель видит в давлении мира на человеческую отдельность, в отчуждении личности, в полном безразличии к ней со стороны государственных структур, в их бездушии по отношению к отдельному человеку.

Философия экзистенциализма выработала следующую модель поведения человека: уйти в творчество, чтобы выстоять. Настоящий художник послан в мир, чтобы слышать окружающих и сказать человечеству новое. Об этом шла речь в Институте литературы и искусства имени М.О. Ауэзова в рамках круглого стола, посвященного творчеству Кима. В эстетике современного писателя, переводчика, художника влечет не яркий символ вечного, а трепетный нюанс мимолетного. Тон его произведений окрашен печалью вселенского одиночества.

Современный философ-фантаст символически отражает в повести невидимок «Стена» последние дни советского общества. В романе-гротеске «Поселок кентавров» главный герой — советский обыватель. Роман «Радости рая» предупреждает о последствиях потери вселенского пути разумным человеком [6].

В «Радостях рая» Ангел-Хранитель интересуется у главного героя, зачем он, довольный своей жизнью, хочет на один день вернуться в детство? «Сощуришь слезящиеся от встречного ветра глаза», персонаж (он же нарратор. — С.А.) внимательно вглядывается «в то место у серых, с зелеными пятнами, гор Тюлькубаса, где произошел в эту жизнь. Местом этим было небольшое село Сергиевка». И отвечает: «Радостей рая нет на земле. И вообще, все, что испытал в этом мире и в сопредельных, было сном. Подлинным мне представляется только один день раннего детства. Вот и хочу побывать в нем»².

Ангел-Хранитель Сергей предупреждает, что если писатель в этом дне погибнет, то судьба его будет вырезана из Всемирной Паутины. Но пролетающий мимо XXI в. Архангел Сахлин (более высокого ранга, чем Сергей), «сотрясая гряды гор Алатау и всю прилегающую к ним обширную равнину в голубых лентах выющихся рек, в зеленых, желтых, бурых заплатах — цветущих, зрелых и вспаханных под

¹ Бельгер Г. Туюк су // Бельгер Г. Избранное. Сочинения в 10 т. Т. IV. Алматы: Балалар әдебиеті, 2010. С. 13—234.

² Ким А. Радости рая // Ким А. Радости рая. Владивосток: Валентин, 2013.

зьябь полей», пробил текст на языке вселенной всех миров: «Ты был писателем под моим покровительством. Ты хотел написать прекрасные книги прекрасными русскими словами, и я тебе дал их». После «Острова Ионы» писатель пообещал не писать больше романов. «Но в промежутках, — напоминает Архангел Сахлин, — между переводами двух громоздких томов казахских эпических авторов ты, словно афганский душман, сажавший опиумный мак на тайном поле, возвращал урожай нового романа, начатого от двух утаенных от меня слов: РАДОСТИ РАЯ». Смерч Пляска, закружив с бешеной скоростью внутри гигантской воронки торнадо, «мигом вынес на высшие уровни космического бытия и широко развеял по невидимой, тонкой, как озоновая пленка, одномерной сфере Онлирии».

Билингвизм и транслингвизм в современном литературном процессе — особое преимущество, позволяющее расширить оптику анализа текстов в контексте культурного трансфера.

Заключение

Развитие гуманитарных наук, культуры и образования на основе гуманизации в современных условиях глобального культурного трансфера обуславливает действие интегративных тенденций в филологической науке.

Литературные контакты, культурные гибридные модели, поиск ответов на важнейшие вопросы современности способствуют раскрытию этнокультурного мира, позволяя передать национальный образ и национальное мироощущение. Предполагаем, что будет создана широкая диалоговая площадка для литературоведов, специалистов-филологов, культурологов и лингвистов по процессам би- и транслингвизма в современных национальных литературах.

Список литературы

1. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / пер. с англ. Д. Харитоновой. М.: НЛО, 2019.
2. *Harsha Ram*. The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire. University of Wisconsin Press, 2006.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006.
4. Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчук, А. Шель. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
5. Глостанова М. Эра Эгасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми // Иностранная литература. 2003. № 1. С. 102—113.
6. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Собираетелъ слов: интервью с Анатолием Кимом // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. № 2. С. 271—278.
7. Глостанова М. Деколонильность бытия, знания и ощущения. Алматы: Целинный, 2020.

References

1. Blum, G. 2019. *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vsekhn vremen*. Moscow: NLO publ. Print. (In Russ.)
2. Harsha, Ram. 2006. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. University of Wisconsin Press. Print.

3. Vallerstayn, I. 2016. Mirosistemnyy analiz: Vvedeniye. Moscow: Territoriya budushchego publ. Print. (In Russ.)
4. Moretti, F. 2016. Dal'neye chteniye. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaydara publ. Print. (In Russ.)
5. Tlostanova, M. 2003. "Era Egasfera, ili Kak sdelat' chitateley meneye schastlivymi". Inostrannaya literature 1: 102—113. Print. (In Russ.)
6. Bakhtikireeva, U.M., Valikova O.A. 2020. "Sobiratel' slov": interv'yu s Anatoliyem Kimom. Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki 2: 271—278. Print. (In Russ.)
7. Tlostanova, M. 2020. Dekolonial'nost' bytiya, znaniya i oshchushcheniya. Almaty: Tsentr sovremennoy kul'tury "Tselinnyy" publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ананьева Светлана Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова МОН РК.

Bio Note:

Svetlana Viktorovna Ananyeva is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Relations and World Literature of the Auezov Institute of Literature and Art MES RK.

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-685-693

Research Article

From Intercultural Communication to Transcultural Creativity: A Study of Russian-American Fiction

Ekaterina S. Lebedeva

Lomonosov Moscow State University,
31/1, Lomonosovskiy, Moscow, 119192, Russian Federation
✉ chaton17@mail.ru

Abstract. The world has been growing more globalised, people have been moving and absorbing different cultural peculiarities. Now intercultural perspective might seem insufficient to describe the extent to which local cultures and identities are linked globally. As a result, language contact and communication between and across cultures have been changing. The present paper aims at studying modern Russian-American fiction from intercultural and transcultural perspectives emphasizing the translanguaging features and transcultural changes. The paper discusses the phenomenon of creative translanguaging, which means writing in one or two languages that are not the native tongues. Contemporary American literature may be proud of its modern writers of Russian and Soviet descent: Olga Grushin, Sana Krasikov, Lara Vapnyar, Anya Ulinich, Irina Reyn. All the authors changed their country of birth and moved to the USA and as a result, they chose English as the language of their creative writings. However, the English of their works reflects the Russian language, culture, and identity of the writers making the English text not truly English. The research primarily studies the linguistic tools (borrowing, code mixing, code-switching and broken English) used by the writers to render Russian culture by means of the English language as well as the transcultural shift that has been inevitable and has become an inalienable part of new cultural identities.

Key words: intercultural communication, translanguaging writers, transculturality, transcultural creativity, cultural/transcultural identity

Article history: received 24.04.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Lebedeva E.S. 2022. “From Intercultural Communication to Transcultural Creativity: A Study of Russian-American Fiction”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 685–693. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-685-693

© Лебедева Е.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

От межкультурной коммуникации к транскультурному литературному творчеству (на примере русско-американской художественной литературы)

Е.С. Лебедева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский пр., 31/1
chaton17@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам изучения современной русско-американской художественной литературы с межкультурной и транскультурной точек зрения. Особое внимание уделяется транслингвальным особенностям и транскультурным изменениям, происходящим с современными авторами-транслингвами. Исследование в первую очередь направлено на изучение языковых средств, используемых писателями для передачи русской культуры средствами английского языка, а также транскультурных изменений, которые стали неизбежными для писателей и определили их новую культурную идентичность.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, транслингвальные писатели, транскультурное литературное творчество, культурная/транскультурная идентичность

История статьи: поступила в редакцию 24.04.2022; принята к печати 04.10.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Лебедева Е.С. От межкультурной коммуникации к транскультурному литературному творчеству (на примере русско-американской художественной литературы) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 685—693. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-685-693

Introduction

Traditionally language contact and cultural interaction have been studied from an intercultural communication perspective. Prominent Western (M. Bennett, E. Hall, etc.) and Russian linguists (S. Ter-Minasova, V. Kabakchi, etc.) have developed their theories which describe the interaction of two different cultures and languages. *Interculturalism/interculturality* concentrates on relationships between individuals, belonging to different cultures, and aims at overcoming problems existing between cultures, which has been an object of the theory of intercultural communication [1. P. 157]. Interculturalism does acknowledge diversity but, in the end, aims at integration understood as something not very far from assimilation [2]. Cultural anthropology sees intercultural communication as interpersonal interaction between various groups, which differ in their knowledge and behaviour models including speech models as well [3. P. 172]. Intercultural communication is also perceived as a mechanism whereby people of different groups perceive and try to

make sense of one another [4]. And very often intercultural communication refers to interactions between speakers who have different first languages, communicate in a common language, and, usually, represent different cultures [5. P. 118].

In addition to the terms *interculturalism* and *intercultural communication*, it appears to be important to define *multiculturalism*. Multiculturalism is a system of beliefs and behaviours that recognizes and respects the presence of all diverse groups in a society, acknowledges and values their socio-cultural differences, and encourages and enables their continued contribution within an inclusive cultural context [6]. As it becomes obvious from the definitions, both terms, intercultural communication and multiculturalism, describe the multiplicity of forms of cultural life that coexist within a specific society.

However, the world has been growing more globalised, people have been moving and absorbing different cultural peculiarities. As a result, language contact and communication between and across cultures have been changing. Now intercultural perspective might seem insufficient to describe the extent to which local cultures and identities are linked globally. Thus, a *transcultural* perspective, which sees people not in between two cultures but through and across, has become central to contact linguistics. It goes a step further in questioning the ‘inter’ aspects of intercultural communication and attempting to understand cultural practices that are not necessarily linked to any single identifiable culture [7. P. 3]. The concept of *transculturality* emphasizes the need for the individual to acknowledge the foreign within oneself in order to comprehend others [8. P. x]. Transculturality refers not to the spread of particular forms of culture across boundaries, but to the processes of borrowing, blending, remaking and returning, to processes of alternative cultural production [9]. The transcultural approach as opposed to intercultural views people not in between two cultures but through and across. “On the level of transculturality... differences no longer come about through a juxtaposition of clearly delineated cultures (like in a mosaic), but result between transcultural networks, which have some things in common while differing in others, showing overlaps and distinctions at the same time” [10. P. 202]. In contrast to the concepts of *multiculturality/multiculturalism* and *interculturality*, *transculturality* fosters an inclusive understanding of culture as characterized by differences [8. P. x].

Contemporary scholars are also talking about transcultural communication, which builds on intercultural communication approaches that examine how cultural references, practices and identities are constructed and negotiated in interaction. Participants of transcultural communication are moving through and across cultural and linguistic boundaries and in the process transcending those boundaries [7. P. 3], experiencing cultural transformations and changing their identities. In this respect, the term “transcultural communication” as defined by S. Ting-Toomey (1999) seems to be lacking the idea of a new identity formation. Ting-Toomey understands the transcultural communications competence as ‘an incremental learning journey whereby intercultural communicators learn to mutually adapt to each other’s behaviours appropriately and flexibly’ [11]. In the present paper, we understand the phenomenon of transculturality as the formation of multifaceted, fluid identities resulting from diverse cultural encounters [8. P. ix].

Discussion

The way new identities are shaped is best seen in the imaginative literature which offers a powerful means of exploring transcultural experiences. Many literary works published over the past three decades (by such authors as Andre Makine, Joseph O'Neill, Monica Ali, Ha Jin, Gary Steingart, etc.) reflect a preoccupation with transcultural encounters against the background of globalisation and increased migration. Literary criticism can make a valuable contribution to understanding of transculturality and the reconceptualization of collective and individual identities [8. P. xi]. However, it is linguistic aspects which technically trace the transformations occurring in the language and identity of transcultural authors that are of particular interest. In this respect, it is essential to define the concept of *translingualism*. Z. Proshina sees translingualism as not only a juxtaposition and interaction of different languages and cultures, but their flow from one linguaculture into another [1. P. 160].

As far as the present paper deals with purely linguistic features of transcultural writers, it is important to define the term “translingual” as opposed to “interlingual”. Interlingual is understood here as related to or existing between two or more languages (Merriam-Webster Dictionary). The term translingual conceives of language relationships in more dynamic terms: the languages mesh in transformative ways, generating new meanings and grammars [12]. Pennycook discussing the translingual model of language points to the relationship among interlingual resources (what language resources people draw on), colingual relations (who says what to whom where) and ideolingual implications (what gets taken from what language use with what investments, ideologies, discourses and beliefs) [13. P. 306]. The present paper sees *interlingual* as dealing with rendering sense between two languages using the form and tools of the target language, and *translingual* as dealing with rendering linguistic, cultural, ideological features and identity using the tools of the language a translingual speaks, and there is no source and target language in translingualism.

Taking into account the value of literary works in the search of translingual peculiarities and transcultural transformations, we accept the definition of such literature given by S. Kellman. The scholar coins the term *literary translingualism* and defines it as the phenomenon of authors who write in more than one language, which is other than their primary one [6. P. 9]. Translingual literature calls into question the transparency of language, reminding the reader of its contingency and instability [8. P. xxiii]. Translingual writings demonstrate how languages, cultures and identities are mixed. Such texts are perfect evidence that code mixing and code-switching, sampling of sounds, genres, languages and cultures are normal.

Russian-American fiction

Literary fiction produced by contemporary Russian-American writers have become extremely popular among American readers who are fascinated by the novels and short stories told by Russian immigrants (NOVAYA GAZETA, June, 2012). American literary critics are welcoming their writings: Gary Shteyngart's *The Russian Debutante's Handbook* got Stephen Crane Award for First Fiction, the Book-of-the-Month Club First Fiction Award and the National Jewish Book Award for Fiction. Anya Ulinich has Goldberg

Prize for Emerging Writers of Jewish Fiction Winner (2008) and National Book Foundation's "5 under 35" Winner (2007). Olga Grushin's *The Dream Life of Sukhanov*, her first novel (published in 2005), won the 2007 New York Public Library Young Lions Fiction Award, was chosen as a New York Times Notable Book of the Year and a Washington Post Top Ten Best Book of the Year. And the list is not full.

The aim of the present research has been to study the works of Russian-American female writers from the transcultural perspective, tracing translanguaging techniques used by the authors to render their transformed identities. The following literary fiction produced by contemporary Russian-American writers have been chosen for the study: "The Dream Life of Sukhanov", "40 Rooms" by Olga Grushin, "Petropolis" by Anya Ulinich, "Memoirs of a Muse" by Lara Vapnyar, "What happened to Anna K." by Irina Reyn, "One More Year" by Sana Krasikov.

All the writers under study have Russian as their primary language and English as the language of their creative writings. All of them have acquired fluency in English in the USA and are functionally bilingual. Their Russian underlies the English surface and can be apprehended in borrowings, instances of code-switching, definitions of Russian terms and other techniques of creative interference.

Borrowings

The first thing which translanguaging writings are abundant with is borrowings. These, unlike code-mixing and code-switching, involve mixing the language systems, because an item is borrowed from one language to become the part of the other language [14]. Usually borrowings from the native tongues are italicized; sometimes writers leave them without explanation.

- (1) David's skin smelled of pastry, like the fresh *rugelach* her grandmother used to bake...[15. P. 134].
- (2) All through the burial, the *kelekhi* supper, Gogi had watched her with an adult's appraising seriousness [16. P. 36].

Jewish pastry product *rugelach* reminds us of Irina Reyn's Jewish roots. The writer resettled from Moscow to New York by the Jewish American refugee nonprofit programme. *Rugelach* is defined as "a pastry made with cream-cheese dough that is rolled around a filling (such as nuts, jam, or chocolate) and baked" by Merriam Webster and appears at different American recipe websites. Sana Krasikov grew up in Georgia and in the USA where she moved at the age of 9, and the use of Georgian word *kelekhi*, which means a dinner after burial, shows the part of her identity which belongs to Georgian culture. *Kelekhi* hasn't been fixed by any English language dictionary, but its meaning can be easily found at the English-language websites describing Georgian culture. Although both writers ethnically belong to different cultures (Jewish and Georgian respectively), the US readers know them as Russian-American novelists, which can be explained by marketing reasons: Russianness sells better on the modern literature market [17].

Apart from lexical borrowing modern translanguaging writers tend to borrow Russian phonetic peculiarities in order to render Russianness of their characters:

- (3) "Your name, miss?" he'd ask me every single time.
"Tatyana."
"Tat'ya what?"

“Tatyana.”

“There is a *Tatti Anna* for you, sir”. [18. P. 136]

(4) I told her about my tour of Dieter’s business.

“Ah, *biznis*,” said Larisa. “I remember it used to be very exciting.” [16. P. 199].

“Example (3)” shows the character of the novel transcribing her Russian name, and the English words she uses to make it comprehensible for the English-language speaker. In “Example (4)” the character pronounces the word “business” with a Russian accent, which Sana Krasikov shows with transcription.

Many borrowed words, both fixed by the English language dictionaries and not, assimilate to the English language: form plurals and possessive cases, become parts of compound words or function as attributes in attributive clusters.

(5) ...and many-armed, troll-like silhouettes shifted feverishly in the lit windows of neighboring *dachas*, engaged in some dim, ugly activities of living [19. P. 238].

(6) I can feel the *dacha*’s peaceful darkness behind my back [20. P. 34].

(7) ...the color of morning mist above the waters of our *dacha pond* [20. P. 8].

Olga Grushin shows many cases of the assimilation of the loan word *dacha*, which means “a Russian country cottage used especially in the summer” (Merriam-Webster Dictionary).

Code-mixing

In addition to borrowing, we observe multiple examples of code-mixing which refers to the mixing of various linguistic units from two language systems within a sentence [21].

(8) “Sit still, *Ba*,” I said, turning away from her stare. I called her a short and intimidating “*Ba*” instead of a long “*Babushka*.” I loved to bully her. “Sit straight, *Ba*, you don’t want to spill your soup.” [18. P. 8].

(9) “So, what happened next, Grandma?” [18. P. 16].

Lara Vapnyar uses the short form *ba* to say “grandmother”, and she explains it in the text. But at the same time in “Example (9)” she tends to use interlingual variant — *grandma* — at the same page in the same dialogue, which shows the simultaneous use of both translingual and interlingual tools.

(10) Larisa only shrugged. “He called me his *Turgenyevskaya jenshina*, his Turgenev woman. I guess that’s what I am. In one lifetime I can love only one man. And my heart will always be given to him” [16. P. 209].

“Example (10)” contains a very personal transcription of the Russian word женщина, a woman, with a Russian sound щ, which is usually transcribed via *shch* cluster. A “Turgenev girl” or “woman” is a particular type of female character invented by the 19th century Russian writer Ivan Turgenev. Turgenev woman is usually described as having delicate manners and being modest, refined, simple, romantic, living in their dreams (Russia Beyond, December, 2015). Sana Krasikov seems to be using the technique of inner translation to add to her Russianness.

Code-switching

Multiple examples of code-switching are also one of the characteristics of translingual writings. Unlike code-mixing, code-switching is the use of different linguistic units (words,

phrases, clauses, and sentences) from two language systems across sentence boundaries within speech event [21].

(11) “Did you know that we have another Stalin and he has practically the same name?” ... “*Nu i shto*, Papa, we know, we know.”

(12) “*Poterpi, dushen’ka. Poterpi*,” he whispered softly, interrupting the cacophony of his panting and moans. “*Poterpi, dushen’ka.*” *Poterpet!* The silent Polina revolted. All the great love she hoped to find came down to “*yield and endure*”?

Irina Reyn in “Example (11)” switches codes saying “so what” in Russian, whereas Lara Vapnyar uses full sentences in Russian to explain what exactly the character felt in “Example (12)”. Russian word “*poterpet*”, explained as “*yield and endure*” by the author, means a lot for the Russian culture and carries certain cultural connotations: great patience, tolerance toward sufferings and endurance are a part of Russian mentality [22].

Another example of code-switching is calque translation of idiomatic expressions.

(13) ...three consecutive violin instructors declared Sasha profoundly *tone deaf* and musically uneducable. “*A bear stepped on her ear*,” Mrs. Goldberg complained to the neighbors...

The Russian expression “a bear stepped on her ear” means “have no ear for music”, which is explained by Anya Ulinich in the context with an English expression “*tone deaf*”. It is interesting to note that the author combines interlingual instruments of rendering idioms (searching for the adequate idiom in the target language) and translingual techniques — in this case, it is calque translation of the Russian phraseological unit.

(14) “If you’re admitted, you’ll be going three days.... a “District 7 is *all the way up the devil’s horns*,” replied Sasha, trying hard to hide her relief “Example (14)” contains a Russian idiom meaning “the back of beyond” which becomes clear from the context. Horns are the most recognizable devil’s feature, that is why when in Russia one describes something that is far away, they talk about this place as being up the devil’s horns.

Broken English

Broken English or contaminated speech is the process by which one word or phrase is altered because of mistaken associations with another word or phrase (Collins dictionary of English). Russian-American writers use it as a translingual device to show hesitant or sometimes poor English of their characters:

(15) “*Hoa... where... you?*” he said in English when I walked in. “What?” I said. “*How where you?*” “Where were you?” I said, trying to clarify. Misha shook his head. “*How where you?*” he repeated slowly. From the day he’d picked me up at the airport, he’d been testing his English on me. He’d mentioned winning some English-language award when he was in high school sometime in nineteen fifty — something, and I didn’t have the heart to discourage him. “You mean, how are you?” I said. “*Da!*” Misha nodded, and slapped his hands together. “I am good,” I said, speaking as slowly as he’d spoken to me. “How are you?” “*I ... yem... faine*,” Misha answered, and broke into a wide grin. [16. P. 198]

The dialogue in “Example (15)” from Sana Krasikov’s short story “There Will Be No Fourth Rome” shows a mispronounced English-language question “How are you” and

the answer “I’m fine”. The author uses wrong spelling and wrong words to show the character’s errors.

Transcultural creativity

Translingual novels are products of transcultural experiences and a source of transcultural creativity, which demonstrate a blend of two cultures and a new identity shaped. The linguistic proof for that are the translingual devices used by the authors to incorporate Russianness into the English language of their works. Among the main tools are borrowing, code mixing, code-switching and broken English.

The research showed that translingual devices used by the authors technically mark their transcultural experience and provide a transcultural creativity toolbox to be used during creative writing or translation courses. Not the interaction of two cultures, but the mix that brings to life a new identity and such transformations must and will be studied from a transcultural point of view and a broader interdisciplinary perspective.

References

1. Proshina, Z.G. 2017. Translingualism and its application. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices* 14 (2): 155-170. doi: <https://doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170>
2. Guilherme, M., and G. Dietz. 2015. Difference in diversity: multiple perspectives on multicultural, intercultural, and transcultural conceptual complexities//*Journal of Multicultural Discourses* 10 (1): 1—21. doi: <http://dx.doi.org/10.1080/17447143.2015.1015539>
3. Zhukova, I.N., and M.G. Lebedko, Z.G. Proshina, N.G. Yuzefovitch. 2013. *Slovar terminov mezhdkulturnoi kommunikatsii [Terminological Dictionary of Intercultural Communication]*. Moscow: FLINTA: Nauka publ. Print. (in Russ.)
4. Bennett, M. 2013. Ethnocentrism/Xenophobia. Entry in: C. Cortes (Ed.) *Multicultural America: A multimedia encyclopedia*. New York: Sage. Print.
5. Keeskes, I. 2018. How does intercultural communication differ from intra-cultural communication? Curtis, Andy and Roland Sussex (eds.) *Intercultural Communication in Asia: Education, Language and Values*. Cham: Springer. 115—135. doi https://doi.org/10.1007/978-3-319-69995-0_7
6. Rosado, C. 1996. *Toward a Definition of Multiculturalism*, 1996. Publ. Web https://www.academia.edu/777187/Toward_a_Definition_of_Multiculturalism
7. Baker, W. 2020. Exploring intercultural and transcultural communication in ELT. *The Center for EFL Journal* 6: 1-10. doi: https://doi.org/10.15045/ELF_006010
8. Nordin, I.G., and J. Hansen, C.Z. Llena. 2013. *Transcultural Identities in Contemporary Literature*. Amsterdam — New York: Rodopi. Print.
9. Pennycook, A. 2007. *Global Englishes and Transcultural Flows*. New York: Routledge.
10. Welsch, W. 1999. Transculturality-The Puzzling Form of Cultures Today, in: M. Featherstone, S. Lash (Eds.), *Spaces of Culture: City, Nation, World*. London: Sage: 194-213. doi: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446218723.n11>
11. Ting-Toomey, S. 1999. *Communicating Across Cultures*. New York: Guilford.
12. Canagarajah, S. *Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations*. New York: Routledge. Print.
13. Pennycook, A. 2008. Translingual English. *Australian Review of Applied Linguistics* 31(3): 301—309. doi: <https://doi.org/10.2104/ara10830>.
14. Hudson, R.A. 1996. *Sociolinguistics*, 2nd edition. Cambridge University Press.
15. Reyn, I. 2008. *What happened to Anna K*. New York: Touchstone. Print.
16. Krasikov, S. 2009. *One more year*. New York: SPIEGEL & GRAU. Print.

17. Wanner, A. 2019. Triple Identities: Russian-Speaking Jews as German, American, and Israeli Writers. In Z. Gitelman (Ed.) *The New Jewish Diaspora*. New Brunswick: Rutgers University Press: 286—298. doi: <https://doi.org/10.36019/9780813576312-021>
18. Vapnyar, L. 2007. *Memoirs of a Muse*. New York: Vintage. Print.
19. Grushin, O. 2007. *The Dream life of Sukhanov*. New York: Penguin. Print.
20. Grushin, O. 2016. *Forty Rooms*. New York: G.P. Putnam's sons. Print.
21. Bhatia, T.K., and W.C. Ritchie. 2004. *The Handbook of Bilingualism*. New Jersey: Blackwell Publishing. Print.
22. Mikheyev, D. 1987. The Soviet Mentality. *Political Psychology* 8(4): 491—523. doi: <https://doi.org/10.2307/3790919>

Bio Note

Ekaterina Sergeevna Lebedeva is a Senior Lecturer, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Department of Foreign Languages Theory, Moscow State University of Lomonosov. E-mail: chaton17@mail.ru

Сведения об авторе

Лебедева Екатерина Сергеевна — старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: chaton17@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-694-707

Научная статья

Сравнительный анализ социокультурного контекста в учебниках по миноритарным языкам как неродным (на материале электронных учебников по удмуртскому и шведскому языкам)

С.Т. Эясу^{ORCID}✉, М.Д. Лаптева^{ORCID}

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76
✉ ehy-semen@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты сравнительного анализа социокультурного контекста учебников по удмуртскому и шведскому языкам как миноритарным и неродным. Рассмотрена тема сохранения и развития миноритарных языков, сопоставлены российский и финский опыт в этой области. Авторы используют материалы, ранее не являвшиеся объектом подобных исследований. Целью исследования стало выявление особенностей социокультурных моделей названных учебников с применением метода контент-анализа и их анализ с точки зрения интересов и коммуникативных потребностей учащихся подросткового возраста. Материалом для анализа послужили электронные учебники для 7–9-х классов — по удмуртскому языку линейки «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!», а также по шведскому языку серии Megaфон. Результаты сопоставительного анализа показывают, что учебники в разной степени удовлетворяют разные коммуникативные потребности учащихся подросткового возраста. Сделаны выводы о различии групп учащихся, на которых ориентированы данные учебники. Сформулировано предложение по использованию социокультурного контекста как ресурса в популяризации миноритарных языков.

Ключевые слова: миноритарные языки, шведский язык, удмуртский язык, неродной язык, учебник, социокультурный контекст, коммуникативные потребности, подростковый возраст

История статьи: поступила в редакцию 18.06.2022; принята к печати 04.10.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Эясу С.Т., Лаптева М.Д. Сравнительный анализ социокультурного контекста в учебниках по миноритарным языкам как неродным (на материале электронных учебников по удмуртскому и шведскому языкам) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 694–707. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-694-707

© Эясу С.Т., Лаптева М.Д., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

A Comparative Analysis of the Socio-Cultural Context in Textbooks of Minority Languages for Non-native Speakers (Based on Electronic Textbooks of Udmurt and Swedish languages)

Semyon T. Eiassu , Marina D. Lapteva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO),
76, Pr. Vernadskogo St., Moscow, 119454, Russian Federation
 ehy-semen@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the socio-cultural context of textbooks of the Udmurt and Swedish languages as minority and non-native languages. The preservation and development of minority languages is outlined and Russian and Finnish experience in the area is compared. The aim of the study was to identify the features of the socio-cultural models of these textbooks by applying the method of content analysis and to analyze them in terms of the interests and communicative needs of teenage students. The material for the analysis was electronic textbooks of the Udmurt language of the «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» (“Hello, Udmurt language!”) series, as well as electronic textbooks of Swedish of the Megafon series, both for grades 7—9. Materials of the kind have not been previously considered in similar studies. The results of the comparative analysis show that textbooks meet the communicative needs of adolescent students in different ways. Conclusions are drawn about the difference in the groups of students to whom these textbooks are oriented. A proposal is formulated on the use of the socio-cultural context as a resource in the popularization of minority languages.

Key words: minority languages, the Swedish language, the Udmurt language, non-native language, textbook, sociocultural context, communicative needs, adolescence

Article history: received 04.02.2022; accepted 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Eiassu, S.T., and M.D. Lapteva. 2022. “A Comparative Analysis of the Socio-Cultural Context in Textbooks of Minority Languages for Non-native Speakers (Based on Electronic Textbooks of Udmurt and Swedish languages)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 694—707. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-694-707

Введение

Вопрос сохранения и развития миноритарных языков в эпоху глобализации является многогранным — положение и перспективы любого языка зависят от широкого ряда факторов, в том числе от его социальной престижности. Одной из составляющих престижности языка для членов сообщества носителей миноритарного языка является изучение и знание этого языка представителями других этносов и/или этноса большинства, что, в свою очередь, может являться фактором увеличения сфер использования миноритарного языка. Кроме того, ситуация

двустороннего билингвизма в обществе, как представляется, способствует повышению толерантности по отношению к представителям языковых меньшинств, созданию более инклюзивного и гармоничного общества, с возможностями взаимного культурного обогащения.

Одним из важных факторов возникновения ситуации двустороннего билингвизма в этой связи является система образования, в рамках которой представители языкового большинства могли бы иметь возможность изучать миноритарный язык региона, в котором они проживают. В Российской Федерации накоплен большой опыт преподавания миноритарных языков. Однако как неродные изучаются всего несколько языков, в частности, башкирский, коми, татарский, тувинский, удмуртский, чувашский, якутский.

Большое значение в данной ситуации имеют учебники по миноритарным языкам как неродным, используемые в общеобразовательных школах, а именно социокультурный контекст таких учебников.

В рамках исследования был проведен сравнительный анализ социокультурного контекста учебников по шведскому языку как неродному, изучаемому в общеобразовательных школах Финляндии, почти половина финскоговорящих граждан которой способна поддерживать диалог на шведском языке¹, и учебников по удмуртскому языку как неродному, используемых в школах Удмуртской Республики на факультативных занятиях.

При этом понятие социокультурного контекста учебников по миноритарным языкам требует некоторых уточнений. На основе анализа различных подходов к термину «контекст», принятых в лингвистической и психолого-педагогической науках, (Н.Н. Амосова, А.В. Бондарко, Ван Эк Я., А.А. Вербицкий, Е.Л. Доценко, И.А. Зимняя, В.Г. Калашников, М. Кенейл, И. Кечкеш, Б.А. Малинин, Б. Малиновски, С.Т. Нефедов, Н.А. Переверзева, М. Пинкаль, С. Савиньон, Т. Слама-Казаку, М. Свейн, Н.А. Соломка, А.А. Уфимцева, Дж. Р. Фёрс, М. Халлидей, Дж. Хармер, Е.В. Чернявская, Van Oers B.) в том числе понятия контекста, используемого в Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком (Common European Framework of Reference, CEFR (ОКВИЯ))², авторы исследования предлагают рассматривать экстралингвистический контекст (<http://taremark.narod.ru/les/238b.html>), при этом определять *социокультурный контекст учебника по неродному языку* как сферу использования, ситуации общения и темы коммуникации, в рамках которых репрезентируется изучаемый язык в учебнике и которые оказывают влияние на восприятие языка как средства коммуникации. Особый акцент в исследовании был сделан на коммуникативных ситуациях.

---

¹ Directorate-General for Communication (European Parliament), Directorate-General for Education, Youth, Sport and Culture (European Commission). Special Eurobarometer 386, Europeans and their Languages: Report. No EB77.1. European Commission, 2012. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/f551bd64-8615-4781-9be1-c592217dad83#> (дата обращения: 19.11.21).

² Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment. Strasbourg : Cambridge University Press, 2001. URL: <https://rm.coe.int/16802fc1bf> (дата обращения: 13.03.21).

В трактовках авторов, представляющих различные направления лингвистики и педагогической психологии (Е.Л. Доценко, И.А. Зимняя, ОКВИЯ, Б. Малиновски, М. Халлидей, Дж. Р. Фёрс), основными составляющими *коммуникативной ситуации* признаются количество коммуникантов, их ролевые отношения, круг обсуждаемых тем («о чем») и сферы общения, моральные и ценностные ориентиры, воздействующие на участников общения, внешние условия коммуникации — место, время, общественные и государственные институты, организации, оказывающие влияние на структуру и ход общения, а также наблюдаемая реакция коммуникантов на те или иные речевые акты [1. С. 159]. Данный подход к пониманию коммуникативной ситуации был положен в основу сравнительного анализа социокультурного контекста учебников.

Целью исследования стало выявление особенностей социокультурного контекста учебников по шведскому языку, используемых в общеобразовательных школах Финляндии, и учебников по удмуртскому языку, используемых в общеобразовательных школах Удмуртии, а также анализ социокультурных моделей учебников с точки зрения их соответствия интересам учащихся подросткового возраста и с точки зрения сбалансированного учета их настоящих и будущих коммуникативных потребностей.

Материалы и методы исследования. В качестве материала для анализа использовались электронные учебники по удмуртскому языку как неродному линейки «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» (удм. «Здравствуй, удмуртский язык!») для учеников 7—9-х классов, разработанные и изданные НИИ Национального образования Удмуртии в 2020 г.¹ В анализ также были включены электронные учебники по шведскому языку как миноритарному и неродному для учеников 7—9-го годов обучения серии Megafon (Megafon 2, Megafon 3), разработанные и изданные финским издательством Otava Utbildning в 2017 г.²

Выбор в качестве объекта исследования учебников для учащихся 7—9-х классов обусловлен тем, что, согласно статистике, в финноязычных школах Финляндии ученики, изучение шведского языка для которых является обязательным, делают выбор в пользу его изучения начиная с 7-го класса (реже — начиная с 3-го класса), при этом программа предусматривает изучение второго неродного языка до 9-го класса включительно³. В целях корректного сопоставления социокуль-

---

¹ НИИ национального образования Удмуртии, 2020. Зеч-а, бур-а, удмурт кыл! 7-тй класс: Удмурт кылэз тодйсьтэм пинальёслы учебник. Приложение Microsoft. НИИ национального образования Удмуртии, 2020. Зеч-а, бур-а, удмурт кыл! 8-тй класс: Удмурт кылэз тодйсьтэм пинальёслы учебник. Приложение Microsoft. НИИ национального образования Удмуртии, 2020. Зеч-а, бур-а, удмурт кыл! 9-тй класс: Удмурт кылэз тодйсьтэм пинальёслы учебник. Приложение Microsoft.

² Blom A., Friis M. Megafon 2, textbok. Otava, 2017. URL: <https://lararrum.otava.fi/> (дата обращения: 05.05.21). Blom A., Friis M. Megafon 3, textbok. Otava, 2017. URL: <https://lararrum.otava.fi/> (дата обращения: 05.05.21).

³ Østern, A., Harju-Luukkainen H., Ekholm S. The Swedish language in education in Finland 2nd edition. Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning, 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/331152662_The_Swedish_language_in_education_in_Finland_2nd_edition/citation/download (дата обращения: 13.11.21).

турного контекста учебников для исследования были выбраны учебники по удмуртскому языку также для учащихся 7—9-х классов.

В работе использован метод контент-анализа, в традиционном определении представляющий собой систематическую числовую обработку, оценку и интерпретацию формы и содержания информационного источника [2. С. 270].

В рамках данной работы в качестве единицы контент-анализа были выбраны «темы» в терминах Мангейма Дж. Б. и Рича Р.К.: «некоторое вполне определенное сочетание слов или понятий, оформленные во фразе, в предложении или в абзаце» [2. С. 274]. Были рассмотрены следующие темы, обсуждаемые в коммуникативных ситуациях: общение во взрослом обществе; общение со сверстниками; проекты глобального масштаба; решение нравственных проблем; отстаивание собственных интересов; мода, современные тенденции, новые технологии; интерес к внутреннему миру. Выбор данных тем основан на анализе литературы, посвященной вопросам возрастной психологии, в частности основополагающим потребностям учащихся подросткового возраста (Л.И. Божович, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Л.Ф. Обухова, Д.Б. Эльконин).

Учитывая, что контекстом ситуации речевого общения может служить и предлагаемая учащемуся деятельность¹, рассматривалось и содержание заданий с точки зрения действий ученика — индивидуальных либо в паре или группе — а также роли, которую берет на себя ученик при выполнении заданий.

Также были исследованы пересекающиеся или схожие учебные темы (главы), представленные в обеих линейках учебников: транспорт; досуг; мода, одежда, аксессуары; страны мира; природа, флора и фауна, экология; туристическая поездка; профессии, выбор работы; учеба. Кроме того, в исследовании были рассмотрены графические иллюстрации (фото, картинки).

Выбор схожих и пересекающихся учебных тем был сделан с учетом того, для какого года обучения предназначен каждый из учебников (так, темы, представленные в учебнике для 9-го класса, не сравнивались с темами в учебнике другой линейки для 7—8-х классов).

Анализируемые учебники удмуртского языка в совокупности обладают бóльшим объемом, чем учебники шведского (511 и 356 страниц соответственно), поэтому учитывалось не просто число упоминаний той или иной темы, а их доля в общем количестве ситуаций в данном учебнике.

Таким образом, сравнительный контент-анализ социокультурного контекста учебников был проведен в рамках девяти пересекающихся или схожих тем (транспорт; досуг и пр.), присутствующих в обеих линейках учебников, по пяти различным параметрам:

1) доля представленных в учебниках ситуаций общения, связанных со взаимодействием со сверстниками; с решением вопросов морали и нравственности; проектами глобального масштаба; самостоятельностью и индивидуальностью в получении знаний; модой, современными тенденциями и современными технологиями; ситуации взрослого общения;

---

¹ *Van Oers B. From Context to Contextualization // Learning and Instruction*. 1998. № 8. Vol. Pp. 473—488. URL: https://www.researchgate.net/publication/289963542_From_context_to_contextualizing (дата обращения: 19.10.21).

2) доля заданий/ситуаций, в которых ученик действует один, в паре или в группе;

3) доля ситуаций/заданий, в которых в той или иной форме выражаются реакции и/или эмоции, а также содержание данных эмоций и реакций;

4) роли, которые принимает ученик при выполнении различных заданий;

5) качественный анализ представленных тем коммуникации («о чем»), предметов (как реальных объектов действительности), иллюстраций, связанных с учебными темами.

Отметим особенности каждой из линеек учебников, которые необходимо учитывать при анализе и сравнении их социокультурного контекста. Линейка учебников по удмуртскому языку, рассчитана на период обучения с 1-го по 9-й класс, поэтому к 7-му классу от учеников ожидается более высокий уровень владения изучаемым языком, чем от изучающих шведский язык, линейка учебников по которому предназначена для преподавания с 6-го по 9-й классы. Возможно, с этим связано и большее тематическое разнообразие учебников «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!».

Так, учебники по удмуртскому языку предлагают учащемуся более богатый спектр жанров текстов, чем учебники серии *Megaфон*: стихотворения, рассказы удмуртских писателей, песни и др. В учебниках по шведскому языку также представлены фрагменты произведений художественной литературы и песни, однако далеко не всех из них связаны с анализируемой темой урока, в отличие от учебников по удмуртскому языку. Песни, рассказы и стихотворения, не связанные с анализируемыми темами, не рассматривались.

В учебниках удмуртского языка тематическая организация уроков однородна — все уроки в рамках одной главы посвящены одной общей теме, объединяющей главу в целом; в свою очередь, в учебниках серии *Megaфон*, наряду с основной лексической темой в каждом уроке также присутствует раздел, в большей мере содержащий региональный (общескандинавский) компонент, или раздел, посвященный социальной или бытовой теме, напрямую не связанной с лексической темой урока. В тех случаях, когда раздел, посвященный региональной или иной тематике, никак не был связан с основной лексической темой урока, он не включался в анализ.

В учебниках по удмуртскому языку представлены грамматические темы и задания по ним, а в учебниках по шведскому языку они отсутствуют (они представлены в других пособиях учебного комплекса), поэтому грамматические задания и связанные с ними коммуникативные ситуации не рассматривались.

Результаты

Сравнительный контент-анализ социокультурного контекста учебников по удмуртскому и шведскому языкам как неродным по пяти выделенным параметрам дал следующие результаты.

1. Доля представленных в учебниках ситуаций общения, связанных со взаимодействием со сверстниками, с решением вопросов морали и нравственности, проектами глобального масштаба, самостоятельностью и индивидуальностью в

получении знаний, модой, современными тенденциями и современными технологиями, ситуациями общения во взрослом обществе.

В данной части анализа за общее количество (100%) ситуаций взято совокупное число упоминаний ситуаций, актуальных для подростков (задания, в которых не представлены ситуации, актуальные для подростков, в анализ не включены). Если в задании представлено более одной ситуации общения (например, взаимодействие со сверстниками, проекты глобального масштаба), каждая из них учитывалась как отдельная (табл. 1). Здесь и далее в таблицах совокупность учебников Megafon 2, Megafon 3 (7—9-е классы) обозначена как «Шведский», совокупность учебников «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» для 7—9-х классов — как «Удмуртский».

Таблица 1 / Table 1

**Доля ситуаций общения, актуальных для подростков /
Percentage of communication situations that are relevant to adolescents**

Ситуация общения / Situations of communication	Шведский / Swedish	Удмуртский / Udmurt
Взаимодействие со сверстниками / Interacting with peers	64%	35%
Решение вопросов нравственности и морали / Addressing issues of morality and ethics	0%	2%
Проекты глобального масштаба / Projects of global scale	4%	14%
Самостоятельность и индивидуальность в получении знаний / Independence and individuality in acquiring knowledge	0%	23%
Мода, современные тенденции, современные технологии / Fashion, modern trends, modern technology	14%	9%
Ситуации взаимодействия во взрослом обществе / Interaction situations in adult society	18 %	17%
Всего / Total	100% (87)	100% (169)

2. Доля заданий/ситуаций, в которых ученик действует один, в паре или в группе.

В данном случае как значимые составляющие социокультурного контекста выделяются предлагаемая ученику деятельность и количество участников общения.

За общее количество (100%) ситуаций взято совокупное число всех заданий, представленных в рамках сопоставляемых учебных тем (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Доля заданий/ситуаций, в которых ученик действует один, в паре или в группе /
Percentage of tasks/situations in which the student performs alone, with a partner, or in a group**

Число учеников, участвующих в выполнении задания / Number of students participating in the task	Шведский / Swedish	Удмуртский / Udmurt
1 ученик / 1 student	5%	67%
2 ученика / 2 students	95%	18%

Окончание табл. 2 / End of the Table 2

Число учеников, участвующих в выполнении задания / Number of students participating in the task	Шведский / Swedish	Удмуртский / Udmurt
группа учеников / A group of students	0%	15%
Общее количество заданий/ситуаций / Total number of tasks/situations	100% (61)	100% (190)

3. Доля ситуаций/заданий, в которых в той или иной форме выражаются реакции и/или эмоции, а также содержание данных эмоций и реакций, отражающих интерес подростка к внутреннему миру — своему и других людей.

Из общего числа всех анализируемых заданий (61 ситуации в учебниках шведского языка и 190 — в учебниках удмуртского) число ситуаций/заданий, в которых в той или иной форме выражаются реакции и/или эмоции, составляет соответственно 28, или 46%; 66, или 35%.

Эмоции и реакции, представленные в учебниках по шведскому языку: восторг (2 раза), выражение отношения (10 раз, в том числе: положительного — 6 раз), выражение увлеченности и отвращения, желание (2 раза), любовь к чему-либо (4 раза), настроение, отдаваемые предпочтения (5 раз), отношения между людьми, поздравления, положительная реакция (4 раза), положительные пожелания, положительные эмоции (2 раза), похвала, проявление интереса (2 раза), радость (3 раза), сомнения, страх, удивление, честность, чувство поддержки, принятия.

Эмоции и реакции, представленные в учебниках по удмуртскому языку: важность (4 раза), восклицания, восхваление, восхищение (3 раза), выражение отношения (17 раз, в том числе: негативного — 3 раза, положительного — 7 раз), выражения народной мудрости, запрет, любовь (5 раз), надежда, негативная реакция (2 раза), нелюбовь, неприязнь, несогласие, одобрительная реакция (3 раза), озабоченность (2 раза), ответственность, отдаваемые предпочтения (2 раза), отсутствие интереса, очарование, предостережения, предписание, пренебрежение, проявление интереса (17 раз), радость (4 раза), согласие, сожаление (9 раз), теплые воспоминания, теплые чувства, трагизм, уважение, удивление (2 раза), умиление, эмоционально-красочное описание природных явлений (5 раз).

4. Роли, которые принимает ученик при выполнении различных заданий.

В данном случае в качестве значимой составляющей контекста выступает предлагаемая ученику деятельность.

За общее количество (100%) взято совокупное число всех ролей, которые принимает ученик при выполнении заданий в рамках сопоставляемых учебных тем (табл. 3), при этом в рамках одного задания ученик может принимать несколько ролей.

5. Представленные темы коммуникации («о чем», микротемы), предметы (как реальные объекты действительности), иллюстрации, связанные с представленными учебными темами.

Компоненты социокультурного контекста, «темы коммуникации» («о чем», микротемы) и «предметы» были сгруппированы с точки зрения репрезентации ситуаций прошлого, настоящего и будущего. В таблице 4 приведено соотношение их количества в каждой группе, а также количество графических иллюстраций.

Таблица 3 / Table 3

**Роли, которые принимает ученик при выполнении различных заданий /
Roles a student takes on various tasks**

Роль ученика / Roles of a student	Шведский / Swedish	Удмуртский / Udmurt
Ученик — исполнитель инструкций / Student — insruction follower	48%	24%
Креативный ученик / Creative student	4,5%	8%
Творец / Creative worker	0%	1,6%
Рассказчик / Storyteller	2%	6%
Исследователь / Researcher	0%	12,5%
Выступающий в принятой роли / Performing in an accepted role	10%	2%
Рассказывающий о себе / A person who speaks about him or herself	16%	2%
Ученик, решающий проблемную задачу / Problem solver	7,5%	8,5%
Участник викторины / Quiz player	5,5%	<1%
Высказывающий собственное мнение / Person presenting his or her own opinion	4,5%	18%
Сотрудник / Co-worker	0%	5%
Конкурент / Competitor	0%	<1%
Ученик, применяющий свои знания, опыт, логику / A student who applies his or her knowledge, experience, or logic	1%	5%
Участник игры / Participant in a game	1%	0%
Старший товарищ / Senior companion	0%	<1%
Переводчик / Translator	0%	<1%
Консультант / Consultant	0%	<1%
Узнающий о себе / A person discovering something new about him or herself	0%	<1%
Аналитик / Analyst	0%	<1%
Дискутирующий / Participant in a discussion	0%	<1%
Организатор / Organizer	0%	<1%
Общее количество ролей / Total number of roles	100% (93)	100% (304)

Таблица 4 / Table 4

**Соотношение ситуаций прошлого, настоящего и будущего и количество графических иллюстраций в сопоставляемых темах /
Ratio of past, present, and future situations and the number of graphic illustrations in the topics to be compared**

Тема / Topics	Транспорт / Transport		Кино / Cinema		Досуг / Leisure activities		Мода, одежда, аксессуары / Fashion, clothes, accessories		Страны мира / Countries in the world		Природа, флора и фауна, экология / Nature, flora and fauna, ecology		Туристическая поездка / Tourist trip		Профессии, выбор работы / Professions, choice of job		Учеба / Study, education	
	шв / swe	удм / udm	шв / swe	удм / udm	шв / swe	удм / udm	шв / swe	удм / udm	шв / swe	удм / udm	шв / swe	удм / udm	шв / swe	удм / udm	шв / swe	удм / udm	шв / swe	удм / udm
О чем (микротемы) / About what (Microtopics) Прошлое / Future	0% (0)	30% (3)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	7% (1)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	18% (2)	0% (0)	9% (8)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	3% (4)	0% (0)	18% (6)
Настоящее / Present	100% (5)	70% (7)	0% (0)	100% (5)	100% (5)	86% (11)	100% (7)	71% (5)	100% (10)	82% (9)	93% (14)	89% (81)	100% (7)	61% (11)	91% (10)	93% (128)	86% (24)	77% (33)
Будущее / Past	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	7% (1)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	7% (1)	2% (2)	0% (0)	0% (0)	9% (1)	4% (6)	14% (4)	5% (3)
Предметы / Items Прошлое / Future	0%	19% (6)	0% (0)	7% (1)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	30% (12)	8% (1)	3% (2)	0% (0)	1% (5)	0% (0)	5% (2)	0% (0)	0,8% (1)	0% (0)	8% (13)
Настоящее / Present	100% (20)	81% (25)	100% (21)	93% (13)	100% (14)	100% (46)	100% (36)	70% (28)	92% (12)	97% (62)	100% (59)	9% (393)	100% (29)	95% (35)	100% (27)	97,7% (120)	100% (15)	92% (33)
Будущее / Past	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	0% (0)	1,5% (2)	0% (0)	0% (0)
Число иллюстраций / Number of graphic illustrations	25	8	20	1	17	6	13	4	2	5	59	39	26	2	28	18	29	7

Обсуждение

Результаты сравнительного анализа учебников позволяют прийти к следующим выводам.

Некоторые аспекты социокультурного контекста в большей мере представлены в учебниках по шведскому языку, некоторые — по удмуртскому.

В учебниках по шведскому языку серии *Megaфон* намного шире в процентном отношении представлены ситуации взаимодействия со сверстниками. Менее активная ориентация на взаимодействие ученика со сверстниками в учебниках по удмуртскому языку серии «*Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!*» прослеживается и на основе сравнительного анализа доли ситуаций, в которых ученики выполняют задание самостоятельно, в паре или в группе. Учебники по удмуртскому языку ориентируют ученика главным образом на самостоятельную работу. Вместе с тем они предлагают учащимся групповую работу (15% заданий), формат которой не представлен в учебниках по шведскому языку.

Учитывая, что общение со сверстниками является ведущим видом деятельности и основной потребностью подростков [3. С. 386], можно сделать вывод о том, что учебники по шведскому языку в большей степени отражают данную потребность, чем учебники по удмуртскому, тогда как в последних более активно представлены ситуации другого типа, также важные для учащихся в подростковом возрасте, в частности, проекты глобального масштаба и самостоятельность и индивидуальность в получении знаний.

В обеих сериях в равной степени представлены ситуации взаимодействия во взрослом обществе, однако в учебниках по шведскому языку взрослые — это продавцы в магазине или турфирме, родители, старшие родственники (возможные партнеры реального взаимодействия для подростка), а в учебниках по удмуртскому языку в роли взрослых выступают известные писатели и ученые, профессионалы в различных областях, учителя, в меньшей степени — продавцы в магазинах и старшие родственники.

Сравнительный анализ репрезентации в учебниках эмоций и реакций показал, что доля таких ситуаций выше в учебниках *Megaфон*, однако спектр эмоций и реакций, репрезентированных в учебниках «*Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!*» значительно шире, что, как представляется, в большей степени отражает изменчивое и глубоко импульсивное психологическое состояние подростка, чем исключительно положительные эмоции и реакции, представленные в учебниках по шведскому языку. Вместе с тем в учебниках *Megaфон* значимо отражение таких важных для подростка реакций, как поддержка и принятие.

В отношении ролей, которые принимает учащийся при выполнении заданий, учебники удмуртского имеют, по нашему мнению, важное преимущество — ученику предлагается большое количество разнообразных ролей, ориентирующих его на самостоятельную работу, проявление своей индивидуальности, творческую деятельность (например, нужно самостоятельно при помощи различных источников найти информацию по определенному вопросу, сопоставить, проанализировать языковые явления). Учебники по шведскому языку предлагают учащемуся меньший спектр ролей, однако важная роль рассказывающего о себе представлена в них значительно шире.

Сравнительный анализ содержания учебных тем (глав) показывает значительную разницу в подходах авторов двух линеек учебников к ситуациям, в которых представлен изучаемый язык.

В учебниках серии *Megaфон* акцент сделан на актуальных для подростка ситуациях современной жизни, тогда как в учебниках серии «Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!» рассматриваются и ситуации, связанные с реалиями современной жизни, и ситуации, связанные с прошлым и национальной культурой (в теме транспорта — особенности Сибирского тракта и трагических событий, связанных с ним; в теме моды, одежды и аксессуаров — предметы традиционной одежды и использование элементов национального костюма в творчестве современных модельеров; в теме взаимоотношения человека и природы — художественные произведения, описывающие жизнь советской деревни; в теме учебы — обучение дьяконом удмуртских крестьян грамоте в XIX в.; в теме туристической поездки — отсылки к истории той или иной достопримечательности и т.д.).

Кроме того, учебники удмуртского языка больше сфокусированы на национальных и региональных особенностях в темах моды, стран мира (финно-угорские государства и их сравнение с Россией), чем учебники шведского, где репрезентация этих тем носит более универсальный характер и в большей степени может представлять интерес для обычного подростка.

В темах досуга, учебы, выбора профессии авторы учебников удмуртского языка больше сосредоточены на представлении широкого спектра хобби, образовательных возможностей, профессий, на практических аспектах выбора пути (что отвечает не только настоящим, но и будущим коммуникативным потребностям учащихся), чем авторы серии *Megaфон*, раскрывающие эти темы через ситуации повседневного общения со сверстниками или сопоставления мнения подростка и родителей.

В теме природы, флоры и фауны и экологии, более подробно раскрытой в учебниках по удмуртскому языку, активно обсуждаются актуальные проблемы экологии и защиты природы, практически не затрагиваемые в учебниках серии *Megaфон*. Можно предположить, что, являясь проектами глобального масштаба, они будут представлять отдельный интерес для учащихся в подростковом возрасте.

Заключение

Отвечая на поставленный вопрос о том, в каком социокультурном контексте представлены миноритарные языки в изучаемых учебниках и какие коммуникативные потребности подростков удовлетворяют данные учебники, можно сказать, что в учебниках серии *Megaфон* представлены такие потребности, как взаимодействие со сверстниками, взаимодействие во взрослом обществе, потребность в следовании моде и современным тенденциям, изучаемый язык представлен в контексте повседневного общения, бытовых ситуаций, реалий современной жизни, а также большего, чем в учебниках по удмуртскому, количества иллюстраций.

В свою очередь, в учебниках по удмуртскому языку представлены такие потребности, как самостоятельность и индивидуальность в получении знаний, потребность в проектах глобального масштаба и взаимодействии во взрослом обще-

стве, изучаемый язык представлен в ситуациях высказывания широкого спектра эмоций и реакций в контексте как реалий современной жизни, так и истории, национальной культуры, литературы, в то же время в учебниках прослеживаются темы, связанные с будущим.

Учебники по шведскому языку в большей степени ориентированы на ситуации повседневного общения, на обсуждение ситуаций, актуальных для подростков, тогда как учебники по удмуртскому языку предлагают учащемуся богатое жанровое разнообразие, обсуждение исторических вопросов, произведения художественной литературы, в них прослеживается связь с другими предметами школьной программы. Данное различие может быть обусловлено разницей в предполагаемом уровне владения изучаемым языком.

В целом учебники шведского языка серии *Megaфон* ориентированы на интересы и потребности более широкого круга подростков, тогда как учебники удмуртского языка серии «*Зеч-а, бур-а, удмурт кыл!*» в большей мере ориентируются на коммуникативные потребности группы подростков с исследовательской направленностью, интересующихся историей, вопросами филологии и географии, сознательно выстраивающих жизненные перспективы (добавим, поддерживаемых родителями, поскольку именно родители решают, изучать ли факультативно предмет в 1-м классе).

Представляется, что для повышения интереса учащихся-подростков к изучению миноритарного языка как неродного необходимо наряду с учебниками, ориентированными на таких учеников, предложить и учебники, ориентированные на максимально широкий круг учащихся подросткового возраста, которые выбирают факультативы самостоятельно. Учебники будут более привлекательными для обучающихся, если они в большей степени будут учитывать такие психологические коммуникативные потребности учащихся, как взаимодействие со сверстниками и следование моде, современным тенденциями и технологиям. Фактором, способствующим более сбалансированному учету их коммуникативных потребностей, мог бы стать социокультурный контекст учебников по данному языку, в рамках которого представлены ситуации, связанные с явлениями настоящего и будущего, содержащие ограниченное количество отсылок к прошлому и явлениям традиционной культуры, а также в большей степени представлены ситуации, связанные с реалиями современной жизни и бытовым общением.

Список литературы

1. *Зимняя И.А., Мазаева И.А., Лантева М.Д.* Коммуникативная компетентность, речевая деятельность, вербальное общение. М.: Аспект Пресс, 2020.
2. *Мангейм Дж. Б., Рич Р.К.* Политология. Методы исследования / пер. с англ.; предисл. А.К. Соколова. М.: Весь мир, 1997.
3. *Обухова Л.Ф.* Возрастная психология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013.

References

1. Zimnyaya, I.A., I.A. Mazaeva and M.D. Lapteva. 2020. *Kommunikativnaya kompetentnost', rechevaya deyatel'nost', verbal'noe obshchenie*. Moscow: Izdatel'stvo "Aspekt Press" publ. Print. (In Russ.).

2. Manheim, J.B., and Rich R.C. 1997. *Politologiya. Metody issledovaniya*. Translated by A. Sokolova. Moscow: Ves' mir publ. Print. (In Russ.)
3. Obuhova, L.F. 2013. *Vozrastnaya psikhologiya: uchebnik dlya bakalavrov*. Moscow: Izdatel'stvo Yurait publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Лаптева Марина Дмитриевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры английского языка МГИМО-Одинцово. E-mail: mdlapteva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0381-2413

Эясу Семен Тедросович — выпускник магистерской программы «Методика подготовки переводчиков для международных организаций» МГИМО. E-mail: ehy-semen@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6937-0091

Bio Notes:

Marina Dmitrievna Lapteva is a Candidate of psychology, Associate professor, English Language Department, MGIMO-Odintsovo. E-mail: mdlapteva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0381-2413

Semyon Tedrosovich Eiassu is a graduate of “Pedagogy of Training Interpreters for International Organizations” Master’s program at MGIMO. E-mail: ehy-semen@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6937-0091

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-708-714

Научная статья

Академическая презентация в формате PechaKucha — профессиональная составляющая студентов-билингвов в условиях сетевой коммуникации

А.А. Васильева

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76
 Vasilyeva_aa_mgimo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу интерактивных технологий на занятиях по русскому языку как иностранному в условиях сетевой коммуникации, расширившей поле традиционных практик и ставшей новой образовательной средой. Рассматривается применение формата PechaKucha в рамках обучения русскому языку как иностранному. Применение подобных современных образовательных технологий является эффективной и подходящей формой организации учебного процесса. Актуальность темы исследования обусловлена стремительно развивающимися информационными технологиями, позволяющими успешно обучать студентов-билингвов академическим навыкам и способствующими подготовке автономного студента. В работе были использованы следующие методы: общенаучный метод, метод сравнительного анализа, описательный метод, включающий прием наблюдения, интерпретации, обобщения, а также экспериментальные методы. Показаны результаты применения академической презентации в формате PechaKucha как особого формата трансляции нового научного знания. Представленный формат применялся при подготовке студентов к научно-практической конференции.

Ключевые слова: публичное выступление, академическая презентация, формат PechaKucha, сетевая коммуникация, студенческая конференция

История статьи: поступила в редакцию 04.07.2022; принята к печати 04.09.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Васильева А.А. Академическая презентация в формате PechaKucha — профессиональная составляющая студентов-билингвов в условиях сетевой коммуникации // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 708–714. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-708-714

© Васильева А.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Academic Presentation in PechaKucha Format is a Professional Component of Bilingual Students in an Online Communication Environment

Anna A. Vasileva

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation
 Vasilyevaaa_mgimo@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of interactive technologies in Russian as a foreign language classes in the conditions of network communication, which expanded the field of traditional practices and became a new educational environment. This article considers the application of PechaKucha format within the framework of teaching Russian as a foreign language. The application of such modern educational technologies is an effective and appropriate form of organizing the educational process. The relevance of the topic of the study is due to the rapidly developing information technologies that allow successful training of bilingual students in academic skills and contribute to the training of an autonomous student. The following methods were used in the work: general scientific method, comparative analysis method, descriptive method, including the method of observation, interpretation, generalization, as well as experimental methods. The article attempts to show the results of applying the academic presentation in the PechaKucha format as a special format of translating new scientific knowledge on the basis of our own experience. The presented format was used when preparing students for a scientific and practical conference.

Key words: public speaking, academic presentation, PechaKucha format, networking, student conference

Article history: received 04.07.2022; accepted 04.09.2022

Conflict of interests: none

For citation: Vasileva, A.A. 2022. “Academic Presentation in PechaKucha Format is a Professional Component of Bilingual Students in an Online Communication Environment”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 708—714. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-708-714

Введение

Интернет-эпоха привела к экспансии письменного языка. По сути, сегодня письменная речь приобретает некую «устность». В связи с активным внедрением дистанционных методов и форм обучения существует острая необходимость в формировании академической грамотности студентов-билингвов, в частности навыков академической презентации, в условиях сетевого обучения. Академическая грамотность — метапредметная компетенция, основанная на интеграции традиционного знания, коммуникативных, когнитивных и мировоззренческих умений [1. С. 58—64]. Безусловно, эти умения необходимы для формирования конкурентоспособных специалистов, планирующих работать в научно-профессиональной сфере и стремящихся достичь признания вне стен университета.

Обсуждение

Традиционное определение методической системы можно найти в трудах А.М. Пышкало: «Методическая система являет собой структуру, компонентами которой являются цели обучения, содержание обучения, методы обучения, формы и средства обучения» [2. С. 7]. Безусловно, любая теоретическая модель обучения строится на совокупности иерархически взаимосвязанных компонентов. Следует сказать, что проблеме освоения новых информационных технологий не уделяется должного внимания: отсутствует системный подход к изучению интернет-технологий, слабо выражены межпредметные связи, не прослеживается необходимая ориентация на решение профессиональных задач, недостаточно изучены методические и теоретические аспекты использования информационно-коммуникативных технологий. В настоящее время необходимы не только базовые знания по коммуникации, но и умения и навыки продуктивного использования информационных ресурсов.

Поскольку в рамках данного исследования интерес представляет академическая коммуникация в электронной среде, важно отметить, что до сих пор в мировом сообществе не существует единой точки зрения на понимание сущности и особенностей обучения в электронной среде. Одни исследователи считают, что различия между формами обучения в электронной среде и традиционными формами обучения не существует [3. С. 195—205], другие утверждают, что обучение в электронной среде представляет собой новую парадигму образования [4; 5]. Отметим, важным элементом обучения в электронной среде становится не только организация учебного процесса, но и сама методология, отличающаяся от традиционной.

Сетевая информационная насыщенность привела к тому, что у студентов-билингвов открылся доступ к многочисленным ресурсам. Но о возросшей необходимости в критическом анализе отобранного материала не стоит забывать. Изменилась сама коммуникация. Зарубежные исследователи сходятся на том, что на смену пассивной аудитории приходит интерактивная. Как отмечает Илана Снайдер (Iana Snyder), сегодня ключевую роль играет *личная* позиция, основанная на *собственных* знаниях [6. С. 173—183]. Дополним высказанную мысль точкой зрения Джеймса Камминса (James Cummins), профессора Института исследований в области образования Онтарио Университета Торонто. Исследователь утверждает, что навыки грамотности XXI в. в значительной степени зависят от овладения новыми технологиями [7]. Стоит признать, что сетевое общение, использование информационно-коммуникационных технологий открывают доступ к образованию, профессиональной подготовке и учебным ресурсам, а также возможности для самообучения. Надлежащее использование технологий, подготовка студентов-билингвов к анализу критической интерпретации имеют основополагающее значение для будущих выпускников. Все эти процессы, по мнению Б. Грина (B. Green), носят глобальный и необратимый характер [8]. Подобная точка зрения прослеживается в трудах ведущих российских ученых. Так, проф. Иванова С.В. видит стимул обучения в умелой мотивации студентов, осознании

их собственных интересов и потребностей, а также в использовании собственного опыта [9. С. 18—20]. Российский ученый-педагог А.М. Новиков считал необходимым создать для выпускников условия для продолжения образования в вузах по заочной, вечерней, а также открытой дистанционной и другим формам обучения [10]. Очевидно, во главу угла ставится дискуссионный, личностно-ориентированный характер образования.

Таким образом, на смену печатному слову, проверенному и одобренному научной цензурой, приходит потребность в открытом обсуждении и обосновании собственных выводов. Иными словами, сетевая коммуникация опирается на свободу выражения мысли учащихся. Отношения между студентом и преподавателем становятся более партнерскими.

Стоит признать тот факт, что сетевая коммуникация все же имеет некоторые преимущества. Традиционные методы организации учебного процесса нуждаются в интегрировании в виртуальную образовательную среду. Использование интернет-ресурсов стало нормой и стандартной международной практикой. Подобная трансформация позволяет разнообразить обучение, перенести часть занятий в онлайн-пространство, а также не требует постоянного физического присутствия студента и преподавателя в аудитории.

Остановимся на возможностях, которые открывают информационно-коммуникативные технологии любому преподавателю. Среди прочих «новшеств» академическая презентация является тем форматом, который обеспечивает решение реальных, значимых для студента коммуникативных задач. *Академическая презентация* представляет собой «текст, оформленный как комплексный монолог с элементами диалогизации, в котором перед докладчиком стоит задача представления новых знаний, расширяющих культурный, научный и общественно-политический кругозор слушателей» [11. С. 72]. Академическая презентация отражает этапы мыслительной деятельности: определение целей и задач выступления, тематики исследования, выдвижение гипотезы, поиска научного материала, доказательства и проч. Главным свойством академической презентации является ее полимодальность, т.е. «одновременное использование различных коммуникативных элементов, таких как устная и письменная речь, жесты и мимика лектора или докладчика, разнообразные способы визуализации проецируемой информации, а также видео- и аудиодокументы» [12. С. 40]. По сути, академическая презентация совмещает языковую, визуальную и кинестетическую модальности. При этом роль преподавателя меняется, поскольку он перестает быть центральной фигурой.

Использование на занятиях по русскому языку как иностранному современных образовательных технологий позволяет студентам-билингвам приобщиться к социальному опыту, решить поставленные задачи и др. Рассмотрим особенности новой организации учебных занятий — формат *РешаКуча*.

При непосредственной передаче материала объем транслируемого материала, как правило, выходит за рамки отведенного на выступление времени по причине максимальной детализации изложения материала. Одной из форм проведения презентации является *Реша Куча* (яп. ぺちゃくちゃ), что в переводе означает «болтовня».

В 2003 году Астрид Кляйн (Astrid Klein) и Марк Дитэм (Mark Dytham) из токийского бюро Klein Dytham Architecture (KDA) провели краткую презентацию своей идеи. Формат 20 × 20 получил популярность в Европе и стал частью интеллектуальных вечеринок. Выступающие представляют доклад-презентацию, состоящую из 20 слайдов, каждый из которых демонстрируется 20 секунд. Слайды переключаются автоматически. Таким образом, общая продолжительность выступления составляет 6 минут 40 секунд. Безусловно, формат PechaKucha имеет ряд преимуществ. Выделим следующие:

- знакомство присутствующих с большим количеством информации за короткое время;
- четкое, краткое изложение материала;
- синхронизация речи с визуальным рядом при смене слайдов;
- подготовленность речи.

Таким образом, формат PechaKucha — методология представления кратких докладов-презентаций, специально ограниченных по времени и объему содержания.

Важное значение в подготовке современных специалистов имеет такая форма педагогического процесса, как научно-практическая конференция. Ежегодные научные студенческие конференции — важный этап в организации исследовательской деятельности студентов-билингвов. Научное руководство, подготовка студентов к публичному выступлению в рамках проведенного исследования укрепляет не только научное, но и педагогическое сотрудничество студента и преподавателя. Как отмечает А.В. Куприянов, «человек, имеющий опыт исследовательской работы, более творчески подходит к решению задач, встающих перед ним в профессиональной деятельности, и активнее адаптируется к новым карьерным возможностям» [13. С. 31—32].

Студенты-билингвы, обучающиеся в университете МГИМО МИД России, активно принимают участие в международных научно-практических конференциях. Так, например, 5 апреля 2021 г. в МГИМО МИД России в очно-заочном формате состоялась VI Международная студенческая научно-практическая конференция «Роль русского языка в международных отношениях», организованная кафедрой русского языка. В работе конференции приняли участие студенты бакалавриата, магистратуры, аспиранты ведущих вузов: МГИМО МИД России, МГУ им. Ломоносова, Университета Корё, СПбГУ, РГУП, ТвГУ и др. Студенты нашего университета имели возможность в рамках отведенных занятий подготовить свои доклады-презентации. Стоит отметить, что использование формата PechaKucha позволило подготовить студентов-билингвов к блестящему выступлению. Визуальное насыщение научного исследования сделало выступления яркими, убедительными, что, в свою очередь, способствовало интенсификации процесса его понимания и усвоения слушателями. Доклады вызвали большой интерес со стороны присутствующих, о чем свидетельствуют вопросы, заданные после выступления. Другими словами, творческая деятельность активизируется в благоприятной атмосфере, при доброжелательных оценках со стороны преподавателей, поощрения в поиске оригинальных идей.

Заключение

Известно, что любой процесс становится управляемым, если между средством и управляемым объектом существует прямая и обратная связь. Следовательно, для активизации процесса обучения необходимо применять такие методы обучения, которые имели бы обратную связь. Использование в практике преподавания русского языка как иностранного в рамках подготовки студентов-билингвов к научно-практической конференции в формате *ReshaKucha* дает положительные результаты, способствует созданию комфортных условий в аудиторной среде, формированию языковой компетенции. В контексте развития практико-ориентированных образовательных программ формат *ReshaKucha* представляется перспективным, поскольку направлен на отработку профессиональных и научно-практических навыков и умений студентов-билингвов. Непосредственное участие в подобных конференциях предоставляет возможность презентовать себя, свои исследования, профессиональные и личностные качества, а также возможность опубликовать свою статью в печатном или электронном сборнике материалов научной конференции.

Список литературы

1. *Смирнова Н.В.* Академическая грамотность и письмо в вузе: от теории к практике // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 58—64.
2. *Пышкало А.М.* Методическая система обучения геометрии в начальной школе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. 1975.
3. *Tyler T.R.* Is the Internet changing social life? It seems the more things change, the more they stay the same // *Journal of Social Issues*. 2002. Vol. 58(1). P. 195—205.
4. *Данильчук Е.В.* Информационные технологии в образовании: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. специальностям. Волгоград: Перемена, 2002.
5. *Тузлукова В.И.* Международная педагогическая терминология: теория, практика, перспективы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. 2002.
6. *Snyder I.* Communication, imagination, critique — literacy education for the electronic age // *Silicon Literacies: Communication, Innovation and Education in the Electronic Age*. London UK: Routledge, 2002. P. 173—183.
7. *Cummins J., Brown K., Sayers D.* Literacy, technology, diversity: teaching for success in changing times. Allyn & Bacon, 2007.
8. *Green B., Beavis C.* Literacy in 3D: An integrated perspective in theory and practice // Australian Council for Educational Research. Victoria: ACER Press, 2012.
9. *Иванова С.В.* Методологические проблемы философии образования и дидактики в эпоху «перемен» // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2015. № 4. С. 18—29.
10. *Новиков А.М.* Постиндустриальное образование. М.: Эгвес, 2008.
11. *Иванова С.Ф.* Специфика публичной речи. М.: Дело, 2001.
12. *Dynkowska M., Lobin H., Ermakova V.* Erfolgreich präsentieren in der Wissenschaft? Empirische Untersuchungen zur kommunikativen und kognitiven Wirkung von Präsentationen // *Zeitschrift für angewandte Linguistik*. 2012. P. 33—65.
13. *Куприянов А.В.* «Академическое письмо» и академическая жизнь: опыт адаптации курса в недружественной институциональной среде // Высшее образование в России. 2011. № 10. С. 31—32.

References

1. Smirnova, N.V. 2015. "Akademicheskaya gramotnost' i pis'mo v vuze: ot teorii k praktike". *Vysshee obrazovanie v Rossii* 6: 58—64. Print. (In Russ.)
2. Pyshkalo, A.M. 1975. "Metodicheskaya sistema obucheniya geometrii v nachal'noj shkole". Doctoral Thesis. 60 p. Print. (In Russ.)
3. Tyler, T.R. 2002. "Is the Internet changing social life? It seems the more things change, the more they stay the same". *Journal of Social Issues* 58(1): 195—205.
4. Danil'chuk, E.V. 2002. *Informacionnye tekhnologii v obrazovanii: Ucheb. Posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po ped. spetsial'nostyam*. Volgograd: Peremena. Print. (In Russ.)
5. Tuzlukova, V.I. 2002. "Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya terminologiya: teoriya, praktika, perspektivy": Doctoral Thesis. 46 p. Print. (In Russ.)
6. Snyder, I. 2002. "Communication, imagination, critique — literacy education for the electronic age". *Silicon Literacies: Communication, Innovation and Education in the Electronic Age*. London UK: Routledge. Pp. 173—183. Print.
7. Cummins, J., Brown K., Sayers, D. 2007. *Literacy, technology, diversity: teaching for success in changing times*. Allyn & Bacon. Print.
8. Green, B., Beavis, C. 2012. "Literacy in 3D: An integrated perspective in theory and practice". Australian Council for Educational Research. Victoria: ACER Press. Print.
9. Ivanova, S.V. 2015. "Metodologicheskie problemy filosofii obrazovaniya i didaktiki v epohu 'peremen'". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 20. Pedagogicheskoe obrazovanie* 4: 18—29. Print. (In Russ.)
10. Novikov, A.M. 2008. *Postindustrial'noe obrazovanie*. Moscow: Egves. Print. (In Russ.)
11. Ivanova, S.F. 2001. *Specifika publichnoy rechi*. Moscow: Delo. Print. (In Russ.)
12. Dynkowska, M., Lobin H., Ermakova, V. 2012. "Erfolgreich präsentieren in der Wissenschaft? Empirische Untersuchungen zur kommunikativen und kognitiven Wirkung von Präsentationen". *Zeitschrift für angewandte linguistik*. P. 33—65. (In Ger.)
13. Kupriyanov, A.V. 2011. "Akademicheskoe pis'mo i akademicheskaya zhizn': opyt adaptacii kursa v nedruzhestvennoj institucional'noj srede". *Vysshee obrazovanie v Rossii* 10: 31—32. (In Russ.)

Сведения об авторе

Васильева Анна Александровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. E-mail: Vasilyeva_aa_mgimo@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9064-8534
SPIN-код: 6897-0178

Bio Notes

Anna Alexandrovna Vasileva is a Candidate in Philology, Senior lecturer of the Russian language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: Vasilyeva_aa_mgimo@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9064-8534
SPIN-code: 6897-0178

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-715-723

Научная статья

Устойчивость знаний и навыков в процессе обучения второму языку: создание системы развернутого интегративного контроля для начального этапа обучения

М.Н. Аникина

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел РФ,

Российская Федерация, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76

✉ m.n.anikina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена поиску новых подходов и форм контроля усвоения знания учащих на начальном этапе в рамках мировоззренческого подхода к обучению русскому языку как иностранному. На основе анализа существующих форм и видов контроля сделан вывод о неполном их соответствии целям обучения живому общению на русском языке. Основная проблема — отсутствие мотивации для формирования устного или письменного высказывания. Тематический принцип организации контроля усвоения навыков слушания / говорения устарел, он не отражает специфику современного межличностного общения, в том числе социально обусловленного. На основании данного вывода в статье изложены подходы к созданию развернутой всеобъемлющей системы контроля, нацеленной, с одной стороны, на проверку (control) навыков свободного общения, а с другой — на психологическое стимулирование (psychological boost) общения. Автор предлагает собственную методику контроля, которая базируется на нелинейном, ризоматическом подходе к освоению знаний. Такая методика способна дать обучающимся не только возможность закрепить пройденный материал, но и повысить общий уровень его мотивации к изучению русского языка.

Ключевые слова: система контроля, обучение русскому языку как иностранному, цель обучения, общение, мотивация, психологический стимул

История статьи: поступила в редакцию 24.04.2022; принята к печати 04.10.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Аникина М.Н. Устойчивость знаний и навыков в процессе обучения второму языку: создание системы развернутого интегративного контроля для начального этапа обучения // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 715–723. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-715-723

© Аникина М.Н., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Second Language Acquisition: System of Extended Integrative Control for Linguistic Knowledges and Communication Skills Sustainability

Marina N. Anikina

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation
✉ m.n.anikina@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the search for new approaches and forms of control over the assimilation of students' knowledge at the initial stage within the framework of a worldview approach to teaching Russian as a foreign language. Based on the analysis of existing forms and types of control, a conclusion was made about their incomplete compliance with the goals of teaching live communication in Russian. The main problem is the lack of motivation to form an oral or written statement. The thematic principle for the organization of control over the assimilation of listening / speaking skills is outdated, it does not reflect the specifics of modern interpersonal communication, including socially conditioned one. Based on this conclusion, the article outlines approaches to the creation of an expanded comprehensive control system aimed, on the one hand, at testing (control) skills of free communication, and, on the other hand, at psychological stimulation (psychological boost) of communication.

Key words: control system, teaching Russian as a foreign language, learning goal, communication, motivation, psychological boost

Article history: received 24.04.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Anikina, M.N. 2022. "The Second Language Acquisition: System of Extended Integrative Control for Linguistic Knowledges and Communication Skills Sustainability". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 715—723. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-715-723

Введение

Современный мир все больше и больше становится миром плюрилингвального общения. Процесс «плюрилингвации» активно разворачивается на наших глазах, наглядно демонстрируя многообразие путей и способов приобретения нового языка для разноуровневого и разноцелевого общения. В немалой степени триггером данного процесса стало резкое усиление миграционного потока из стран Ближнего Востока, Африки и Азии в Европу в 2010-х гг. Различные способы овладения вторым языком обуславливали, соответственно, и различное качество владения новым языком. Зачастую языковой и речевой репертуар может ограничиваться самыми простыми фразами без соблюдения каких-либо грамматических норм. Вполне возможно представить случаи, когда для выполнения тех

или иных задач этого репертуара вполне достаточно. Однако как только человек начинает претендовать на свою правовую легализацию в стране, в которой приобретаемый язык является государственным, у него автоматически возникает необходимость в легализации качества владения данным языком. Эта необходимость возникает всегда, когда человек претендует на получение гражданства либо получает образование на иностранном языке (чаще всего в другой стране) и в некоторых других ситуациях. В этих случаях он должен будет пройти государственную систему тестирования с целью получения сертификата на уровень владения тем или иным иностранным языком. Разноцелевая правовая легализация будет достигнута / не достигнута в зависимости от успешности / неуспешности сертификации. Очевидно, что роль системы контроля и оценки языковых знаний и речевых навыков исключительно важна. Соответственно, и требования к качеству тестовых материалов и к объективности оценки знаний постоянно растут. Это хорошо видно на примере деятельности Европейской ассоциации экзаменационных советов по иностранным языкам (ALTE), которая проводит огромную работу по приведению различных подходов к тестированию к единым требованиям, уточняя, совершенствуя и оттачивая их. В апреле 2021 г. состоялся I Международный цифровой симпозиум, на котором обсуждался широкий спектр актуальных вопросов, связанных с инновациями в области определения, описания и характеристики компетенций, а также критериев оценки знаний и навыков. Результаты работы ALTE способствуют совершенствованию Общеввропейских компетенций владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка (Common European framework of reference for languages: learning, teaching, assessment (CEFR)), что нашло свое отражение в публикации 2018 и 2020 гг. двух дополнительных томов (Companion volumes CEFR). В них представления о компетенциях владения вторым языком и их содержании значительно расширены и конкретизированы [1]. Кроме этого, ориентиром и неоценимым помощником для работающих в этой области является еще одна работа ALTE, а именно Руководство для разработчиков тестовых заданий (ALTE Materials for the guidance of test item writers), в котором четко изложены требования к тестам и представлены разные типы заданий [2].

Если анализировать современное состояние российской системы тестирования, то заметно ее отставание от мировых достижений в этой области. Продолжать сохранять status quo невозможно, это понимают все больше специалистов, вовлеченных в сферу языкового тестирования. В последнее время в научной литературе и на конференциях все чаще появляется критическое осмысление отечественной системы тестирования и звучат призывы к ее изменению и приближению к европейским требованиям и стандартам. Однако что касается практических шагов, которые были бы направлены на разработку и внедрение пакетов контролируемых заданий по конкретным видам речевой деятельности, то здесь говорить об ощутимых сдвигах пока не приходится.

И если тестирование на уровень владения — это отдаленная перспектива для изучающих второй язык, то непосредственный процесс обучения — это повседневность, которая остро нуждается в актуальных контрольных и тестовых зада-

ниях с разным шагом для проверки приобретаемых учащимся знаний и навыков. В связи с этим возникла идея предложить собственное видение единой эффективной системы контроля на начальном этапе обучения русскому языку как второму. Целью данной статьи является обоснование и представление современной развернутой системы контроля лексико-грамматических знаний и речевых навыков на начальном этапе изучения русского языка как иностранного, учитывающей последние тенденции в этой области.

Выбор начального этапа неслучаен. Во-первых, автор много лет занимается созданием учебных материалов для начального этапа в рамках единого мировоззрения и единой цели обучения. Во-вторых, именно на начальном этапе регулярный контроль и самоконтроль является жизненно необходимыми, поскольку это стадия первоначального вхождения в новую языковую и речевую реальность, на которой происходит формирование качества и поступательное развитие лексико-грамматических знаний и навыков владения свободной речью. Систематичность отслеживания, оценки и коррекции приобретаемых знаний и навыков — это, по сути, единственный способ заложить языковую чистоту и свободу аутентичного общения. В-третьих, ценность рутинного контроля состоит еще и в том, что, дисциплинируя и мотивируя обучение / изучение, он становится ценной привычкой обоих взаимосвязанных и взаимозависимых участников процесса — ученика и преподавателя. Да, получение сертификата, который подтвердит владение русским языком на уровнях А2 / В1, существует в далекой перспективе либо такая необходимость отсутствует вовсе. Тем не менее для быстроты и психологического комфорта прохождения тестовых испытаний человек должен находиться в рутине контроля и самоконтроля на всем протяжении начального этапа. И это еще один очевидный, хотя и не приоритетный плюс «привычки контроля».

Значимой и весомой особенностью системы контроля является и то, что она может применяться вне зависимости от мировоззрения преподавателя на процесс обучения, которое играет решающую роль в организации процесса [3]. В этом смысле контроль в силу его объективного характера можно рассматривать как «надмировоззренческую» составляющую обучения. Система контроля, если и определяется субъективными характеристиками личности преподавателя как носителя психотипа, с одной стороны, и индивидуальных профессиональных установок — с другой, то в самой малой степени. Единственное условие — это установка на цель обучения: свободное полноценное живое общение на грамматически правильном русском языке. Соответственно, разработка такой системы контроля, которая, во-первых, может использоваться при любом подходе к обучению и вне зависимости от применяемого учебного средства, обеспечивая при этом единую цель обучения — свободное общение; во-вторых, учитывает новые подходы и требования к созданию контрольных заданий, изложенные в вышеуказанных дополнительных томах CEFR и в Руководстве для разработчиков тестовых заданий; в-третьих, эффективно готовит к сдаче теста на уровень владения А2, стала нашей целью и цель эта была в полной мере реализована.

Развернутый контроль на начальном этапе обучения в свете современных мировых тенденций

При создании практического продукта мы ориентировались на последние тенденции в области разработки тестовых и контрольных заданий с поправкой на разницу преследуемых в том и в нашем случае целей, а также с учетом особенностей избранного этапа обучения. Остановимся на этом подробнее.

1. *Факт.* Наблюдается постепенный отход от традиционного способа проверки знаний в области лексики и грамматики с помощью лексико-грамматических тестов. Это обусловлено тем, что тест не всегда служит надежным способом проверки знаний в силу значительной зависимости от фактора случайности. Помимо этого, данный вид проверки является искусственным, поскольку не связан с порождением речи, ради чего, собственно, и происходит овладение новым языком.

Результат. При сохранении данной формы контроля как дани традиции в книгу включены альтернативные формы. Помимо этого задания на проверку навыков говорения / общения разработаны таким образом, чтобы навык свободного владения лексико-грамматическим материалом был продемонстрирован на экзамене (контрольном занятии) в процессе спонтанного порождения речи.

2. *Факт.* Нарастает тенденция к проведению интегративного тестирования. Внедрение интегративного тестирования обусловлено пониманием того факта, что изолированное тестирование по отдельным видам речевой деятельности — это вынужденная мера и искусственное построение, так как в применении языка для конкретных целей сложно найти ситуацию, в которой был бы востребован только один вид деятельности.

Результат. Для разделов «Аудирование», «Чтение», «Говорение / общение», «Письмо» были созданы интегративные задания, которые позволяют провести проверку и оценку правильности, свободы и аутентичности владения всем комплексом знаний и навыков.

3. *Факт.* Очевидна установка на максимальное отстранение тестера от роли партнера учащегося в процессе контроля навыков говорения / общения. Это связано, с одной стороны, с тем, что задача тестера — управление процессом контроля и оценка, что требует максимальной концентрации, а с другой — возможное влияние тестера-участника на результат устного высказывания учащегося. Влияние может быть как осознанным, так и неосознанным, однако в любом случае оно носит негативный характер и не способствует объективности оценки.

Результат. В книге, с одной стороны, сохраняется ограниченное количество традиционных заданий с активной ролью тестера как участника, с другой — предлагается широкий спектр заданий на проверку навыков говорения / общения для парной работы «ученик — ученик», а также для групповой работы «ученик — ученик — ученик». Естественно, что при прохождении контроля пары учащихся должны составляться с учетом достигнутого ими уровня владения. В противном случае усиление негативного фона нервозности и фрустрации для очевидно более слабого участника испытания неизбежно.

4. *Факт.* Медиация — особый вид деятельности, который имеет большее значение, однако начальный этап не предусматривает обучение навыкам медиации

в силу ограниченного набора лексических и грамматических средств. Считаем тем не менее, что учебный потенциал начального этапа выше, той данности, что зафиксирована в Стандарте, Программе и Лексическом минимуме для уровня владения А2¹. Предполагаем, что их пересмотр и коррекция — дело времени. Тем не менее в нашей работе данный факт не стал ограничением, поскольку в учебном комплексе «Лестница: контроль от А до Я» [4] лексический состав скорректирован и включает в себя пусть и небольшой, но достаточный запас слов и выражений для первоначального закладывания навыков медиации на этапе А2.

Результат. Для итогового контроля на проверку навыков медиации предлагается задание в посильной для данного этапа обучения форме.

В основе создания развернутой системы контроля знаний и умений на начальном этапе лежат несколько принципов, которые исходили из цели обучения и которые определили структуру, содержание и форму контроля. К ним относятся: 1) систематичность, 2) полнообъемность, 3) многомерность, 4) универсальность, 5) ориентация на личность, 6) аутентичность, 7) проблемность, 8) разнообразие, 9) подвижность и гибкость. Внутренняя логическая систематизация принципов позволяет сгруппировать их в три равноценных и взаимосвязанных блока.

Блок 1 можно условно назвать «мировоззренческим», он объединяет принципы 1—5. Блок 2 можно определить как «содержательный», в него включены принципы 6 и 7. Блок 3, содержащий принципы 8 и 9, можно отнести к «пользовательскому».

В свою очередь, указанные принципы определили особенности и подходы к созданию конкретного продукта — пособия «Лестница: контроль от А до Я» [4], который является неотъемлемой частью учебно-методического комплекса, созданного в рамках единого мировоззренческого подхода к процессу обучения. Таким образом, в итоге мы имеем то, что составляет главную цель, потребность и ценность творческого процесса в широком смысле, — теоретическую базу и созданный на этой базе практический продукт.

Итак, перейдем к анализу особенностей и их связи с указанными выше принципами.

Блок 1 (мировоззренческий). Установка на систематичность контроля на начальном этапе обусловила его структуру: а) пошаговый контроль на этапе первичной закладки знаний и умений в ступенях 1—7; б) регулярно блоковый 1→7; 7→14; 15→21; в) итоговый 1→21. Принцип полнообъемности обусловил количество и разнообразие форм контроля. Так, например, проверка усвоения лекси-

---

¹ Council of Europe (2018, 2020), Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment — Companion volume, Council of Europe Publishing, Strasbourg www.coe.int/lang-cefr ALTE Materials For The Guidance Of Test Item Writers, 2005. <https://www.alte.org/resources/Documents/IWG%20July2005.pdf>; *Нахабина М.М. и др.* Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. М.; СПб.: Златоуст, 2001; Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень, базовый уровень, первый сертификационный уровень. М., 2001; *Андрюшина Н.П., Козлова Т.В.* Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень, общее владение. СПб.: Златоуст, 2016; *Антонова В.Е. и др.* Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение. Варианты. СПб.: Златоуст, 2019.

ко-грамматических знаний осуществляется в трех формах: в форме теста, контрольной работы, перевода фраз и текста с английского языка¹ на русский. Принцип многомерности обусловил интегративность контроля. Многомерность рассматривает любое явление как единое целое, как синергию частей, что в интересующей нас сфере диктует необходимость подходить к проверке знаний и умений владения новым языком как к целостному естественному процессу, задействующему несколько навыков. Таким образом, интегративный контроль — это связанность разделов контроля (аудирование, говорение, чтение, письмо) в целях оценки качества речи на новом языке, в том числе степень ее аутентичности. Универсальность и ориентация на личность диктует проведение не только индивидуального, но и группового контроля. Во время прохождения контроля навыков говорения / общения ученик больше не является объектом испытания, он его полноценный участник, который свободно входит в речевое взаимодействие не только с проверяющим, но и с другими участниками испытания.

Блок 2 (содержательный). Принципы, включенные в данный блок, привели к необходимости создания мотивационного контроля — имеется в виду разработка мотивационной основы для формирования устного или письменного высказывания. Аутентичность речи в том числе обеспечивается оправданностью ситуации для ее продуцирования. Искусственные, оторванные от живой практики применения языка ситуации делают контроль механистичным и схоластичным. Одним из источников аутентичной речи является необходимость обсуждения проблем и конфликтов с целью их разрешения или поиска компромисса. Соответственно, материалы для контроля должны быть дискуссионными и носить проблемный характер. При этом проблемность не будет содержаться во всех без исключения материалах, поскольку одним из важнейших принципов создания «Контроля» является разнообразие. И тем не менее, на наш взгляд, таких материалов должно быть больше половины. Как показала практика, такие материалы обладают сильным мотивационным потенциалом для высказывания и позволяют оценить достигнутые в изучении нового языка успехи в самой полной мере.

Блок 3 (пользовательский) двунаправлен: с одной стороны он обращен к ученику, а с другой — к проверяющему. Такая особенность, избыточность, делает систему гибкой, позволяет приспособить ее к конкретным потребностям и уровню владения. Избыточность предполагает не только обилие материалов и заданий, но и разный уровень их сложности. Ориентироваться помогает расположение материалов внутри ступени или блока. Например, в третьей ступени в разделе «Аудирование» представлено пять диалогов, которые расположены по принципу от простого к сложному. При этом усложняется и комплекс заданий к ним. Избыточность позволяет расширить возможности книги, в плане ее применения она приобретает черты эклектичности. В некотором смысле разделы контроля могут рассматриваться как книга в книге и применяться в качестве пособия, например, по аудированию или говорению / общению. Еще одна особенность дан-

---

¹ Представленные в Контроле задания на перевод через Ключи могут быть использованы для перевода на родной язык учащегося.

ного блока — эргономичный интерфейс, являющийся характерной чертой учебно-методического комплекса [4] в целом. Естественно, что в силу особенностей жанра применение всех составляющих эргономичного интерфейса невозможно, однако в тех разделах, где это оправданно, узнаваемые элементы, а именно эргономичные формулировки заданий и поликодовые тексты, с успехом выполняют свои функции.

Выше было показано, каким образом теоретическая основа была трансформирована в практические принципы, на которых создан конкретный учебно-методический продукт — учебное средство по контролю знаний и умений на начальном этапе (0 — А2/ В1).

Заключение

Следование указанной цели обучения позволяет значительно расширить аудиторию пользователей данной системой, включив в нее пользователей-билингвов. Поясним. Представляя неразрывное единство, сформулированная цель тем не менее включает в себя две неотъемлемые части: 1) свободное полноценное общение; 2) соответствие грамматической норме. Билингвы — это не аморфная совокупность, а группы людей; они группируются в зависимости от условий приобретения языка и условий и потребностей его использования. Для билингвов из стран СНГ и билингвов, воспитывающиеся в русскоязычных или смешанных семьях, постоянно проживающих за рубежом, возможно применение точечного контроля для выявления / коррекции ошибок как в общении, так и в грамматике и особенно в лексике. Известно, что беглый разговорный язык взрослых билингвов из СНГ далеко не всегда отличается чистой грамматикой и богатством лексического запаса. С этой точки зрения проведение мониторинга и исправления лексико-грамматических ошибок будет крайне полезно. В то же время для билингвов, которые находятся вне России, полезным будет контроль навыков свободного общения, уместности употребления этикетных фраз и эмоциональных вербальных реакций. Естественно, что в случае билингвов, должен быть проведен тщательный отбор контролируемых заданий. При творческом подходе возможно комбинировать задания разных ступеней.

Список литературы

1. Дубинина Н.А. Субтест «Говорение» теста по русскому языку как иностранному для школьников (уровень С1) // Билингвизм в современном мире: материалы международной научно-практической конференции 22—23 марта 2019 г., Парма, Милан (Италия) / отв ред. П.Г. Гельфрейх; Università di Parma; УМЦ развития билингвизма «Лев Толстой». СПб.: Златоуст, 2019. С. 188—191.
2. Ахола С., Башарин А.А., Башмакова Н.И. и др. Актуальные вопросы языкового тестирования / под ред. И.Ю. Павловской. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017.
3. Аникина М.Н. Целеполагание при обучении русскому языку как иностранному и средства достижения цели // Полилингвильность и транскультурные практики. 2018. Т. 15. № 1. С. 9—17. DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-1-9-17
4. Аникина М.Н., Яковченко А.А. Лестница: контроль от А до Я. М.: Русский язык. Курсы, 2021.

References

1. Dubinina, N.A. 2019. Subtest “Govorenie” testa po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya shkol’nikov (uroven’ S1). *Bilingvizm v sovremennom mire: Proceedings*. March, 22—23, 2019, Parma, Milan (Italiya): Universita di Parma publ.
2. Aktual’nye voprosy yazykovogo testirovaniya. 2017. S. Ahola, A.A. Basharin, N.I. Bashmakov. Issue. 2. SPb.: Izd-vo SPbGU publ. Print. (In Russ.)
3. Anikina, M.N. 2018. “Goal Setting in Russian Language Teaching-Learning and Motivational Textbook as a Way to Achieve the Goal”. *Polylinguality and Transcultural Practices* 15 (1): 9—17. doi: 10.22363/2312-8011-2018-15-1-9-17
4. Anikina, M.N. Yakovchenko A.A. 2021. *Lestnica: kontrol’ ot A do Ya*. Moscow: Russkij yazyk. Kursy publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе

Аникина Марина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. E-mail: m.n.anikina@gmail.com

Bio Note

Marina Nikolaevna Anikina is a Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: m.n.anikina@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-724-733

Научная статья

Работа с медиатекстом в аудитории: кейс-методика

Л.П. Дианова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76
✉ l.dianova56@mail.ru

Аннотация. В данной статье предлагается целостный подход к анализу текста как объекта лингвистического исследования и педагогического процесса. Дано определение понятия «текст», показаны его отличия от слова, словосочетания, предложения. Цель работы — продемонстрировать методику работы с текстовым целым, которая была бы универсальной как для обучающихся-иностранцев, так и для российских студентов. В рамках предложенной концепции выдвигаются такие понятия, как дискурс, медиатекст, креолизация, это свидетельствует о том, что образовательный процесс погружен сейчас в новую семиотическую реальность, которую нужно учитывать. Мы рассмотрели методику работы с медиатекстом в аудитории. Она носит универсальный характер и может быть применена на самом широком текстовом материале. Исследуя текст в его многоаспектности, мы даем обучающимся понять, насколько дискурсивна природа текста. Текст, как показывает наш кейс, не просто посредник между коммуникантами. Это синергетическая реальность, которую моделируют интенции одного коммуниканта и особенности восприятия другого. Наша главная задача состояла в том, чтобы ознакомить обучающихся с особенностями текста как элемента дискурса, а также научить их вдумчиво работать с его концептологическим полем. В качестве методов работы с текстом были рассмотрены SEO-анализ и составление когнитивных карт.

Ключевые слова: текст, медиатекст, креолизация, дискурс, контент-анализ

История статьи: поступила в редакцию 24.04.2022; принята к печати 04.10.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Дианова Л.П. Устойчивость знаний и навыков в процессе обучения второму языку // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 4. С. 724–733. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-724-733

© Дианова Л.П., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Working with Media Text in the Audience: Case Method

Lyudmila P. Dianova

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation
✉ l.dianova56@mail.ru

Abstract. This article proposes a holistic approach to text analysis as an object of linguistic research and pedagogical process. The purpose of the work is to demonstrate a methodology for working with a textual whole, which would be universal for both foreign students and students of Russian universities. Within the framework of the proposed concept, such concepts as discourse, media text, creolization are put forward, which indicates that the educational process is now immersed in a new semiotic reality that needs to be taken into account. We examined the methodology of working with media text in the audience. It is universal in nature and can be applied to the widest textual material. By examining the text in its many aspects, we let students understand how discursive its nature is. The text, as our case shows, is not just an intermediary between communicants. This is a synergistic reality, which is modeled by the intentions of one communicator and the peculiarities of perception of another. Our main task was to acquaint students with the features of the text as an element of discourse, as well as to learn how to work thoughtfully with its conceptual field. SEO analysis and cognitive mapping were considered as methods of working with text.

Key words: text, media text, creolization, discourse, content analysis

Article history: received 24.04.2022; accepted 04.10.2022

Conflict of interests: none

For citation: Dianova, L.P. 2022. “Working with Media Text in the Audience: Case Method”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (4), 724—733. DOI: 10.22363/2618-897X-2022-19-4-724-733

Введение

Прежде чем приступить к обсуждению такого феномена, как медиатекст, зададимся вопросом: что такое текст? В чем его отличие от слова, словосочетания, предложения?

Текст — важнейшая единица коммуникации. Главное средство коммуникации между людьми — язык; тем не менее целесообразно разграничивать такие понятия, как «язык» и «речь». Это — одна из пяти базовых антиномий, которые были предложены Ф. де Соссюром. Язык — упорядоченная система лексически полнозначных и лексически неполнозначных элементов. Это своего рода матрица, колоссальный домен, в котором хранятся не только все «юниты», но и потенциальные конфигурации этих юнитов в требуемом контексте. Речь — это конкретная реализация языкового потенциала, которая становится возможна благодаря тому, что говорящий (пишущий) осуществляет выбор (селекцию) необходимых элементов, которые способны оформить его мысль определенным образом в соответствии с замыслом (намерением). Такая речь называется активной. В то же

время воспринимающее сознание адресата «распаковывает» послание, исходя из собственных базовых установок (слушание, чтение). Такая речь именуется пассивной. Между адресантом (тем, кто формирует сообщение) и адресатом (тем, кто его получает) находятся:

- собственно текст;
- канал передачи информации.

Формула «адресант — текст — адресат» была предложена Р. Якобсоном; впоследствии ее уточнил Г. Ласуэлл, добавив к триаде компонент «канал информации»¹. Это существенное дополнение, так как от канала зависит и жанр, и формат моделируемого текста: в случае, если это телеграм-пост, мы воспользуемся определенными алгоритмами, помня о максиме количества и качества информации; если это колонка интернет-издания, имеющего печатную версию, требования к оформлению будут другими.

Наше послание — месседж — и будет текстом. Отсюда его главная дифференциальная черта: *коммуникативность*. Текст всегда направлен на коммуникацию. Он дискурсивен. И в этом случае неважно, насколько текст объемлен: коммуникативной (и полнозначной!) единицей может выступать и одно слово. Рассмотрим простой пример. Двое студентов беседуют. Один из них, показывая на окно, в котором виднеется осенний пейзаж, говорит: «Красота!» Одно это слово уже становится текстом: говорящий делится со слушающим своим отношением к действительности, характеризуя ее конкретным образом. Оценка говорящего соответствует реальному событию (не обязательно действию), к которому она отнесена. Соотнесенность текста с событием называется *пропозициональностью*. Более того, выражая свое отношение, говорящий, вероятно, задает импульс к тому, чтобы его собеседник поделился своим впечатлением. Так происходит диалогическое взаимодействие.

Однако зачастую текст не ограничен одним словом. Как правило, мы говорим о тексте, подразумевая два (и более) предложения, связанных между собой по смыслу и грамматически.

Смысловая связь подразумевает, что все компоненты текста (предложения) раскрывают некую общую тему. Это легко можно проверить, если попытаться подобрать к гипотетическому тексту *заголовок*.

Грамматическая связь осуществляется при помощи нескольких типов «сцепления» смысловых блоков. Рассмотрим типы связи подробнее:

- цепная связь (последовательная);
- параллельная связь;
- присоединительная связь.

Цепная связь в тексте осуществляется с помощью:

- лексического повтора (В комнату вошла *собака*. *Собака* была породистая и, судя по всему, хорошо обученная);

¹ Черняк М.А. Актуальная словесность XXI века. Приглашение к диалогу: учеб. пособие. 4-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2017; Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие. 5-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2019; Хроленко А.Т. Введение в филологию: учеб. пособие. 3-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2017; Филология и коммуникативные науки: учеб. пособие / ред. А.А. Чувакин; А.А. Чувакин, С.В. Доронина, И.Ю. Качесова, А.И. Куляпин, Н.В. Панченко, Т.В. Чернышов. 3-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2020.

– местоименного повтора (В комнату вошла *собака*. Она была породистая и, судя по всему, хорошо обученная);

– синонимической замены (В комнату вошла *собака*. Животное было породистое и, судя по всему, хорошо обученное);

– образной замены (В комнату вошла *собака*. Волкодав был породистый и, судя по всему, хорошо обученный).

Параллельная связь осуществляется в том случае, если предложения, не вытекающие одно из другого, связаны общей темой (Осень. Дни стали холоднее. Деревья сбросили последние листья).

Присоединительная связь предполагает вставку добавочной информации к уже сказанному (Осень. Дни стали холоднее. Деревья сбросили последние листья. К тому же уже шел снег. Скоро зима).

Вопросы и задания

1. Могут ли квалифицироваться как текст следующие единицы:

«Яблоко», «Дождь», «Осторожно!», «Не курить!», «Телефон спасения: XXX». Аргументируйте ваш ответ.

2. Рассмотрите предложения. Могут ли они считаться текстом?

Вода закипает при температуре 100 °С. Самое большое количество золота на нашей планете сконцентрировано в ядре Земли. Зимой высота Эйфелевой башни несколько меньше, чем летом.

3. Допишите к уже данным предложениям несколько дополнительных так, чтобы их единство представляло собой текст.

4. Развейте каждое из предложений до целостного (по смыслу и грамматически) фрагмента. Озаглавьте его. Используйте при этом все три типа связи.

Обсуждение

Говоря о комплексной работе с текстом, мы неслучайно обращаемся к такому аспекту, как психология восприятия. Мы уже упоминали, что текст — сложный, синергетический феномен: его системность и коммуникативная направленность взаимообусловлены; его гибкость (флексibilität) подстраивается под канал передачи информации; его интерпретация зависит от базовых установок воспринимающего сознания и того информационного, культурного «фона», который наличествует в сознании каждого из нас.

В связи с этим нам важно усвоить два понятия:

– когнитивная база;

– базовые пресуппозиции.

Когнитивная база — термин, заимствованный нами из психолингвистики. Он был разработан В.В. Красных [1]. Это тот общеобязательный минимальный фонд знаний, который делает взаимопонимание между представителями одной языковой общности возможным.

На основании единства когнитивной базы мы можем понимать и обыгрывать различные языковые элементы, относящиеся к прецедентным. Такие тексты, как «Он же памятник!», «Все течет, ничего не меняется», и прочие хорошо знакомы

нам в силу того, что подвержены активной передаче между поколениями (интергенеративной трансмиссии). Благодаря общности когнитивной базы возможно взаимодействие между людьми. Однако пресуппозиции — те знания, которые мы уже имеем до вступления в диалог с потенциальным собеседником, — у нас разнятся и зависят от индивидуального опыта. Так, например, чтобы «расшифровать» сравнение «красивая, как Эйфелева башня», собеседнику необходимо хотя бы понимать, как выглядит это сооружение. В ином случае текст останется для него «пустым», а значит, и бессмысленным.

Согласно концепции современных исследователей [2], наше восприятие «высвечивает» только те участки текста и те его потенциальные интерпретации, которые соотносятся с нашим опытом. Каждый активный творец текста обладает *идиостилем* — аутентичным способом вербальной репрезентации действительности. Так, например, каждый из нас руководствуется определенным когнитивным стилем, таким как дифференциальная простота или дифференциальная сложность [3]. Благодаря этим когнитивным механизмам мы выделяем в объекте описания либо главные (типовые) черты, либо проявляем внимание к деталям. Мы также можем выбрать синтаксически простые или синтаксически сложные конструкции для реализации своего замысла. Следовательно, если наш автор — носитель стиля дифференциальной сложности, т.е. моделирует тексты путем сцепления ССЦ (сложное синтаксическое целое), нецелесообразно вторгаться в его вербальное конструирование: гораздо эффективнее учесть закономерности и подстроиться.

Мышление одних авторов образно, мышление других — пропозиционально в высшем, алеатическом (истинном) модусе. Главное условие, которое должно быть при этом соблюдено, — *конгруэнтность* (соответствие) стилю, жанру, направлению. Каждый элемент текста должен «работать». Так, избыток метафор не всегда приемлем для научного стиля речи, однако некоторые из них настолько уместны, экспрессивны и доходчивы, что обогащают сам *дискурс*; говоря о дискурсе, вспомним, что это «речь, погруженная в жизнь», как емко охарактеризовала этот феномен Н.Д. Арутюнова.

Остальные максимы хорошего текста укладываются в знаменитый кодекс речевой кооперации Грайса:

- максима качества информации. Информация должна быть истинной: таков главный критерий речевой кооперации;
- максима количества информации. Информации должно быть предоставлено не больше и не меньше, чем это необходимо для взаимопонимания;
- максима релевантности. Необходимо быть логичным и следовать заявленной теме (не отклоняться от нее);
- максима манеры. В выборе вербальных средств следует руководствоваться принципами уместности, вежливости, целесообразности [4].

В случае, если максимы речевой кооперации нарушены, целесообразно внести правки в исходный текст. Это может быть фактологическая проверка, стилистическая правка, изменение архитектоники текста в зависимости от конечной интенции всех участников процесса: автора, редактора, издателя.

Задания

Мы приступаем к составлению когнитивных карт — формату так называемого выводного знания. Мозг человека — устройство, которое осуществляет оформление мыслительных операций нелинейно. Наше мышление неслучайно называют радиантным и ассоциативным. Технология составления когнитивной карты достаточно проста.

1. В тексте приведенной лекции найдите все терминологические и ключевые (по вашему мнению) единицы.

2. Расположите их на листе бумаги (экране компьютера) в произвольном порядке.

3. С помощью каузальных (причинных и следственных) цепочек обозначьте, в каких отношениях находятся между собой выявленные вами концепты. Например, «текст», «конгруэнтность»: «Одно из главных качеств текста — конгруэнтность».

4. Составьте предложения-описания к каждой каузальной цепочке.

5. Смоделируйте текст из полученных предложений.

В результате вы получите опорную схему и конспект лекции, который вы составите сами. Этот метод хорошо зарекомендовал себя в практической работе; применим его и мы.

Медиатекст и работа с ним

«Кто ясно мыслит, ясно излагает» — этот принцип должен лежать в основе любого текста. Но прежде чем мы коснемся этой стороны редакторской работы, обратим внимание на наш объект. Мы уже установили, что такое текст. Пора сосредоточиться на его гипонимической вариации — медиатексте.

Начало XXI в. ознаменовалось стремительным развитием технологий. Человек оказался на пересечении информационных потоков, в толще семиотической системы небывалого размаха. Нас повсюду окружают знаки, и медиатекст — знак особого уровня сложности. Об этом говорит первая часть сложного слова — «медиа-», дефинируя «среду обитания» такого текста — цифровую реальность. В цифровой реальности тексты редко существуют изолированно от поддерживающих каналов — аудиального и визуального: как правило, они атрибутированы изображениями, звуковыми дорожками или представлены в виде роликов — анимированных и кинематографических. Текст, структура которого включает, помимо вербального компонента, компонент невербальный, называют *креолизованным*.

Как правило, мы будем работать в медиатекстами разных форматов: это телеграм-каналы, посты соцсетей, авторитетные интернет-медиа. Главным критерием качества всех этих текстов (независимо от того, в каком ключе — диктумном или модусном — они написаны) остается логичность, которая, в свою очередь, универсальна для всех типов текста — описания, рассуждения и повествования.

Организация текста может быть построена по принципу индукции — «от простого к сложному», от частных фактов к общим выводам. Она может быть дедуктивна, т.е. от общего «сужаться» к частному. На уровне архитектоники текст за-

кономерно рассматривать как комплекс взаимосвязанных компонентов: Заглавия, Эпиграфа (при наличии), Введения, Основной части, Заключения. Целесообразно использование гегелевской триады «тезис — антитезис — синтез»: она адаптирована к многим медиатекстам, и знать о ее логических блоках необходимо.

Релевантность — следование макротеме текста — также относится к логике изложения. Однако помимо композиционного и архитектурного уровней важно учитывать и другие связи, например, таксономические: входят ли «овнешняемые» языком объекты в определенные классы?

Помимо языковой нормы существует норма логическая. Но так как гносеологический процесс в индивидуальном сознании протекает по-своему, норма (несмотря на ее кодифицированность, общепринятость, универсальность) может «варьироваться от автора к автору. К слову, именно так появляются окказионализмы — языковые новообразования с неожиданной семантикой, нарушающие привычную логику, например: «Лунеет мрамор» (И. Северянин), «Пере- что хочешь!» (В. Ходасевич).

Зачастую логические ошибки рассматривают как разновидности информационных помех. На уровне языка они могут быть представлены в синтаксисе («Подъезжая к вокзалу, с меня слетела шляпа»), семантике (например, памятный сувенир) и др. Этими вопросами занимается практическая стилистика.

Проверить текст на логичность можно с помощью приема свертывания (редукции): если пересказать содержание текста просто, значит, он построен правильно.

Основные законы логически построенного текста:

— закон тождества (каждая мысль, выраженная суждением, должна повторять свое содержание при вариациях суждения);

— закон противоречия (не могут быть одновременно истинными противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении. Этот закон известен со времен Аристотеля, сформулировавшего его так: невозможно, чтобы противоположные утверждения были вместе истинными);

— закон истинного суждения.

Авторский материал может быть организован по нескольким композиционным принципам. Как мы уже упоминали, в основе любого текста (и медиатекста в том числе) лежит событие, или пропозиция. Это событие будет для нас ядром наррации — общей повествовательной структуры.

Двигателем наррации является мотив — повторяющаяся сюжетная схема, благодаря которой мы понимаем, вокруг какого события построено повествование. Композиция — та внешняя событийная канва, которая повествование упорядочивает. В зависимости от того, какую расстановку акцентов запланировал автор, мы можем получить разные типы композиции — классическую линейную, параллельную, зеркальную, инверсированную, комбинированную.

Главное — соответствие текста замыслу автора (интенциональный аспект). Второе условие текста — соответствие формату издания. Прежде чем отправить рукопись в редакцию (постов и телеграм-постов это не касается, так как это ин-

дивидуализированный тип дискурса), необходимо подробно ознакомиться с форматными требованиями издания, языковой нормой, предпочтительными жанрами.

Особую роль в формировании целостного читательского восприятия играет заголовок — этот уровень информации мы обозначим как метатекстовый, или описательный. Именно заголовок запускает процесс герменевтического круга — он очерчивает наш «горизонт ожидания», настраивает восприятие на декодировку определенных смыслов, акцентирует наиболее значимое, и в то же время все прочитанное подтверждается заголовком: круг замыкается.

Заголовок должен быть экспрессивным, насыщенным, емким и запоминающимся. Зачастую в заголовке обыгрывается тот или иной прецедентный текст — или текст, который известен широкому кругу читателей в силу его упоминания в литературном произведении, кинофильме и т.д., например: «А судьи кто?» (статья о вступивших в судебскую должность).

Особенности композиции во многом детерминированы стилем, который является для рассматриваемого типа коммуникации доминирующим. Нам предстоит работать с публицистическим стилем, поэтому его характеристики целесообразно изучить уже сейчас.

Литературный язык — это язык нормированный; он подвержен кодификации: его нормы закреплены на уровне нормативных актов и словарей. Литературный язык надтерриториален (в отличие от диалектов). Собственно диалекты и различные социолекты в него не входят, так же, как арго, жаргон, койне. Тем не менее цифровая реальность по природе своей диффузна. Элементы различных стилей проникают друг в друга. По меткой формулировке академика В.В. Колесова, «почва в языке просела»: место высокого стиля в узусе занял средний, а место среднего — низкий. Коммуникация в виртуальном контексте — это зачастую разговорная речь в письменной форме. Однако соблюдать нормы литературного языка по-прежнему необходимо, в частности, орфографические, орфоэпические, семантические, стилистические, контекстуальные.

В процессе работы над текстом обучающемуся предстоит не единожды прочесть текст. Первый этап чтения, когда текст осознается как целое, называют ознакомительным; второй этап — углубленное чтение.

Самый важный этап работы над текстом — второй. Студенту предстоит освоить технику внимательного и скрупулезного чтения текста, чтобы зафиксировать все нюансы, все оттенки смыслов, все стилистические погрешности и внешние шероховатости. Углубленному чтению текста немало способствует его контент-анализ. Целесообразно воспользоваться квантитативной методикой SEO, благодаря которой можно очертить семантическое поле текста, определив его ядро, центр, ближнюю и дальнюю периферию. SEO-анализ — это беспристрастный взгляд на то, о чем написан данный текст. Сопоставление полученных параметров с заголовочным комплексом и композиционной структурой текста способно дать нам понимание того, насколько автору удалось приблизиться к своей цели. Главная же цель — кооперация с целевой аудиторией (ЦА), параметры которой также необходимо учитывать в процессе работы над текстом.

Текст должен также соответствовать принципам тема-рематического членения, где тема — уже известная адресату информация, а рема — то новое знание, кото-

рое автор стремится сообщить, производя амплификацию (приращение) исходной информации.

Существует четыре вида текстовой обработки:

1) вычитка делится на корректорскую (строгое соответствие текста нормам литературного языка) и собственно редакторскую, или «сквозную», учитывающую точность фактического материала, уместность использования цитат, конгруэнтность частей текста и пр.;

2) сокращение базируется на максиме количества информации. Текст должен быть доведен до требуемого объема путем сохранения его семантики;

3) обработка — своего рода апгрейд текста, приведение его в соответствие требованиям издания;

4) реконфигурация — переписывание текста с сохранением его содержания. Широко применяется метод синтаксической синонимии.

Заключение

Мы рассмотрели методику работы с медиатекстом в аудитории. Она носит универсальный характер и может быть применена на самом широком текстовом материале. Исследуя текст в его многоаспектности, мы даем обучающимся понять, насколько дискурсивна его природа. Текст, как показывает наш кейс, не просто посредник между коммуникантами. Это синергетическая реальность, которую моделируют интенции одного коммуниканта и особенности восприятия другого. Наша главная задача состояла в том, чтобы познакомить обучающихся с особенностями текста как элемента дискурса, а также научиться вдумчиво работать с его концептологическим полем. В качестве методов работы с текстом были рассмотрены SEO-анализ и составление когнитивных карт.

Список литературы

1. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
2. Медина Дж. Правила мозга. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2018.
3. Трошина Н.Н. О языковом аспекте когнитивного стиля // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 7 (746). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazykovom-aspekte-kognitivnogo-stilya> (дата обращения: 21.10.2022).
4. Grice H.P. Logic and Conversation. In: Syntax and Semantics, Vol. 3, Speech Acts, ed. by Peter Cole and Jerry L. Morgan. New York: Academic Press 1975. Pp. 41—58.

References

1. Krasnyh, V.V. 2003. “Svoj” sredi “chuzhih”: mif ili real’nost’? Moscow: Gnozis publ. Print. (In Russ.)
2. Medina, J. Pravila mozga. 2018. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber publ. Print. (In Russ.)
3. Troshina, N.N. 2016. “O yazykovom aspekte kognitivnogo stilya”. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki 7 (746). Web. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yazykovom-aspekte-kognitivnogo-stilya> (data obrashcheniya: 21.04.2022).

4. Grice, H.P. 1975. "Logic and Conversation". *Syntax and Semantics 3, Speech Acts*, ed. by Peter Cole and Jerry L. Morgan. New York: Academic Press. Pp. 41—58.

Сведения об авторе

Дианова Людмила Павловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных студентов Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. E-mail: l.dianova56@mail.ru

Bio Note

Ljudmila Pavlovna Dianova is a Ph.D in Philology, Assistant Professor, Chair of the Russian Languages for Foreign Students of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: l.dianova56@mail.ru

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2022 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

**«Полилингвильность
и транскультурные практики»**

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2022 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)